

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2020 '4

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2020

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2020
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2020

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2020

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saraliev**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. **E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2020
© Ivanovo State University, 2020

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами четвертый, последний номер журнала в 2020 году. Для издания и его читателей год был насыщен значимыми научными событиями. Журнал «Женщина в российском обществе» успешно прошел перерегистрацию как средство массовой информации, повысил свой статус в базе данных Scopus, стал соучредителем всероссийской научной конференции с международным участием по гендерной проблематике. Хочется поблагодарить членов редакционного совета, редакционной коллегии журнала, всех ученых — авторов статей за активную научную деятельность и пожелать новых творческих успехов в области гендерных исследований.

За период, прошедший с выпуска третьего номера, в жизни нашего коллектива произошло заметное событие. Заместителю главного редактора журнала, доктору исторических наук, профессору Н. Л. Пушкаревой присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Являясь крупным специалистом, основоположником исторической феминологии и гендерной истории, Н. Л. Пушкарева находит время для активной работы в журнале, будучи руководителем рубрики «Гендерная история». Мы сердечно поздравляем Наталью Львовну с заслуженным успехом и желаем ей дальнейшей творческой научной деятельности!

Хотелось бы поделиться с читателями еще одной новостью. В этом номере мы открываем новую рубрику «Гендерные ресурсы общественного развития» совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ в лице известного социолога, руководителя научно-практического экспертного совета «Гендерные ресурсы общественного развития и новый гендерный порядок», основателя направления «Гендерная социология», доктора философских наук, профессора Г. Г. Силласте.

По рекомендации совета в этой рубрике будут выступать специалисты в области гендерной политики, ученые, деятельницы женского движения. Не сомневаемся, что с открытием новой рубрики в журнале получит развитие направление исследования социогендерных отношений и процессов в России в условиях формирующегося нового гендерного порядка. От имени редколлегии желаем научному начинанию творческого долголетия.

Надеемся, что в 2021 году интерес авторов и читателей к нашему журналу сохранится. Мы готовы к сотрудничеству со всеми, кому небезразличны проблемы достижения гендерного равноправия в обществе.

Желаем всем успехов и творческих удач!

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 5—13
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 5—13
ББК 66.053
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1

«...СЛЫШУ РЕЧЬ НЕ МАЛЬЧИКА, НО МУЖА»: О ГЕНДЕРНО-ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПАХ В ПОЛИТИКЕ

Т. Б. Рябова^a, О. В. Рябов^b

^a Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

^b Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается взаимовлияние гендерных и возрастных стереотипов и их роль в политике. Первая часть статьи посвящена теоретическим аспектам политизации возраста, вторая — анализу функционирования гендерно-возрастных стереотипов в российской политике. Авторы показывают, что «пол» власти непосредственно связан с ее «возрастом», а символическая инфантилизация политического оппонента выступает одним из приемов его демаскулинизации и тем самым делегитимации.

Ключевые слова: политический символ, гендерно-возрастные стереотипы, символическая инфантилизация, российская политика, легитимация власти.

“NOT A BOY, BUT A MAN”: ON THE GENDER-AGE STEREOTYPES IN POLITICS

T. B. Riabova^a, O. V. Riabov^b

^a Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, riabova2001@inbox.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper deals with intersections of the gender stereotypes and age ones and their role in politics. Its first part focuses on theoretical issues of politicizing the age, and the second part analyzes the gender-age stereotypes in Russian politics. The authors point out that “gender” of power relates to its “age”, and symbolic infantilization of a political opponent serves as a means of his/her symbolic demasculinization and by that delegitimation.

Key words: political symbol, gender-age stereotypes, symbolic infantilization, Russian politics, legitimation of power.

© Рябова Т. Б., Рябов О. В., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31716 «“Поколенческий разрыв” в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение».

Гендерные стереотипы изучаются на протяжении нескольких десятилетий, в том числе их трансформация в современных условиях (см. об этом: [Хасбулатова, Смирнова, 2020]). Одним из направлений исследований является проблема влияния на гендерную стереотипизацию других стереотипов: этнических, профессиональных, расовых; в связи с этим в научный оборот вводятся такие понятия, как, например, этногендерные стереотипы [Рябова, 2018]. Изучается и взаимовлияние гендерных и возрастных стереотипов — начиная с работ, опубликованных около тридцати лет назад (напр.: [Kite et al., 1991]), что отражается в появлении в трудах отечественных авторов такого термина, как гендерно-возрастные (половозрастные) стереотипы (напр.: [Ермолаева, 2014; Крылов, 2019]). Однако использование в политике гендерно-возрастных стереотипов, определяемых нами как устойчивые, разделяемые, упрощенные представления о мужчинах и женщинах какого-либо возраста, еще не становилось объектом изучения.

В статье мы рассмотрим это взаимовлияние на примере репрезентаций маскулинности в политической борьбе. Сначала предметом анализа будут теоретические аспекты политизации возраста. Во второй части мы обратимся к вопросу о том, как происходит взаимодействие концептов возраста и маскулинности в современной российской политике, привлекая данные СМИ, а также результаты проведенных нами социологических исследований¹.

Возраст как политическое

В современной российской политике фактор возраста приобретает особое значение. Во-первых, это обусловлено остротой «поколенческого разрыва», при котором ценности разных поколений становятся все более различными. Во-вторых, это определяется активным участием несовершеннолетних в протестной деятельности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс образов, связанных с возрастом. В последнее время все более заметными становятся апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников в качестве аргумента в политической риторике. Конструктивистское понимание возраста подчеркивает социально детерминированный, изменчивый, контекстуально обусловленный характер представлений о возрасте. Таким образом, релевантными политике выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения. Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между поколениями, в политике могут преувеличиваться или приуменьшаться. В результате социальные границы дополняются символическими, которые

¹ Исследования осуществлялись в форме нестандартизированных интервью. Первое (N = 35, осень 2019 г., Санкт-Петербург и Иваново) было посвящено изучению роли символа детства в процессе политической мобилизации. Второе (N = 42, осень 2020 г., Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново) — значению межпоколенческого разрыва в легитимации власти современной России. Интервью проводились в городах, различающихся величиной, качеством жизни, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, этнокультурными особенностями. Информанты во всех случаях дифференцировались по полу, возрасту и политическим предпочтениям. Благодарим за работу с информантами Л. Л. Клещенко, У. К. Мутаева, Е. В. Панкратову, Е. А. Пашковского, С. В. Смаль, Ю. Н. Фролову.

создаются при помощи маркеров — символических пограничников; к ним можно отнести любые семиотические средства, с помощью которых проводится такая граница, включая и маркеры возраста.

В современной науке существует несколько трактовок того, как интерпретировать «поколение» (включая демографические и социокультурные подходы). Мы используем понятие поколения в символическом значении, как обозначение различия «старого» и «нового» [Дубин, 2002]; оно может применяться при характеристике, например, отличий «отцов» от «детей» в разных сферах жизни общества и государства. Мы исходим из того, что в поколенческом дискурсе значение поколений создается и пересоздается политическими акторами в зависимости от их политических целей. «Немощные старики» и «неразумные дети», следовательно, являются «воображаемой» реальностью. Но, будучи включенными в репрезентации политических акторов и политических процессов в поколенческом дискурсе, эти маркеры влияют на политическую реальность, в частности на укрепление или ослабление легитимности участников политического процесса.

Маркировка индивида или сообщества как ребенка означает демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля за ними. Однако старость также может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым — фактором, снижающим легитимность политического актора. Приписывание политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам мы предлагаем рассматривать как приемы символической борьбы и обозначать как соответственно «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию». Символическая инфантилизация, о которой дальше пойдет речь, может быть определена как прием символической политики, который заключается в уподоблении индивида или группы ребенку с целью получения преимуществ в политической борьбе [Riabova, Riabov, 2020: 125]. Инфантилизация включает в себя и прямую маркировку политического актора как ребенка, сравнение поведения в политике с детским, и косвенную, т. е. наделение качествами, которые воспринимаются как атрибуты детства: эмоциональностью, неразумностью, беспомощностью, зависимостью, безответственностью, обидчивостью и др.

Символ детства, будучи одним из наиболее эмоционально насыщенных, связанным с мифом и апеллирующим к личному опыту каждого индивида, давно находится в арсенале политической пропаганды. Наиболее исследованным является привлечение оппозиции «взрослый — ребенок» в колониальный дискурс, где метафора детства используется для легитимации отношений власти и подчинения. В дискурсе, который делит мир на Запад и «все остальное», уподобление «дикарей» детям призвано подчеркнуть инаковость народов, населяющих колонии, показать их нецивилизованность и неспособность к самоконтролю, что вносит вклад в оправдание «бремени белого человека» [Nandy, 1984; Hall, 1997]. Другая важная функция использования символической инфантилизации состоит в том, что образы колониальных народов-детей помогают представить отношение к ним со стороны метрополии как проникнутое заботой и опекой (о том, как используется материнский символ в данном контексте в России, см.: [Riabov, 2020]).

Среди аспектов символической инфантилизации важное место принадлежит гендерному. Символ детства имеет немало общего с другими знаками инаковости, в том числе с репрезентациями женщин в андроцентрической культуре. В частности, было обращено внимание на то, что колониальные народы уподобляются не только детям, но и женщинам, что подчеркивает их природность, инаковость по отношению к норме — взрослому мужчине, олицетворяющему цивилизацию; женщин же наделяют «детскими» качествами и соответствующими функциями [Ortner, 1974]. Вопрос о том, что именно оказывает влияние на гендерные отношения в обществе, занимает заметное место в гендерных исследованиях. Один из наиболее примечательных в теоретическом отношении ответов на него предлагает методология интерсекционализма. Согласно данной методологии, дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии [Crenshaw, 1991]. На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастной признак.

Взаимовлияние гендерного и возрастного дискурсов обусловлено не в последнюю очередь тем, что они обладают сходными характеристиками: используются как маркеры в проведении символических границ; апеллируют к естественным, природным, основаниям дифференциации; связаны с отношениями власти и подчинения (оппозиция «ребенок — взрослый», подобно оппозиции «женщина — мужчина», может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их).

Символическая инфантилизация и символическая демаскулинизация в российской политике

Итак, лишение статуса взрослости политического актора означает и отрицание у него наличия характеристик традиционной маскулинности. В частности, это заметно в политической риторике современной России.

Использование гендерно-возрастных стереотипов в российских медиа можно рассмотреть в контексте «ремаскулинизации России», т. е. проводимой российскими властями политики национальной идентичности, которая имеет два измерения: продуцирование позитивных образцов национальной маскулинности и создание образа России, наделенного маскулинными коннотациями (сила, независимость, рациональность и др.) [Riabov, Riabova, 2014]. Характеризуя гендерный порядок российского общества последних полутора десятилетий, необходимо отметить рост влияния такого типа маскулинности, как «мужик», антиобразцами для которого выступают ролевые модели «женщина», «гомосексуалист» и, что особенно примечательно в контексте данной статьи, «ребенок» [Шабурова, 2002: 534]. Образ мужика используется в легитимации власти, которая, в свою очередь, поддерживает этот образ национальной мужественности. Репрезентации представителей власти как взрослых и ответственных людей сопровождаются символической инфантилизацией ее оппонентов [Riabova, Riabov, 2020].

Привлечение символа детства выполняет еще одну функцию, помогая позиционированию России и во внутренней политике, и на международной арене как рациональной, ответственной, сильной — иными словами, «взрослой» страны, оборотной стороной чего выступает символическая инфантилизация значимых Других. Так, Запад и его лидеры обвиняются в инфантилизме и лишаются тех качеств, которые закрепляются за взрослыми: самостоятельности, ответственности, рациональности, ума, чувства реальности². Это представление о современном Западе отражается и в высказываниях российских политиков. В частности, примечательным является ответ В. Путина на вопрос журналиста, почему президент предпочитает не рассказывать о том, как живут его дети и внуки: «Я знаю, что западная политическая культура связана с представительством членов семьи, но мне кажется, что мы не в таком состоянии находимся, чтобы заниматься этим театром. У нас должно быть по-взрослому, по-серьезному»³.

Как Старая, так и Новая Европа, а также некоторые страны постсоветского пространства подвергаются в российских медиа символической инфантилизации — с теми же коннотациями слабости, неразумности, капризности, безответственности [ibid.]. Рассмотрим подробнее символическую инфантилизацию украинского Другого. Прежде всего следует выделить прямые указания на инфантильность украинских политиков и украинского общества, в том числе использование маркеров «инфантильный», «дети», «не-взрослые» и т. д. Показательно, что такого рода характеристики используются не только российскими журналистами, но и политиками высокого ранга. Помимо прямой маркировки политики Украины как детской, активно привлекается косвенная: власти страны и ее население наделяются качествами, которые ассоциируются с детьми, их картиной мира, поведением и чертами характера: наивностью, верой в чудо, эгоцентризмом, безответственностью, неспособностью контролировать свое поведение [ibid.].

Не вызывает удивления, что в подобном контексте излюбленной мишенью символической инфантилизации российских медиа стал президент Украины В. Зеленский, если принять во внимание его молодой возраст и отсутствие политического опыта⁴. Так, «Комсомольская правда» назвала его малышом, комментируя позицию по поводу переговоров с Россией⁵. Инфантилизация происходит и при помощи приписывания украинскому президенту желания подражать успешным политикам. Именно так интерпретируется поведение Зеленского

² См., напр.: Мария Захарова провела еженедельный брифинг МИД России // Русское агентство новостей. 2017. 28 сентября. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/мария-захарова-провела-еженедельный-брифинг-мид-россии-28-09-2017/> (дата обращения: 05.10.2020); Дробницкий Д. От такого впадения в детство старой западной элиты становится страшно // Взгляд. 2019. 29 июля. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/7/29/989863.html> (дата обращения: 05.10.2020).

³ См.: Назарова А. Путин рассказал о счастье общения с внуками // Взгляд. 2020. 7 октября. URL: <https://vz.ru/news/2020/10/7/1064080.html> (дата обращения: 07.10.2020).

⁴ Напр.: Российский политолог о Зеленском: «Мальчишку выдернули с одной сцены и поставили на другую» // Pravda. Ru. 2019. 1 августа. URL: <https://www.pravda.ru/world/1427180-krutakov/> (дата обращения: 05.10.2020).

⁵ Смирнов Д. Встречу с Путиным Зеленский должен заслужить // Комсомольская правда. 2019. 24 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26981.7/4039962/> (дата обращения: 05.10.2020).

во время посещения передовой, в чем видят подражание российскому президенту, причем, по мнению журналиста, получается, скорее, как «пародия на детей, которые обули мамины туфли и пытаются всячески копировать взрослых»⁶. Сравнением с Путиным зачастую ставится под сомнение и мужественность Зеленского, в частности, российские СМИ высмеяли его «неправильный» бронжилет, одетый им при визите в Донбасс⁷. И здесь, очевидно, инфантилизация идет параллельно с демаскулинизацией: метафора детства и гендерная метафора взаимодействуют и усиливают друг друга.

Таким образом, Украина, характеризуемая российскими СМИ как инфантильная страна, страна-ребенок, наделяется негативными коннотациями детства: безответственностью, эгоцентризмом, неспособностью контролировать свое поведение, подражанием взрослым, ей отказывают в чувстве реальности, в способности трезвого осмысления ситуации. На этом фоне Россия предстает ответственной, рациональной, уверенной в себе, что подразумевает отношение российской власти к недружественным шагам Украины лишь как к «шалостям маленьких детей»⁸.

Представления россиян о сегодняшней Украине коррелируют с рассмотренными репрезентациями, производимыми российскими медиа. Это показали и результаты проведенного нами интервью. Отвечая на вопрос, поведение каких стран можно сравнить с детским, подавляющее большинство информантов назвали Украину (другими популярными вариантами были Польша и страны Балтии). Объясняя свою позицию, они использовали такие маркеры детства, как несамостоятельность, беспомощность, безответственность, неумение отвечать за свои поступки, детская обидчивость и т. д.

Украина. Куда позвали, туда пошли. Что сказали, то и делают (Дмитрий, 45 лет, политическая ориентация — «за Путина»).

Все во всем виноваты, только не они (Ольга, 60 лет, политически индифферентная).

Украина. Детский сад, ясельная группа. Всех... сжечь, спалить. И агрессия, и безответственность (Людмила, 60 лет, коммунистка).

Украина. Хочет прибиться то к одной мамке, то к другой мамке (Милана, 47 лет, «за Путина»).

Похожие маркеры использовались по отношению к тем политикам, чье поведение сравнивали с поведением детей. Чаще всего упоминался Зеленский,

⁶ Гришин А. «Послушай, я президент этой страны!» // Комсомольская правда. 2019. 26 октября. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27059.5/4126661/> (дата обращения: 05.10.2020).

⁷ В сети высмеяли бронжилет, в котором Зеленский разгуливал в Донбассе // Труд. 2019. 15 октября. URL: http://www.trud.ru/article/15-10-2019/1381544_v_seti_vysmejali_bronzhilet_v_kotorom_zelenskij_razgulival_v_donbasse.html (дата обращения: 05.10.2020).

⁸ См., напр., интервью Р. Кадырова о Зеленском: Кадыров разочаровался в Зеленском // News.ru. 2019. 20 мая. URL: https://news.ru/politika/kadyrov-razocharovalsya-v-zelenskom/?utm_source=smi2bonus (дата обращения: 05.10.2020).

которого наделяли «несерьезностью», «импульсивностью», «неумением контролировать свое поведение», «некомпетентностью», «непоследовательностью», «неопытностью», «неспособностью принимать зрелые решения». Интересно, что так считали даже участвующие в нашем опросе несовершеннолетние (хотя иногда встречалось и привлечение позитивно окрашенных маркеров детства, например «непосредственности»).

Подведем итоги. Мы рассмотрели примеры функционирования гендерно-возрастных стереотипов в политике: и в политической риторике, и в политических представлениях. Стереотипные представления о власти предполагают наделение ее маскулинными характеристиками; соответственно символическая демаскулинизация политических оппонентов является одним из приемов символической борьбы. Однако обладание эталонной маскулинностью предполагает наличие не только гендерных, но и возрастных признаков, а легитимность власти зависит в том числе от репрезентаций ее как зрелой. Иными словами, у власти есть не только «пол», но и «возраст», которые коррелируют друг с другом. Поэтому символическая инфантилизация выступает одновременно приемом демаскулинизации и тем самым делегитимации оппонента.

И, завершая статью, хотелось бы обратить внимание на контекст фразы «Наконец / Я слышу речь не мальчика, но мужа. / С тобою, князь, она меня мirit», которую в пушкинском «Борисе Годунове» Марина Мнишек произносит, обращаясь к Самозванцу. На наш взгляд, великий поэт показывает, что использование оппозиции «мальчик — мужчина», связанное с апелляцией к гендерной и возрастной идентичности политического актора, не просто релевантно политике, но и может выступать одним из весьма эффективных способов политической манипуляции.

Библиографический список

- Дубин Б. В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 11—15.
- Ермолаева О. А. Половозрастные стереотипы у младших школьников и их родителей // Психология обучения. 2014. № 3. С. 56—70.
- Крылов Ю. В. Гендерно-возрастные стереотипы, отраженные в языке: (на примере функционирования обращений «девушка»/«женщина») // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 75—80.
- Рябова Т. Б. «Белое солнце Пальмиры»: маскулинность киногероев холодной войны в современной символической политике // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 36—48.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. № 2. С. 161—171.
- Шабурова О. В. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(N)ственности / под ред. С. Ушакина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 532—555.
- Crenshaw K. W. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241—1299.

- Hall S. The Spectacle of the «Other» // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / ed. by S. Hall. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 223—290.
- Kite M. E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of young and old: does age outweigh gender? // Psychology and Aging. 1991. Vol. 6, № 1. P. 19—27.
- Nandy A. Reconstructing childhood: a critique of the ideology of adulthood // Alternatives: Global, Local, Political. 1984. Vol. 10, № 3. P. 359—375.
- Ortner S. B. Is female to male as nature is to culture? // Woman, Culture, and Society / ed. by M. Z. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford (CA): Stanford University Press, 1974. P. 67—87.
- Riabov O. The symbol of the Motherland in the legitimation and delegitimation of power in contemporary Russia // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, iss. 4. P. 752—767.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Riabova T., Riabov D. Infantilization of the Other: metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations // Australian Slavonic & East European Studies. 2020. Vol. 34. P. 125—149.

References

- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color, *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241—1299.
- Dubin, B. V. (2002) Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy poniatia [Generation: sociological borders of the concept], *Monitoring obshchestvennogo mnenia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremny*, vol. 58, no. 2, pp. 11—15.
- Ermolaeva, O. A. (2014) Polovozrastnye stereotipy u mladshikh shkol'nikov i ikh roditel' [Junior schoolchildren's and their parents' sex-age stereotypes], *Psikhologiya obucheniia*, no. 3, pp. 56—70.
- Hall, S. (1997) The spectacle of the “Other”, in: Hall, S. (ed.), *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, pp. 223—290.
- Kite, M. E., Deaux, K., Miele, M. (1991) Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender?, *Psychology and Aging*, vol. 6, no. 1, pp. 19—27.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2020) Gendernye stereotipy v tsifrovom obshchestve: sovremennye tendentsii [Gender stereotypes in digital age: the contemporary tendencies], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 161—171.
- Krylov, Iu. V. (2019) Genderno-vozzrastnye stereotipy, otrazhennye v iazyke: (Na primere funktsionirovaniia obrashchenii “devushka”/“zhenshchina”) [Gender-age stereotypes reflected in language: (In the example of the functioning forms of address “devushka (girl)”/“zhenshchina (woman)”)], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 75—80.
- Nandy, A. (1984) Reconstructing childhood: A critique of the ideology of adulthood, *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 10, no. 3, pp. 359—375.
- Ortner, S. B. (1974) Is female to male as nature is to culture?, in: Rosaldo, M. Z., Lamphere, L. (eds), *Woman, Culture, and Society*, Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 67—87.
- Riabov, O. (2020) The symbol of the motherland in the legitimation and delegitimation of power in contemporary Russia, *Nationalities Papers*, vol. 48, iss. 4, pp. 752—767.
- Riabova, T. (2018) “Beloe solntse Pal'miry”: maskulinnost' kinogeroev kholodnoi voiny v sovremennoi simvolicheskoi politike [“The white sun of Palmira”: the Cold War

cinematic masculinities in contemporary symbolic politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 36—48.

Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.

Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilization of the Other: metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations, *Australian Slavonic & East European Studies*, vol. 34, pp. 125—149.

Shaburova, O. V. (2002) Muzhik ne suetitsia, ili Pivo s kharakterom [The muzhik does not fuss, or Beer with strong character], in: Ushakin, S. (ed.), *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 532—555.

Статья поступила 07.10.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 14—26
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.2

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 14—26
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.2

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru

Предлагается новый ракурс анализа семьи с использованием парадигмы социальной субъектности, с одной стороны, и авторской концепции феномена «новый гендерный порядок» — с другой. Такое осмысление социальной гендерной реальности через субъектность семьи как традиционного социального института позволяет раскрыть несколько потенциальных научных направлений ее изучения сквозь призму социогендерного ресурса общественного развития в новых социальных реалиях. Рассматриваются особенности нового гендерного порядка как объекта внешнего управления в междустрановом пространстве, влияние фактора экстремального развития мирового сообщества в ситуации глобальной пандемии, так называемой пандемической экстремали, имеющей гендерную специфику воздействия.

Ключевые слова: субъектность, семья, новый гендерный порядок, инклюзивная экономика, пандемический кризис, триединство (триада) функций, дуализм функций, транзитивная экономика, транзакционный подход, гендерная экономика, социогендерные отношения.

© Силласте Г. Г., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

TRANSITIVITY OF THE FAMILY AND ITS SUBJECTIVITY IN THE PROCESS OF FORMING A NEW GENDER ORDER

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The article is innovative and devoted to theoretical analysis of understanding scientific approaches to the study of the family in transitive Russian society development, inconsistency of social change in the process of forming a new gender order and transition of the global economy towards an inclusive development model. The transition to it has accelerated the factor of extreme development of the world community in the situation of the global viral pandemic. The author considers new approaches to the study of the family in the context of the new gender order formation, based on the change of the social functions dualism of the family, strengthening its subjectivity, introducing new theoretical approaches to the family study from the positions of gender economics, transactional approach, inclusive paradigm and theories of gender equality, their place in the new gender order and inclusive economy.

Key words: subjectivity, family, gender order, inclusive economy, pandemic crisis, trinity of family functions, dualism of functions, transitive economy, transactional approach, gender economy, socio-gender relations.

«Кристалл общества» и общественные тревоги

«Кристалл общества» — такое яркое название дал семье великий француз В. Гюго. Как в природе твердые тела состоят из упорядоченных симметричных кристаллов, так и общество объединяет великое множество семей, каждая из которых отражает все, что происходит в окружающем мире, его трудности и беды. А если учесть, что в семьях проживает до 80 % российского населения, то не будет преувеличением сказать: все, что переживает семья, переживает и российское общество в целом. Отсюда и не сходящие с телеэкранов и не утихающие в Сети эмоциональные баталии вокруг настоящего и будущего семьи, которая как общественная ячейка по своему историческому возрасту много старше институтов и религии, и государства. Из всех определений семьи считаю наиболее точным и научно выдержанным определение социологическое, рассматривающее семью как *малую группу, основанную на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.*

Поставлю задачу приподняться над близкими сердцу социолога эмпирическими данными проведенных исследований. Их много, они доступны, так как отрасль знания по социологии семьи в России одна из самых эмпирически насыщенных, в которой пересекаются исследователи разных тематических областей и частных социологических теорий: социологии семьи, гендерной и экономической социологии, социальной педагогики и психологии, философии и истории. Однако

социальное время не только меняет семью, но и обновляет научные подходы к ее изучению. Поэтому при определении места семьи в изменившихся социальных условиях в российском обществе и в мире постараюсь проанализировать обусловленность ее трансформации влиянием трех важных факторов: формирующегося в мире нового гендерного порядка, перехода от транзитивной экономики к инклюзивной, изменения функций семьи и ее субъектности. Изложу позиции в традиционном для себя формате социологических сюжетов.

Сюжет 1. Субъектность семьи в условиях социальной реальности и модуса настоящего социального времени

Прежде всего, не могу не отметить, что в отечественной социологии семья и труд самые изученные и изучаемые области социальной реальности. Достаточно назвать имена таких советских и российских социологов, как А. Г. Харчев, А. И. Антонов, И. В. Бестужев-Лада, С. И. Голод, М. С. Мацковский и многие другие, не говоря уже о зарубежных социологах (И. Най, Дж. Хилл — США; Ф. Мишель — Франция), которые с разных позиций подходили к изучению семьи в зависимости от направления исследований, запроса практики и социального времени, научного видения и собственной гражданской позиции. Каждое социальное время ставит свои задачи и вносит свои коррективы в исследовательский процесс, казалось бы, уже многогранно изученного объекта.

Что нового привнес анализ ситуации в области развития семьи в модусе настоящего социального времени?

Во-первых, со сменой общественной формации (использую именно это определение К. Маркса) произошел переход от рассмотрения места семьи в обществе как малой группы и социального института (дуалистический подход) к изучению ее *социальной субъектности* в новых условиях. Вспомним, что субъектность (от лат. *subjectum* — подлежащее) это свойство индивида или социальной группы быть субъектом активности Я, носителем идеи, влияющей на внешний мир. Как современный субъект активности во внешнем мире семья представляет собой влиятельный социальный коммуникативный институт и социальную среду. Этот субъект воздействует на жизнеспособность не только малой группы (члены семьи), но и социального института как субъекта многогранной деятельности общества, состоящего на 80 % из людей, проживающих в семьях и поддерживающих развитие всего регионального гендерного ландшафта России.

Подход с позиции субъектности семьи непосредственно сопряжен с анализом расширения ее социальных функций в системе рыночных отношений и транзитивной экономики. В этом случае семья рассматривается не столько как малая группа (на уровне анализа внутригрупповых отношений и межличностного взаимодействия), сколько как динамично развивающийся, изменяющийся во времени и пространстве социальный институт, аккумулирующий человеческий потенциал развития социума и являющийся активным экономическим субъектом (актором) рыночных отношений. Это происходит посредством участия семьи в экономической деятельности, как внутренней (развитие домашнего хозяйства), так и внешней (роль наемного работника различных отраслей экономики). Будучи субъектом рыночной экономики, семья развивает разные виды деятельностной активности и взаимодействия, влияя на развитие института экономики в целом.

Таким образом, субъектность семьи обладает третичностью социальных функций вместо их дуалистичности, принятой в системе социалистических норм гендерного порядка, социалистического производства и отношений. Это первая — по своей природе гносеологическая — особенность анализа положения российской семьи, эволюции ее статуса с позиции субъектности в условиях рыночных отношений и формирования нового гендерного порядка.

Сюжет 2. Социальная субъектность семьи и новый гендерный порядок

Вторым фактором усиления социальной субъектности семьи является внешнеполитический (международный), связанный с расширением странового ареала распространения идей глобального феминизма (как констатируется структурой «ООН-женщины») и формированием в мире нового гендерного порядка.

Гендерный порядок в своей основе представляет триединство социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и их решению. Базовая парадигма формирования нового гендерного порядка заключается в продвижении в мировом масштабе концепции гендерного равенства. Как заявил Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, «достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек являются незавершенной задачей нашего времени и величайшей проблемой в области прав человека в сегодняшнем мире» [Гендерное равенство, 2020].

Специально созданное для решения этой долгосрочной задачи новое подразделение ООН — структура «ООН-женщины» утверждает, что предстоит еще многое сделать для достижения равенства мужчин и женщин. Продвижение концепции гендерного равенства в мировом масштабе началось с конца второго тысячелетия, но приобрело активные формы и организационную структуру в лице специальной комиссии, а потом подразделения «ООН-женщины» с 2008 г. В целом ООН играет важную роль в деле расширения прав и возможностей женщин, фиксации их положения во всех странах мира и формирования глобальных стандартов по вопросам гендерного равенства.

Таким образом, лидирующие позиции в продвижении в мир-системе нового гендерного порядка, концепта субъектности семьи и идеологии гендерного равенства возложила на себя всемирная социальная организация, наделенная серьезными полномочиями и ресурсами для реализации своих идей.

Концептуальная база гендерного равенства в XXI в. обрела институциональный характер, а также созданный для ее продвижения в общемировом масштабе социально-правой механизм. Это серьезный фактор и платформа распространения долгосрочного влияния на национальные страновые политики. Тем более если напомнить, что одной из первых успешно выполненных задач Комиссии ООН по положению женщин был надзор за соблюдением гендерно-нейтральных формулировок в проекте Всеобщей декларации прав человека (кстати сказать, Комиссия стала глобальным руководящим органом, занимающимся исключительно вопросами гендерного равенства и улучшения положения женщин).

В совокупности охарактеризовала бы произошедшую всемирную институционализацию программы формирования нового гендерного порядка и усиления в ней внимания именно к семье не иначе как «социальный звонок» российским законодателям о необходимости защиты приоритета национального законодательства в вопросах семьи, брака, гендерного равноправия и реального влияния семьи на развитие социального потенциала и человеческого капитала российского общества и государства в новом тысячелетии.

Добавлю, что глобальный феминизм вкупе с киберфеминизмом продвигает негативное отношение к семье как культурно-историческому институту, отражающему ментальность нации, ее ценностный морально-этический код национальных традиций. Парадигмальный концепт гендерной нейтральности в приложении к семье содержит серьезные социальные риски ее нивелирования и девальвации, соподчинения чужим нормам и правилам гендерного порядка в области развития семьи.

Надо согласиться, что распространение идеи гендерного равенства, в основе которой лежит теория гендерной нейтральности, как и признание множественности гендеров, нетрадиционных семей, их квазиформ, больше всего интригует сознание молодежи и зависит от экономических и неэкономических факторов, места института семьи в воспроизводстве человеческих, социальных, интеллектуальных ресурсов, говоря экономическим языком, в воспроизводстве человеческого капитала для развития общества и государства.

Усиление в глобальном масштабе роли субъектности семьи отчетливо просматривается на примере правового закрепления в законах 27 стран Евросоюза возможности заключения однополых браков в качестве браков ценностно равнозначных двуполым. Причем такие законы принимаются часто вопреки протестным акциям сторонников традиционного типа семей. Подобные законы, принятые в одной из стран Евросоюза, по цепной реакции должны быть утверждены парламентами других европейских государств и таким образом стать нормой нового гендерного порядка для стран Евросоюза, который затем активно «продавливает» принятие этой нормы во всех государствах. Законодательные нормы нового гендерного порядка являются обязательными для выполнения всеми странами Евросоюза даже в том случае, когда население каких-либо стран эти новации и не поддерживает.

Теория гендера переросла рамки сугубо научной дефиниции и стала конфликтогеном, в частности, коммуникативного гендерного конфликтогенеза. Так, казалось бы, из безобидного научного определения древнегреческого слова «гендер» возникла социальная и правовая коллизия на международном пространстве. Однако, как справедливо писал Ф. М. Достоевский, «свободен в жизни первый шаг, но мы рабы второго». А вторым может быть требование однополых супругов воспитывать ребенка. Встанет вопрос: «Чьего? От каких родителей и как, каким примером воспитывать, какие ценности семьи и какой семьи передавать?»

Проблемы, отнюдь не только лингвистического характера, возникают и при толковании концепции гендерной нейтральности. Но социальный факт очевиден: развитие принципов радикального феминизма в мировой практике продвижения гендерного равенства себя еще не исчерпало и можно ожидать разных сюрпризов.

Скрытый, медленно и целенаправленно действующий механизм распространения новых норм гендерного порядка, которые, как показала социальная реальность последних 10 лет, обретают силу социальных конфликтоносителей, проявляется в различных странах по-разному. Конфликты на базе гендера обладают широким диапазоном влияния: они охватывают сферу труда, производственных отношений, развитие семьи, процесс межличностных отношений, спорт, межгрупповое взаимодействие, сферу моды. Социально более уравновешенным является пространство действия социально-креативных форм экономического поведения.

Сюжет 3. Гендерная экономика как инструмент проникновения в социальную субъектность семьи

Исследуя социальную субъектность семьи, приходишь к выводу о необходимости применения новых, дополнительных исследовательских инструментов познания протекающих процессов обеспечения гендерного равноправия в сферах экономической занятости членов семей (и не членов тоже) и барьеров на пути к нему (гендерному равенству, по терминологии ООН). Самыми распространенными барьерами такого рода являются дискриминация и сегрегация, быстро вернувшиеся в российскую экономику после развала планового хозяйства и советского гендерного порядка. С этой точки зрения более серьезного анализа заслуживает концепция *гендерной экономики и применения транзакционного подхода к изучению семьи и домашнего хозяйства*.

О чем идет речь? О синтезе идей и подходов к семье, с одной стороны, как к малой группе и социальному институту (позиция дуальности ее социальной роли), а с другой — как к субъекту экономического развития, обладающему своими ресурсами, стратегией, формами и инструментами достижения поставленных в домашнем хозяйстве целей.

Традиционная экономическая теория домашнего хозяйства сосредоточивает свое внимание прежде всего на так называемых видимых объектах (например, спрос на товары, предложение рабочей силы на рынке труда и занятости), но не заглядывает внутрь, в социальный смысл закрытого для экономистов хозяйственного пространства. Этот «ларчик» открывают социологи, особенно те, кто занимается исследованиями в области экономической социологии. С позиции теории гендерного равенства в экономике должен обеспечиваться равный доступ женщин и мужчин к реальным ресурсам развития: экономическим, социальным, финансовым.

Гендерная экономика, по определению И. Е. Калабихиной, «это отрасль экономических знаний о взаимовлиянии гендерной дискриминации и социально-экономического развития» [Калабихина, 2008: 4]. Занимаясь данной областью с позиции экономической социологии, позволю себе внести некоторые уточнения, дополнив интерпретацию коллеги, и предложить следующее определение понятия «гендерная экономика». *Гендерная экономика — это область интегративного экономического и социологического знания о влиянии гендерной дискриминации на поведение дискриминируемых групп в процессе их экономической деятельности, отражающееся на экономических и социальных отношениях в сфере экономики.*

Таким образом, предметом гендерной экономики с позиции социологического подхода являются гендерная дискриминация и ее последствия, а с позиции экономического подхода — влияние гендерного фактора на социально-экономическое развитие, в рамках этого подхода фиксируется статистическое гендерное неравенство в доступе к экономическим ресурсам, анализируются его причины и последствия в отношении социально-экономического развития общества и качества жизни гендерных групп [там же].

Принципиальный вопрос гендерной экономики — достижение гендерного равенства в распределении экономических ресурсов между представителями гендерных общностей и групп и анализ гендерного разделения труда. О каких ресурсах идет речь?

В контексте формирования нового гендерного порядка ставится задача достижения гендерного равенства в доступе к таким видам ресурсов, как *время — доход — имущество — земля, общественные блага, производственные ресурсы и принятие решений в обществе, политике и семье*. Социально показательна цепочка выделенных видов ресурсов, ибо все они (кроме времени и принятия решений в обществе, политике и семье) представляют собой виды собственности на решающие формы развития бытия.

Концепция гендерного равенства опирается на ряд теорий, среди которых различают теории симметричные и асимметричные (они преобладают). Среди последних выделю концепции «специальных прав» женщин (Э. Вольгаст, 1980 г.), «приспособления» (Э. Скейдс, 1980 г.), «усиления женщин» (К. МакКиннон, 1987 г.) и более позднюю концепцию «принятия» (К. Литтлтон, 1991 г.). Не останавливаясь подробно на этих теориях, отмечу, что все они связаны с развитием самостоятельности женщин в принятии решений и признанием их специальных прав на основании репродуктивных функций.

Следует сказать, что в советском стандарте гендерного порядка действовали эффективные принципы — равноправное положение женщин и мужчин в экономике, в развитии образования и культуры, поддерживаемые системой социальных льгот.

Гендерное неравноправие и гендерная дискриминация могут рассматриваться на основе как гендерных исследований, проведенных на микроуровне (малые группы), так и *социогендерных исследований*, осуществленных на макроуровне (общество, конкретная отрасль экономики или экономика региона). Изучить можно как фиксируемую *статистическую дискриминацию*, так и социологически измеряемую социальную гендерную дискриминацию в любой сфере экономики (производство, обмен и распределение, труд и занятость, потребление и собственность).

Какие факторы обуславливают гендерное неравенство в экономике? Их немало. Это и гендерные стереотипы, обладающие живучестью, в сознании людей, и физиологические особенности полов, и гендерные ограничения в выполнении определенных видов трудовой деятельности, и сегрегация по возрасту, сильно расширившая границы своего влияния. Многие работодатели частного сектора экономики отказывают в трудоустройстве беременным женщинам, молодым матерям, нуждающимся в соблюдении особого графика трудовой занятости, или не считаются с положением молодой матери в производственной

сфере и т. д. Активизировала возрастную сегрегацию и пенсионная реформа 2019 г. Фактором дискриминации могут стать субъективно-личностные характеристики работающих, влияющие на гендерное равенство в экономике.

Поделись некоторыми размышлениями о рекомендации экономистов использования *транзакционного подхода* к изучению экономических действий субъектов и объектов рынка. В чем суть данного подхода? Автор этой теории Р. Поллак [Pollak, 1985]. Важнейшим аналитическим инструментом новой теории является модель производительного домашнего хозяйства, которая описывает, как в нем время членов семьи соотносится с приобретаемой продукцией. Исследование проведено за рамками экономической науки, дает эмпирический материал, автор делает выводы, применимые в государственной политике. Новая экономическая теория домашнего хозяйства, в отличие от классических, переносит узкий неоклассический подход с фирмы на семью и тем самым оказывается неспособной до конца реализовать те возможности, которые предоставляет подход к изучению домашнего хозяйства в качестве производственной единицы. Транзакционный подход, признающий важность рассмотрения внутренней структуры, позволяет составить более полное и операциональное представление об экономической деятельности и поведении семьи. Автор сравнивает, например, вступление в брак со слиянием фирм, проводит параллели между этими процессами, привлекает внимание к различиям между индивидами и фирмами, пытается определить оптимальные решения, сопоставляет переговорные модели брака с проблемами внутрисемейного распределения, анализирует брачный рынок и семейный капитал и т. д.

Очевидно, что транзакционный подход не может заменить социологический анализ, социологические эмпирические данные и показатели. Поэтому работа интересна тем, как экономист ставит эксперимент по расчету ходов и оптимальных решений на основе сравнения с моделью семьи. Но в практику социологов такой анализ переносить нецелесообразно. Однако используя принцип транзакционного подхода можно проводить определенные интерактивные ролевые игры, рассматривая модели семейного экономического поведения и взаимодействия.

Сюжет 4. Социальное пространство распространения гендерного неравенства в зависимости от рыночного сегмента новой структуризации

Четвертый объективный фактор гендерного неравенства в экономике связан с образованием вместо однородного в советское время рынка труда новой четырехсегментной структуризации (категория Э. Гидденса используется в авторской концепции). В ее социальном пространстве сформировались четыре взаимосвязанных рынка: труда — занятости — профессий — образовательных услуг. Каждый из них имеет свои масштабы, механизмы и движущие силы функционирования.

Наиболее социально уравновешенно теория гендерной нейтральности применяется в этих сферах. Концепция гендерной нейтральности (пола) при выборе системы образования, области трудоустройства, вида трудовой деятельности, профессии, при достижении гендерного паритета социальной значимости двух системообразующих институтов (материнство и отцовство) имеет вполне симметричное влияние на продвижение норм нового гендерного порядка в сфере экономической

деятельности. Труд, как известно, сближает людей независимо от их внутренних различий. Но не устраняет автоматически с рынка дискриминацию и сегрегацию, распространившиеся в сферах трудовой деятельности в условиях транзитивного развития. В тот период, когда криминальный сектор мужского предпринимательства не останавливался перед юридическими или экономическими преградами, женское предпринимательство только начинало делать первые шаги на российском рынке занятости, женщины прослушивали лекции и посещали мастер-классы западных практиков, активно приезжавших в Россию учить «делать бизнес».

Показательно, что, по данным социологического проекта «Женщины и демократизация» (1990 г.), в тот период в России предпринимательской деятельностью занимались от 2 до 4 % женщин. В 2019 г. общее число предпринимателей составляли 5,6 млн человек [В России сократилось число... , 2020]. Наиболее востребованными областями предпринимательства являются торговля (34,9 %), строительство (12,7 %), профессиональная, научная и техническая сферы. Доля мужчин в российском предпринимательстве составляет 54 %, женщин — 46 %, т. е. в 23 раза больше, чем фиксировалось в начале 1990-х гг. Этот большой рывок хорошо характеризует развитие женской активности в бизнесе. Отраслями женского предпринимательства стали туризм, красота и здоровье, медицина, образование и консалтинг.

Учитывая приобретенный россиянами, и мужчинами и женщинами, опыт, можно прийти к выводу о том, что прошедшие годы развития предпринимательства в России принесли хорошие результаты. На повестку дня выходит вопрос о развитии семейного предпринимательства — вида гендерно-нейтрального предпринимательства, в котором в равной степени могут быть заняты и муж, и жена, и дети, и прочие члены домохозяйства.

Семейное предпринимательство — социально-ресурсный вид экономической самозанятости, обладающий не только монетарными, но и целым рядом социально значимых функций. Оно способствует:

- повышению качества жизни семьи;
- формированию у ребенка отношения к труду как к социальной и материальной ценности (воспитательная функция);
- развитию навыков финансового поведения, пониманию содержания и организации семейного бюджета;
- осознанию ценности альтруистического труда;
- подготовленности к профессиональной предпринимательской деятельности;
- накоплению знаний об оказании информационной, правовой, коммуникативной поддержки со стороны управленческих органов (от центральных до региональных).

Пока проблем в этой отрасли развития домашнего хозяйства больше, чем найденных эффективных решений. В определенной мере поиску предпринимательских контактов, обмену опытом и расширению информационной ориентированности в возможностях организовать семейный бизнес может помочь проводимый в Москве 29—30 октября 2020 г. на базе Финансового университета при Правительстве РФ II Российский гендерный форум «Семейное предпринимательство как ресурс повышения качества жизни семьи и ее трудовой занятости».

Сюжет 6. Влияние экстремальной ситуации, связанной с глобальной пандемией, на безопасность семьи: актуальная повестка

О каких рисках, угрозах и непосредственных опасностях для членов семей и других групп населения идет речь? Об этом говорит подобранная мозаика конкретных фактов социальной реальности.

1. Масштабы человеческих и финансовых потерь. По последним данным, во всем мире зафиксировано более 7 млн подтвержденных случаев заражения COVID-19 и более 400 тыс. смертей от коронавируса. Пандемия наносит и экономический ущерб: по оценкам экспертов, он составит 8,3 трлн долларов США¹, а 1,6 млрд человек потеряют средства к существованию².

2. Угроза безработицы. Эксперты Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ считают, что в России почти половина работающих граждан могут лишиться работы или потерять доход из-за кризиса (около 35 млн человек)³. К самым уязвимым группам относятся самозанятые и индивидуальные предприниматели, работники отраслей, наиболее пострадавших от пандемии (торговля, общественное питание, спорт, туризм, развлечения), и нестандартные рабочие с неформальной зарплатой или заработной платой ниже прожиточного минимума. Значит, кризис ударит в первую очередь по женщинам: по данным Росстата, в этих социальных группах преобладают женщины⁴.

3. Семейный доход и убытки. В России заработная плата у женщин на 30 % ниже, чем у мужчин⁵, и они с большей вероятностью пожертвуют своей карьерой ради семьи⁶. В этой ситуации женщины, потерявшие работу во время кризиса, рискуют никогда не восстановить докризисный уровень доходов. По крайней мере, так было после других пандемий. Исследователи, изучающие последствия вспышек Эболы и Зика, а также атипичной пневмонии, свиного и птичьего гриппа, пришли к выводу, что все они повлияли на общий уровень жизни, однако через некоторое время мужчинам удалось вернуться к допандемическому уровню доходов, а женщинам — нет⁷.

4. Заработная плата и ее снижение. В России разрыв в заработной плате частично вызван недоступностью некоторых «мужских» высокооплачиваемых должностей для женщин. Запрет на определенные профессии больше всего сказывается на женщинах, проживающих в моногородах и не имеющих возможности

¹ URL: https://1prime.ru/state_regulation/20200515/831449661.html (дата обращения: 20.09.2020).

² URL: <https://incruussia.ru/news/1-6-mlrd-chelovek-mogut/> (дата обращения: 20.09.2020).

³ URL: https://www.rbc.ru/economics/07/06/2020/5eda46029a794737c6ca2504?from=from_main (дата обращения: 20.09.2020).

⁴ URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 20.09.2020).

⁵ URL: https://lenta.ru/news/2019/03/01/if_there_is_no_difference/ (дата обращения: 20.09.2020).

⁶ URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/3/statement-ed-phumzile-covid-19-women-front-and-centre> (дата обращения: 20.09.2020).

⁷ URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/feminism-womens-rights-coronavirus-covid19/608302/> (дата обращения: 20.09.2020).

работать на градообразующих предприятиях. Проблема может быть особенно острой во время изоляции, когда другие способы получения дохода ограничены.

5. Группа риска — матери-одиночки. В России более 5 млн матерей в одиночку воспитывают детей без финансовой поддержки⁸ (долги по алиментам превышают 150 млрд руб.). Это примерно треть всех семей⁹. 27 % из них живут за чертой бедности. Более того, это самая задолженная социальная группа¹⁰. Если женщины сейчас теряют работу, они теряют возможность обеспечивать свою семью. Все, на что им остается рассчитывать, это либо специальная помощь государства в размере 10 тыс. руб. для ребенка младше 16 лет, либо ежемесячная помощь, которая составляет половину указанной суммы и добиться которой гораздо труднее¹¹.

6. Домашний труд. Во время пандемии женщины, как правило, в большей степени заняты неоплачиваемым домашним трудом, так называемая «вторая смена», когда после завершения рабочего дня женщины выполняют работу по дому, занимает у них больше времени. Готовка, уборка, стирка, составление списков покупок, решение мелких домашних проблем, а также уход за детьми и престарелыми родственниками — все это составляет 23 года работы, с которой мужчины обычно незнакомы¹². Например, в России правом на отпуск по уходу за ребенком пользуются 2—2,5 % мужчин¹³. Точно так же женщины в два раза чаще, чем мужчины, берут отпуск из-за болезней своих детей. Пандемия только увеличила это бремя из-за закрытия детских садов, школ, хосписов и других учреждений обслуживания.

7. Сексуальная эксплуатация женщин — дополнительный риск. Согласно исследованию, посвященному изучению последствий эпидемии Эболы, когда вспышка закончилась, подростковая проституция резко выросла¹⁴. Причина в том, что секс-торговля использует не только физическую зависимость и мошенничество, но и обстоятельства человека, столкнувшегося с необходимостью управлять долгами, появившимися в связи с эпидемией. Российские активисты уже сообщают о росте числа веб-сервисов, предлагающих женщинам по веб-камере заработать «легкие деньги» во время кризиса, и подчеркивают, что такое трудоустройство часто является формой сексуальной эксплуатации¹⁵.

8. Гендерное неравенство в потерях и уязвимость женщин в транспорте. Разрыв в заработной плате мужчин и женщин можно показать и на других, менее очевидных примерах, демонстрирующих повышенную уязвимость женщин во время пандемии. Например, согласно индексу гендерного равенства, доступ женщин и доступ мужчин к личным транспортным средствам различаются: мужчины, как правило, используют автомобиль, а женщины общественный

⁸ URL: <https://ria.ru/20170207/1487325545.html> (дата обращения: 20.09.2020).

⁹ URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/12/alimenty/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁰ URL: <https://nafi.ru/analytics/portret-zaemshchika-kto-v-rossii-chashche-vsego-beret-kredity/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹¹ URL: <https://www.rbc.ru/society/11/05/2020/5eb9563c9a7947710a03123b> (дата обращения: 20.09.2020).

¹² URL: <https://actionaid.org/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹³ URL: <https://lenta.ru/news/2018/09/20/dekret/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁴ URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/30/coronavirus-pandemic-human-trafficking-crisis/> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁵ URL: https://netovar.org/2020/05/08/webcam-earnings/?fbclid=IwAR1KOSwvWAX_TNCiWjdC2ALHL6iebZg4aZNeh3nPRyirPWdmHpgLTi0-MLQ (дата обращения: 20.09.2020).

транспорт¹⁶. Это ставит их под угрозу, так как в шесть раз увеличивает риск заражения даже обычным гриппом¹⁷.

9. Риски в небе. Согласно другому исследованию, женщины составляют только 30 % пассажиров бизнес-класса и в основном летают в экономклассе с менее изолированными креслами¹⁸. Доля женщин среди пилотов (их кабина также довольно хорошо изолирована) равна всего 7 %, в то время как 80 % бортпроводников (чья работа предполагает более тесный контакт с пассажирами) — женщины.

10. Первые на заражение. Фармацевты — одни из первых, кто рискует заразиться воздушно-капельным путем, а в России 83 % фармацевтов — женщины¹⁹. В условиях повышенного спроса на маски, антисептики и перчатки загруженность женщин-фармацевтов возрастает²⁰. Это может проявляться в увеличении продолжительности смены или даже в преследованиях со стороны озлобленных клиентов. Многие фармацевты сообщают, что сами не имеют надлежащих средств индивидуальной защиты.

11. Главное поле боя — в госпиталях. Во всем мире женщины широко представлены в медицине²¹. Россия не исключение: среди врачей и медперсонала 71 и 95 % соответственно составляют женщины. По официальным данным, в России от COVID-19 умерло не менее 489 медицинских работников²². Как сообщает ресурс «Медиазона», большинство из них были медсестрами²³.

Сюжет последний. Процесс не закончен, задачи решены не все

Стратегия формирования в глобальном масштабе нового гендерного миропорядка, разработка его норм и адаптация к ним национальных законодательств никогда ранее в истории мирового сообщества не поднималась на такой уровень управленческих решений и унификации. Далеко не все страны готовы принимать стандарты нового гендерного порядка, и это естественно. Более того, многие государства, относясь со всей серьезностью к этой стратегии, пытаются просчитать риски стандартизации социальных гендерных норм. Это предстоит сделать и России. Еще в 2014 г. Министерство иностранных дел РФ представило доклад «О поощрении и защите семейных ценностей на пространстве СНГ». Цель доклада — не допустить пересмотра национальных приоритетов в деле формирования национальной самобытности российской, а шире — межнациональной семьи, сохранить истинные семейные ценности, их объединительный потенциал для воспитания новых поколений и защиты национальной культуры.

¹⁶ URL: <https://eige.europa.eu/news/coronavirus-puts-women-frontline> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁷ URL: <https://www.forbes.com/sites/carmenniethammer/2020/03/06/do-women-and-men-have-a-coronavirus-risk-gap/#688a9acc6826> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁸ URL: <https://www.forbes.com/sites/carmenniethammer/2020/03/06/do-women-and-men-have-a-coronavirus-risk-gap/#219aacc46826> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁹ URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/1051/farmacevt/> (дата обращения: 20.09.2020).

²⁰ URL: <https://lenta.ru/articles/2020/04/13/farma/> (дата обращения: 20.09.2020).

²¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/5587049> (дата обращения: 20.09.2020).

²² URL: <https://ria.ru/20200618/1573109268.html> (дата обращения: 20.09.2020).

²³ URL: <https://zona.media/article/2020/05/19/martyrology> (дата обращения: 20.09.2020).

Библиографический список

- В России сократилось число малых и средних предприятий. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/08/11/836350-v-rossii-sokratilos-chislo-malih-predpriyatii> (дата обращения: 20.09.2020).
- Гендерное равенство // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Калабихина И. Е. Гендерная экономика. М.: Изд-во МГУ, 2008. 312 с.
- Pollak R. A transactional cost approach to families and households // *Journal of Economic Literature*. 1985. Vol. 23, № 2. P. 581—608.

References

- Genderное равенство (2020) [Gender equality], *Organizatsiia Ob"edinënykh Natsii*, available from <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/gender-equality/> (accessed 20.09.2020).
- Kalabikhina, I. E. (2008) *Gendernaia ekonomika* [Gender economics], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Pollak, R. (1985) A transactional cost approach to families and households, *Journal of Economic Literature*, vol. 23, no. 2, pp. 581—608.
- V Rossii sokratilos' chislo malykh i srednikh predpriiatii* (2020) [The number of small and medium-sized enterprises in Russia has decreased], available from <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/08/11/836350-v-rossii-sokratilos-chislo-malih-predpriyatii> (accessed 20.09.2020).

Статья поступила 27.09.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 27—36
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.3

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 27—36
ББК 60.561.22
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.3

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: ИСТОЧНИКИ РАЗВИТИЯ, ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (По материалам круглого стола, Государственная дума ФС РФ, 10 февраля 2020 г.)

М. Ю. Милованова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Российская Федерация, m_milovanova@mail.ru

Делается попытка ответить на вопросы, что уходит, меняется, а что остается в разделении труда и властных отношениях, какова роль государства (макросреда) и сообществ и личностей как акторов социальных изменений (мезо- и микросреда) для развития малого и среднего предпринимательства в сельской местности. Сделан вывод о необходимости комплексного долгосрочного планирования развития сельских удаленных территорий и применения научных методик по увеличению доли сельских жителей и их деловой активности. Страновая специфика формирования нового гендерного порядка перспективна как гендерно-сбалансированная модель, выражением которой является семейное предпринимательство.

Ключевые слова: социология жизни, новый гендерный порядок, устойчивое развитие, предпринимательство, социальные ресурсы, сельские и удаленные территории, коммуникативное действие.

**WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN RURAL AREAS:
SOURCES OF DEVELOPMENT,
SUPPORT FOR FAMILY ENTREPRENEURSHIP**
**(Based on the materials of the round table discussion, the State Duma
of the Federal Assembly of the Russian Federation, February 10, 2020)**

M. Yu. Milovanova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
m_milovanova@mail.ru

The results of the round table discussion “Women’s entrepreneurship in rural areas: sources of development, support for family entrepreneurship” (the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, February 10, 2020) are analyzed in the article. An attempt is made to answer the questions concerning what goes away, changes, and what remains in the division of labour and power relations, the role of the state (macro environment), as well as communities and individuals as actors of social change (meso and micro environment) in development of small and medium enterprises in rural areas. The following questions are under consideration in the article: the role of communities combined with values and career development factors of women’s business activity, rationalization and communicative action. It is concluded that there is a need for comprehensive long-term development planning of rural remote areas and the use of scientific methods to increase the share of rural residents and their business activity. The country specifics of the new gender order formation looks promising as a gender-balanced model, reflection of which family entrepreneurship could be.

Key words: sociology of life, new gender order, sustainable development, entrepreneurship, social resources, rural and remote areas, communicative action.

Введение

Круглый стол по теме «Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства», организованный Клубом успешных женщин в Государственной думе Федерального собрания РФ, проходил 10 февраля 2020 г. Данное собрание рассматривается как фокус-группа экспертов, в состав которой вошли 55 человек из 14 субъектов России, из них 5 депутатов Государственной думы ФС РФ, включая заместителя председателя Государственной думы ФС РФ О. Н. Епифанову, 5 депутатов законодательных собраний субъектов РФ, 2 муниципальных депутата, 3 представителя исполнительных органов власти (Министерство экономического развития и Министерство сельского хозяйства). Торгово-промышленная палата РФ была представлена в лице вице-президента Е. Н. Дыбовой, от института омбудсмена в работе круглого стола принимала участие уполномоченный по правам предпринимателей в г. Москве Т. В. Минеева. По данным анкетирования, 27 человек отнесли себя к предпринимателям, ведущим собственный бизнес или занимающим одну из руководящих должностей, 22 участника входят в состав общероссийских общественных объединений («Союз женских сил»¹, «Опора России»²,

¹ URL: <https://союзженскихсил.рф/>

² URL: <https://opora.ru/>

«Деловая Россия»³, «Движение сельских женщин»⁴, «Социал-демократический союз женщин России»⁵), научное сообщество представили 7 ученых из вузов и академических структур г. Москвы.

Целью работы круглого стола стало определение источников развития малого и среднего предпринимательства в сельской местности в рамках эффективной коммуникации власти, экспертного сообщества и практиков. В своих выступлениях участники опирались на данные статистики и социологических исследований, личный опыт, а также успешные примеры бизнеса и семейного предпринимательства, стартапов и социальных проектов в сельской местности. Автор имела возможность не просто быть включенным наблюдателем и активным участником процесса обсуждения, но и провела анализ события для его репрезентации как case-study. В ходе обсуждения были апробированы ранее полученные данные авторского исследования [Милованова, 2020].

Продвижение этой темы на уровне властных отношений связано с необходимостью реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», исполнения Указа Президента от 7 мая 2018 г., достижения целевых показателей Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. по стабилизации численности сельского населения на уровне 35 млн человек, а также увеличения ожидаемой продолжительности жизни сельского населения до 75,6 лет, уменьшения миграционного оттока сельского населения до 74,1 тыс. человек.

Ученые справедливо диагностируют, что «село подвергается деформационным и неоднозначным процессам, происходящим в производственно-экономической, демографической, социальной и духовно-культурной жизнедеятельности людей под воздействием не столько природно-географических, сколько сконструированных социально-экономических условий существования его жителей» [Гощенко, 2018: 284] (см. также: [Великий, Бочарова, 2012: 128]). Указанные деформационные процессы наглядно выражаются демографическими показателями соотношения городского и сельского населения, постоянным снижением доли сельских жителей. Кроме того, в сельской местности уровень бедности в 3 раза выше, чем в городской. Так, по статистике, количество бедных составляет в стране 13,1 %, при этом в городе — 8,0 %, в сельской местности — 25,0 %. Несмотря на кризисные демографические показатели, Россия продолжает обладать всеми факторами производства для развития сельских территорий (по Д. С. Миллю — земля, труд, капитал). В этой триаде предприниматель как субъект изменений выполняет роль инноватора, способного увидеть новую конфигурацию возможностей и ресурсов. Заметим, однако, что в научных дискуссиях идет полемика, стоит ли сохранять население в депрессивной сельской местности.

Ведущими круглого стола выступили О. Н. Епифанова⁶, заместитель председателя Государственной думы ФС РФ, заместитель председателя Комиссии

³ URL: <https://deloros.ru/>

⁴ URL: <http://www.dsg-novgorod.ru/>

⁵ URL: <http://sdwomen.ru/>

⁶ URL: <http://duma.gov.ru/duma/persons/99111830/>

по вопросам поддержки малого и среднего предпринимательства нижней палаты парламента, поддержавшая в 2019 г. идею женщин-предпринимателей о создании Клуба успешных женщин, и Н. Д. Боева⁷, член комитета по аграрным вопросам Государственной думы, предприниматель, четверть века руководившая предприятием по переработке молока в Краснодарском крае.

Ход обсуждения

Во вступительном слове Н. Д. Боева дала оценку образу сельской жительницы, труженицы по природе, на которой *«держится сельская семья, ее традиции, нравственные корни. Не в обиду будет сказано мужчинам, но сегодня на селе в большинстве семей именно женщины взяли на себя ответственность не только за семью, но и за бизнес»*. Депутат констатировала, что в стране проводятся ежегодные форумы для предпринимателей «Дело за малым», в 2019 г. такой форум собрал 25 тыс. человек из 70 регионов России и малого зарубежья, но *«бизнес в деревне имеет, как и в любом другом месте, свои проблемы и риски. Успех бизнеса в сельской местности зависит не от расположения, а от способности предпринимателя адаптировать идею под конкретные условия»*. Докладчик обратила внимание на актуальность законодательной и финансовой поддержки со стороны местных и федеральных властей, которая помогает встать на ноги, поставила в пример гранты — агростартапы, предусматривающие 2 млн рублей безвозмездно, плюс 1 млн рублей для организаторов и членов кооперативов⁸.

Руководитель Департамента развития сельских территорий Министерства сельского хозяйства РФ Н. Н. Осокина сделала акцент на данные мониторинга состояния сельских территорий, показавшего нехватку трудоспособного женского населения: *«По общей статистике у нас мужчин проживает 18 млн на сельских территориях, 19,3 млн — это женщины. Но именно трудоспособного возраста женщин там намного меньше, потому что видно, что этот отток идет в города, потому что они там могут найти себе работу и трудоустроиться»* (С, 8). В выступлении были обозначены основные направления государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий», вступившей в действие с 1 января 2020 г.⁹, и планы Министерства сельского хозяйства по разработке концепции развития сельского туризма. Кроме этого, представитель исполнительной власти привела конкретные данные: *«За последние 5 лет грантовую поддержку по линии Минсельхоза РФ получили 4617 женщин — глав крестьянских фермерских хозяйств, или 25,9 % от общего числа получателей гранта. <...> Средства на поддержку начинающих фермеров у нас получили 3857 тыс. женщин, на развитие семейных животноводческих ферм — 763 женщины — главы КФХ»* (С, 6—8).

⁷ URL: <http://duma.gov.ru/duma/persons/99112734/>

⁸ Стенограмма заседания Клуба успешных женщин на тему «Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства» (архив автора). Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием после буквы «С» страницы.

⁹ URL: <http://government.ru/docs/36905/>

Аудиторией была позитивно воспринята информация депутата Госдумы О. В. Окуневой о том, что нижней палатой парламента России принят в первом чтении закон, который разрешает использование материнского капитала на садовых участках, — как мера поддержки семьи и многодетных семей прежде всего (С, 13). Выступление представителя Министерства экономического развития РФ О. А. Тетериной было посвящено развитию инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, способной оказать комплекс различных услуг в образовательной сфере, осуществлять консультации, юридическую поддержку, сопровождение проектов, помогающих в разработке бизнес-идей.

Участниками был поднят вопрос о вкладе в развитие многоукладной экономики стабильно работающих сельских кооперативов. По их численности лидерами кооперативного движения являются Пензенская и Липецкая области, а также Республика Саха (Якутия). Были приведены данные о пространственной дислокации малого и среднего бизнеса в России, а именно: 22 % предпринимателей проживают в городах-миллионниках (включая Москву), 26 % — в городах от 100 тыс. до 1 млн жителей, 21 % — в малых городах, 32 % — в поселках городского типа и селах. Примечательно, что в поселках городского типа и селах пространство для деятельности шире. Гендерная структура предпринимательства характеризуется преобладанием мужчин — 55,9 %¹⁰.

В выступлениях депутатов О. Н. Епифановой, О. Ю. Бадма-Халгаевой (Калмыкия), предпринимателя Л. В. Андреевой (г. Саратов) сообщалось о территориально-региональном неравенстве, об оттоке населения из сельской местности. Так, профессор Финансового университета при Правительстве РФ Г. Г. Силласте с тревогой говорила о 10 % пустых сельских бывших поселений: «Они вообще никак и никем не заселенные... это позабытые ресурсы», а депутат Законодательного собрания Оренбургской области О. В. Набатчикова подтвердила: «445 сел у нас. За пять лет у нас исчезло с карты 84 села, 27 тыс. людей выехали» (С, 22). Участники круглого стола отмечали, что в России наблюдается сочетание достаточно низких оценок наличия предпринимательских возможностей в регионе проживания (29,6 %) и сравнительно низких оценок уверенности в достаточности предпринимательских знаний и навыков (35,6 %), а также зафиксирован наименьший уровень устоявшейся предпринимательской активности в сельской местности (2018 г. — 3,5 %, 2019 г. — 3,1 %) (С, 23). Россия продолжает урбанизоваться, наибольшую роль в экономическом развитии играют города-миллионники, агломерации, растут агрохолдинги. Агрохолдинги стоят на трех китах: гигантомании, корпоративной бюрократии и индустриальной дисциплине, а курс на моноцентричный характер власти все более диссонирует с идеей многоукладной аграрной экономики, восходящей к инициативе и хозяйственной свободе широких слоев населения [Барсукова, 2016: 72].

О рассмотрении обозначенной темы с позиции гендерного подхода и необходимости соблюдения баланса интересов полов как равноправных в условиях формирования нового гендерного порядка говорила Г. Г. Силласте. Отметим, что в работах последних лет Г. Г. Силласте относит Россию к шестому

¹⁰ Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства, Россия, 2019—2020». URL: <https://www.gemconsortium.org/report> (дата обращения: 03.05.2020).

гендерному анклаву¹¹, характеризующемуся резкой гендерной асимметрией в пользу женщин, составляющих в структуре населения от 52,3 до 54,2 %, высоким уровнем эмансипации женщин, достигнутой за социалистический период высокой степенью их занятости в экономике. Она пишет: «В данной группе стран исторически доминантным является православное понимание традиционной роли института семьи, его социальной, психологической и нравственной ценности; признается неоспоримость биологической идентификации признака пола как основы разделения мужских и женских репродуктивных ролей, отцовства и материнства, приоритет родительского воспитания ребенка над общественным» [Силласте, 2019: 8]. По факту мы имеем гендерно-асимметричную национальную социальную структуру: в России проживают около 147 млн человек, из них женщин — 53,7 %, мужчин — 46,3 %; женщин проживает на сельских территориях больше, чем мужчин.

Со стороны вице-президента Торгово-промышленной палаты РФ Е. Н. Дыбовой поступило предложение реализовать проект «Семейное предпринимательство». Отметим, что действительно «семейность на селе достаточно высока: 62,5 % указали на официально зарегистрированный брак, однако сельская семья перестала быть многодетной, все меньше молодых людей и людей среднего возраста остаются жить в сельской местности, что дает снижение рождаемости, как в общей численности, так и по количеству детей в семье» [Тощенко, 2018: 271]. По словам Г. Г. Силласте, проект «Семейное предпринимательство» «наиболее перспективный, гендерно-сбалансированный, имеющий колоссальный потенциал воспитательного, экономического, политического регионального фактора развития, локомотив в развитии предпринимательства в сельской местности России» (С, 34). Е. Н. Дыбова была эмоциональна: «Есть регионы, где вообще пустота, где все заросло, как в Тверской области, где живут последние бабушки, вы знаете, я вот в Кемерово была, мы в декабре проводили форум по семейному бизнесу... в нашей стране не выжить женщинам. Нам надо семьями пробиваться» — и конкретизировала: «...законодательно закрепить понятие “семейное предприятие” в России, ввести понятие “семейный патент”; упростить систему отчетности для семейных предприятий; урегулировать трудовые отношения для “самозанятых” граждан в семейном бизнесе; реализовать пилотный проект налогового режима для семейных предприятий; предоставить льготы семейным компаниям и упростить для них процедуры, связанные с получением заемных средств и кредитов» (С, 22).

Эмоциональный отклик получило выступление автора о деятельности Г. Санжаповой¹² — социальном пассионарии и социальном предпринимателе, чья позиция такова: «Простое зарабатывание денег не имеет смысла. Мне всегда хотелось заниматься чем-то, что приносит пользу». По нашему мнению, «подобные инновационные подходы проверяют индексы солидарного общества, предложенные исследовательской группой ЦИРКОН¹³. Первый — это индекс потенциала кооперации. У Гузель (Санжаповой. — М. М.) как предпринимателя

¹¹ К шестому гендерному анклаву отнесены также Армения, Венгрия, Беларусь, Украина, Литва, Эстония, Латвия.

¹² URL: <https://cocco-bello.com> (дата обращения: 03.05.2020).

¹³ URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/>

очень высокий индекс потенциала кооперации — показателя, интегрально отражающего готовность человека к взаимодействию с другими людьми. Социальная валентность — еще один показатель, способность индивида к образованию социальных связей. Она может солидаризироваться и поэтому добивается успеха» (С, 51).

Для решения задачи по развитию малых городов и сел, удаленных территорий необходимо действительное снижение налоговой нагрузки, размеров тарифов и увеличение мер поддержки. По мнению руководителя «Опоры России» А. С. Калининой, «целесообразно пересмотреть Государственной думе вместе с Федеральной антимонопольной службой тарифы на газ, на электроэнергию, на транспорт в сельских территориях, а также провести кардинальные изменения в регулировании межбюджетных отношений в части подоходного налога, лишь 15 % которого остается муниципалитетам» (С, 25—26). Прозвучали предложения разработать новые модели для развития предпринимательства, позволяющие доводить льготные кредиты до непосредственного исполнителя, субъекта малого и среднего предпринимательства, без растворения в госструктурах, призванных быть лишь посредниками между государством и бизнесом, а не «пожирателями» государственных средств (федеральные министерства, Фонд развития промышленности, Корпорация МСП и др.).

На круглом столе представители власти, бизнеса и науки говорили о необходимости мер распространения налоговых каникул для одиноких молодых и многодетных матерей; о создании специализированных финансово-кредитных продуктов для женского предпринимательства, для всех, занимающихся бизнесом в небольших городах; об обеспечении контроля за программами наделения земельными участками многодетных семей на предмет создания и наличия инфраструктуры и необходимых коммуникаций (электричество, газ, вода, дороги); о разрешении получения мер государственной поддержки для развития предпринимательства не только гражданам с сельской пропиской, но и всем, кто готов развивать сельскую и потребительскую кооперацию, всем, кто хочет работать на земле; о пересмотре кадастровой стоимости земли для желающих ее обрабатывать. Назрела острая потребность в разработке и реализации специальных образовательных менторских программ для действующих и начинающих женщин-предпринимателей, в ретрансляции и поддержке информационно-просветительских проектов по консультированию желающих развивать сельхоз- и потребкооперацию. Положительными примерами являются программа «Мама-предприниматель», действующая в 57 регионах РФ, пилотный проект «Офис на колесах» в Оренбургской области, клубы цифровой экономики.

Весы общественного мнения качнулись в пользу благоприятного имиджа предпринимательства. Так, большинство россиян (74 %) положительно относятся к людям, решившим открыть свое дело. В результате образ предпринимателя в сознании россиян меняется: если ранее предпринимательство ассоциировалось с нестабильной ситуацией 1990-х гг., «диким бизнесом» и «челноками», то сегодня предприниматель воспринимается как успешный и самостоятельный человек, который трудолюбив и решителен. Тем не менее участники круглого стола убежденно говорили о необходимости новой информационной политики и заинтересованного отношения средств массовой информации для организации

интегрированных социальных кампаний с участием ведущих СМИ, создании при них общественных советов по социальной рекламе с целью формирования положительного образа сельской женщины-предпринимателя, ее активного участия в экономических и социальных практиках, популяризации лидеров изменений в сельских и удаленных территориях, искоренении гендерных стереотипов. Нужны качественные медиапроекты, продукты социальной рекламы на примере лучших практических кейсов о сельском туризме, сельских школах, вузах, обучающих сельских жителей для работы в сельской местности, о расширении дополнительного образования сельских предпринимателей России.

На круглом столе было уделено внимание международному опыту поддержки женского предпринимательства. В частности, Л. И. Кулик, директор Корейского делового совета, рассказала об особом пути женщин Республики Корея на примере развития малых агротерриторий. Прозвучали мнения о повышенном внимании к участию женщин в экономике на многочисленных международных форумах¹⁴, включая форум We-Fi¹⁵, повестку международных организаций АТЭС, БРИКС, ШОС, «Диалоговое партнерство Россия — АСЕАН», программы развития ООН (ПРООН)¹⁶. В последние годы даже появился термин «вменомика» (womenomics), означающий, что женщины как демографическое большинство являются основной движущей силой экономики.

Современные реалии требуют определить, какая государственная поддержка необходима конкретному населенному пункту, а следовательно, нужны особые стандарты развития инфраструктуры сельских территорий: фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики, детских садов, школ, домов культуры, спортивных площадок, сети автомобильных дорог с твердым покрытием.

Результаты обсуждения

По итогам работы круглого стола Клуба успешных женщин в Государственной думе ФС РФ по теме «Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства» сделаны выводы о социальном запросе на дальнейшее комплексное долгосрочное планирование, учет сбалансированного распределения миграционных потоков на территории России для решения демографической проблемы снижения уровня дотационности регионов.

Деятельное обсуждение проблемы членами сообщества, объединенного общими ценностями и смыслами, благоприятными для обмена опытом, профессионального роста, реальное коммуникативное действие позволили выработать рекомендации, направленные в соответствующие профильные министерства и парламентские комитеты. Подчеркнуто, что пришло время проводить экспертизу современного законодательства на предмет гендерного равноправия. Женщины-

¹⁴ См., напр.: Евразийский женский форум. URL: <https://eawf.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁵ Финансовая инициатива для женщин-предпринимателей. URL: <https://we-fi.org/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁶ URL: <https://www.un.org/ru/ga/undp/>

предприниматели представляют собой источник и ресурс экономического развития, в том числе в сельских и удаленных территориях, но их социальный ресурс иного качества: зарплата в 2,5 раза ниже городской, количество специалистов с высшим образованием в 2,5 раза меньше, чем в городе, со средним специальным образованием — в 1,5—1,8 раза.

В России налицо феминизация бедности. Женщины составляют до 70 % от числа безработных. Около половины опрошенных женщин не имеют стимула заниматься предпринимательством из-за отсутствия достаточной опоры в лице мужчины. В группе риска одинокие женщины-пенсионеры, женщины предпенсионного возраста с достаточным опытом, но недостаточными компетенциями в условиях цифровизации и роботизации труда, неполные семьи с детьми, женщины-мигранты. Россию относят к ряду стран, где преобладает «вынужденное предпринимательство»¹⁷, процент которого в 2018 г. был значительно выше у женщин-предпринимателей. Так, 34,3 % мужчин и 48,8 % женщин включают организацию бизнеса в связи с отсутствием других вариантов работы¹⁸.

Страновая специфика формирования нового гендерного порядка перспективна как гендерно-сбалансированная модель, выражением которой является семейное предпринимательство, а сам проект Торгово-промышленной палаты РФ может стать новаторской основой политической стратегии, ориентированной как на решение демографической проблемы в условиях пространственного сдвига населения России, так называемого «западного дрейфа», так и на стимулирование деловой активности в целом.

Библиографический список

- Барсукова С. Ю.* Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность.* 2016. № 5. С. 63—74.
- Великий П. П., Бочарова Е. В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // *Социологические исследования.* 2012. № 1. С. 126—134.
- Милованова М. Ю.* Женское предпринимательство: устойчивость тренда в цифровом обществе // *Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 3 марта 2020 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 39—47.*
- Силласте Г. Г.* Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе.* 2019. № 2. С. 3—16.
- Тоценко Ж. Т.* Жизненный мир сельских жителей: векторы изменений // *Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь мир, 2018. С. 269—302.*

¹⁷ Mastercard Index of Women Entrepreneurs. URL: <https://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases/рейтинг-mastercard-index-of-women-entrepreneurs-показал.php> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁸ Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства, Россия, 2019—2020».

References

- Barsukova, S. Iu. (2016) Dilemma “fermery — agrokholdingi” v kontekste importozameshcheniia [Dilemma “farmers — agricultural holdings” in the context of import substitution], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 63—74.
- Milovanova, M. Iu. (2020) Zhenskoe predprinimatel'stvo: ustoichivost' trenda v tsifrovom obshchestve [Women's entrepreneurship: sustainability of the trend in the digital society], in: *Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 39—47.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Toshchenko, Zh. T. (2018) Zhiznennyi mir sel'skikh zhitelei: vektory izmeneniia [The life world of rural residents: vectors of change], in: *Dvadsat' piat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzheniakh rossiian: Opyt sotsiologicheskogo analiza*, Moscow: Ves' mir, pp. 269—302.
- Velikii, P. P., Bocharova, E. V. (2012) Raskrest'ianivanie kak indikator destruktivnoi transformatsii rossiiskoi agrosfery [Raskrest'yanivanie as an indicator of the destructive transformation of the Russian agricultural sphere], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 126—134.

Статья поступила 13.05.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 37—51
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.4

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 37—51
ББК 66.74
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.4

ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТЕХНОЛОГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИА

О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru

Статья посвящена научному осмыслению деятельности женских организаций в России и странах Европы, Северной Америки, Восточной и Южной Азии. Проанализированы цели, задачи и направления работы женских организаций в России, Англии, Болгарии, Германии, Италии, Канаде, Монголии, Польше, Португалии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии. Сформулированы общие и специфические черты международного женского активизма по преодолению гендерного неравенства, определена степень влияния женских организаций на политику своих правительств в решении проблем по обеспечению равноправия мужчин и женщин, выявлены характерные методы работы женских организаций в различных странах. Сделан вывод о том, что женское движение является значимым субъектом гражданского общества, участвующим в качестве полноправного актора в реализации государственной политики по достижению гендерного равноправия.

Ключевые слова: женское движение, технологии продвижения идей о гендерном равноправии, специфические формы работы женских организаций, женские организации в общественно-политической сфере, развитие женского предпринимательства, социальная деятельность женских организаций, технологии взаимодействия женского движения с политическими партиями и органами государственной власти.

© Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31466 «Формирование женского движения в современной России: моделирование баланса государства и общественной инициативы».

WOMEN'S ORGANIZATIONS IN RUSSIA AND ABROAD: TECHNOLOGIES FOR THE GENDER EQUALITY PROMOTING

O. A. Khasbulatova, I. N. Smirnova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
smirnovain@ivanovo.ac.ru

The article is devoted to the scientific comprehension of women's organizations activities in Russia and the countries of Europe, North America, East and South Asia. The goals, objectives and directions of women's organizations in Russia, England, Bulgaria, Germany, Italy, Canada, Mongolia, Poland, Portugal, France, Sweden, South Korea and Japan are analyzed. The general and specific features of the international women's activism in overcoming the gender inequality are formulated. The power of the women's organizations influence over the government's policy in order to ensure men and women equality is determined, as well as their methods of the women's activism are identified. It is concluded that the women's movement is a significant subject of a civil society, participating as a full-fledged actor in the implementation of the state policy to achieve gender equality.

Key words: women's movement, technologies for promoting ideas about gender equality, specific forms of work of women's organizations, women's organizations in the socio-political sphere, development of women's entrepreneurship, women's organizations social activities, technologies for interaction of the women's movement with political parties and state authorities.

О методологии исследования

Статья посвящена научному осмыслению работы женских организаций в различных регионах мира. Под женским движением понимается совокупность женских объединений с фиксированным и нефиксированным членством, которые действуют в обществе с различными целями — от достижения гендерного равенства в сфере политики до защиты интересов женщин и поддержки семьи.

Авторы рассматривают женское движение не в качестве сепаратистского направления женского активизма, а как действия объединений женщин, добивающихся того, чтобы наравне с мужчинами участвовать во всех сферах функционирования государства, включая обсуждение политических проблем и принятие решений. В этой связи кажутся актуальными слова основателя либерально-демократического женского движения в России начала XX в. А. Н. Шабановой, которая отмечала, что «обособленность женщин есть явление вынужденное, вызванное... их бесправием», а главная задача женского движения — участие женщин на равных правах с мужчинами в жизни страны [Шабанова, 1912: 35]. Поэтому в понятии «женское движение» изначально просматривается направленность на преодоление какого-либо ограничения и достижение поставленной цели.

Обозначим методологический инструментарий исследования. Методология гендерного подхода позволила выявить несоответствия в области основных прав мужчин и женщин, которые в полной мере не устранены ни в одной

из рассматриваемых стран, а также определить, с помощью каких технологий женским организациям удастся добиваться поставленных целей.

Исследование показало, что в большинстве стран — членов Евросоюза объединения называют себя феминистскими, в других странах (Россия, Канада, страны Восточной и Южной Азии) женскими. Вместе с тем анализ продемонстрировал, что активистки феминистских и женских организаций, несмотря на социокультурные различия в мотивации поведения, во всех обозначенных странах отстаивают равные права женщин и мужчин в следующих направлениях: в сфере управления, положении на рынке труда, защите от насилия, развитии предпринимательства и др. Данное обстоятельство позволило анализировать работу женских и феминистских организаций применяя методологию гендерных исследований.

В зависимости от социальных функций женские организации предлагается классифицировать на общественно-политические; организации, выполняющие функции социальной защиты и поддержки женщин и семьи; организации, поддерживающие и защищающие женщин на рынке труда; объединения по профессиональному признаку; союзы женщин-предпринимательниц; объединения, созданные с целью защиты женщин от насилия; просветительские женские организации, расширяющие кругозор женщин по вопросам гендерного равноправия. Осуществление обозначенных функций позволяет женскому движению выступать субъектом гражданского общества.

В ходе исследования был использован метод сравнительного анализа в целях сопоставления направленности деятельности женских организаций в различных странах, технологий, с помощью которых они двигаются к достижению цели, а также характера их взаимодействия с органами государственного управления. При этом принималось во внимание, что в каждой из стран женские организации выступают носителями определенной системы ценностей и сложившихся культурных представлений о равноправии мужчин и женщин. С учетом страновых различий для сравнения выбраны наиболее распространенные направления деятельности женских организаций: общественно-политическая активность, стремление повысить роль женщин в сфере управления, развитие женского предпринимательства, решение социальных проблем.

В процессе работы над проблемой изучены исследования российских ученых (см., напр.: [Воронина, 2019; Шамшура, 2019; Полюшкевич, 2018; Букина, 2017; Каменева, 2014; Тулузакова, 2013; Тимшина, 2013; Мельникова, 2000]), документы женских организаций, опубликованные на сайтах, в российской и зарубежной печати. Источником информации послужили научные и публицистические материалы, обзоры деятельности женских организаций в различных странах мира.

Информация о деятельности женских организаций в странах Евросоюза размещена в аналитических материалах Департамента по вопросам политики Главного управления по внутренней политике ЕС о работе неправительственных организаций, занимающихся вопросами защиты прав женщин¹, других зарубежных стран — на сайте универсальной интернет-энциклопедии, в трудах ученых и публицистических материалах.

¹ Mapping of NGOs Working For Women's Rights in Selected EU Member States. 2016. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/56932/IPOLSTU\(2016\)EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/56932/IPOLSTU(2016)EN.pdf) (дата обращения: 10.09.2020).

**Женское движение в России и зарубежных странах:
характеристика направлений деятельности**

За 30 лет новой государственности в российском обществе сформировалось женское движение с разветвленной типологией, позволяющее интегрировать интересы различных социальных слоев и групп женщин и сформировать широкую социальную базу. С целью повышения социального статуса женщин и достижения гендерного равноправия в России действуют тысячи женских объединений разной направленности, которые по масштабу решаемых задач можно разделить на два уровня. Федеральный уровень представляют крупные всероссийские организации: Союз женщин России, Союз женских сил, Консорциум женских неправительственных организаций, Союз матерей России, Социал-демократический союз женщин, Ассоциация женщин-предпринимательниц России, Союз женщин-врачей России и др.; на региональном уровне действуют многочисленные женские группы и объединения. Анализ задач, обозначенных в программных документах женских организаций, позволяет сформулировать основные направления их деятельности — повышение социальной, деловой и предпринимательской активности женщин, профессиональная, образовательная и гендерно-просветительская деятельность, обеспечение социальных гарантий и поддержки семьям с детьми, защита интересов солдатских матерей, предотвращение всех форм насилия в отношении женщин и детей, благотворительная деятельность.

В странах Европейского союза (Болгария, Германия, Италия, Польша, Португалия, Франция, Швеция) женские организации направляют свою активность на решение следующих проблем: повышение участия женщин в процессе принятия решений, в том числе в политической сфере, развитие женского предпринимательства, борьбу с торговлей людьми и насилием в отношении женщин, женщин-мигранток. Чаще всего они регистрируются как благотворительные или некоммерческие организации.

Ряд женских организаций в Италии заинтересованы в укреплении диалога в обществе по проблемам равенства и феминизма, оказывают юридическую и другие виды помощи женщинам-мигранткам. Женские организации Швеции выступают за создание эгалитарного общества с равным распределением властных полномочий, общества, свободного от сексуального насилия в отношении человека вне зависимости от его пола, а также людей без определенного пола.

Женское движение Франции неоднородно. Женские организации стремятся к улучшению положения женщин в сферах занятости, искоренению проституции, обеспокоены проблемами конкретных групп меньшинств и вопросом ношения хиджаба. Среди женских организаций не наблюдается согласия по проблеме совершения аборта, а также использования наготы участниками движения «Femen» на публичных демонстрациях.

В Польше женским организациям приходится сталкиваться с проблемами ухудшения социального положения женщин после реформ 1990-х гг. (женская безработица, невосприятие со стороны общества и власти идей феминизма, запрет абортов). Идеи равноправия полов распространяются через онлайн-журналы, которые предлагают платформы для ведения дискуссий и формирования общественного мнения.

Женские организации Болгарии направляют свои инициативы на решение четырех важных проблем: насилия в отношении женщин, торговли людьми (в том числе в целях сексуальной эксплуатации), участия женщин в процессе принятия решений в разных областях, развития женского предпринимательства. Феминистские и женские группы по защите прав женщин в Португалии имеют разнообразный спектр краткосрочных и долгосрочных целей: охрану материнского здоровья, предотвращение гендерного насилия, организацию дискуссий о защите прав женщин, достижение сбалансированности представленности мужчин и женщин в СМИ, сфере управления, науке, ведущих компаниях.

В Германии женские организации проявляют активность в отстаивании прав женщин в сфере занятости (достижение равной оплаты труда мужчин и женщин), управлении, повышении статуса женщин-предпринимательниц, выступают за равномерное распределение семейных обязанностей между мужчинами и женщинами². Разнообразием отличается деятельность феминистских организаций Великобритании, которые участвуют в широком круге мероприятий — от продвижения женщин в парламент, вовлечения девочек и женщин в сферы STEM-технологий, поддержки женщин в развитии карьеры до протестных акций против сексизма и отмены уголовной ответственности для женщин, занимающихся проституцией³.

В отличие от стран Европы женские организации Канады работают в сотрудничестве с министром по делам женщин и вопросам гендерного равенства, федеральными структурами, которые поддерживают их инициативы в решении широкого спектра проблем: продвижении женщин на уровень принятия решений, создании социальных центров для поддержки иммигрировавших женщин, защите жертв насилия, вовлечении в избирательные кампании, улучшении положения женщин во всех сферах жизни⁴.

Женские неправительственные организации Монголии содействуют женщинам в развитии, повышении уровня благосостояния, достижении равноправия на рынке труда. Они активно участвуют в законотворческой деятельности, продвижении женщин в политику, решении вопросов безработицы, выступают против насилия в отношении женщин и других форм дискриминации [Ципилова, 2016].

Активную позицию в достижении гендерного равноправия занимают женские организации Японии. Крупные объединения женщин, такие как Азиатско-японский консультативный центр для женщин, Национальная лига региональных женских организаций, Японская лига по формированию у женщин навыков руководства и др., ведут пропагандистскую деятельность по защите прав женщин,

² *Samuel M. M.* Wie weiter — offene Fragen und neue Positionen. 2020. URL: <https://www.bpb.de/gesellschaft/gender/frauenbewegung/35301/wie-weiter> (дата обращения: 18.10.2020).

³ Women's Movement in the United Kingdom. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556932/IPOLSTU\(2016\)556932EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556932/IPOLSTU(2016)556932EN.pdf) (дата обращения: 10.09.2020).

⁴ Федеральное правительство сообщило об инвестиции в женские организации в размере 2,4 миллиона долларов. 2019. URL: <https://thevarsity.ca/2019/05/13/federal-government-announces-2-4-million-investment-in-womens-organizations/> (дата обращения: 29.08.2020).

выступают против всех форм насилия в отношении женщин, за выравнивание уровня оплаты труда мужчин и женщин, обучают женщин навыкам руководства⁵.

Женское движение Южной Кореи сплотило ряд крупных женских организаций: Союз объединений корейских женщин, Корейскую горячую линию для женщин, Ассоциацию работающих женщин, Корейский центр для женщин в политике и другие, которые мотивируют женщин на отстаивание своих прав в сферах занятости, борьбу с насилием, выступают за увеличение числа учреждений по уходу за детьми, вовлечение женщин в политическую жизнь, подготовку женщин-руководителей нового поколения⁶.

На основе изучения направлений деятельности женских организаций в разных странах мира можно сделать вывод, что, несмотря на национальные и культурные различия, женщин объединяют общие цели: достижение гендерного равноправия, повышение социального статуса женщин в обществе, противостояние насилию во всех его проявлениях. В ряде стран женские организации активно занимаются продвижением женщин в сферу политики и управления. По сравнению с зарубежным женским движением по своим целям российские женские организации в большей степени сосредоточены на социальных, профессиональных и образовательных проблемах женщин.

Рассмотрим результаты работы женских организаций по отдельным направлениям.

Общественно-политическая активность женских организаций

Под общественно-политической активностью женских организаций понимается деятельность по политической социализации женщин, вовлечению их в политическую жизнь общества, сферу управления с целью роста гражданского самосознания, увеличения представительства женщин в парламентах и органах государственного управления, а также активного влияния на процесс достижения гендерного равноправия в обществе. Анализ показывает, что в современной России из тысяч объединений женщин лишь немногие включили в программу своих действий обозначенные политические цели. После 1995 г. женские организации не предпринимали попыток участвовать в выборах в Государственную думу в качестве самостоятельного объединения. Данная цель есть в программах Союза женщин России, Социал-демократического союза женщин России, Союза женских сил, однако конкретных политических акций в направлении ее достижения не предпринимается. Женские организации в регионах сосредоточены на решении своих местных социальных проблем. Российские политические партии также не проявляют особого интереса к женскому движению.

Из рассматриваемых стран только в Швеции женщины составляют около половины депутатов парламента. Ключевым фактором обеспечения благоприятного отношения к участию женщин в политической жизни выступает новая феминистская партия «Feministskt Perspektiv». Исследователи отмечают, что

⁵ Asia-Japan Women's Resource Center. 2020. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Asia-JapanWomen%27sResourceCenter> (дата обращения: 15.10.2020).

⁶ Korean Women's Associations United. 2020. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.10.2020).

в шведском обществе стало «модным и политкорректным» придерживаться феминистских взглядов для женщин и для мужчин⁷.

В Великобритании действуют партия «За равноправие женщин», женская группа при Британской консервативной партии⁸, Консервативная женская организация⁹, которые занимаются вовлечением женщин в политическую деятельность и продвижением женщин из консервативной партии на выборы в парламентах Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Французская социалистическая партия закрепила на парламентских выборах 28 % одномандатных округов за кандидатами-женщинами¹⁰. В 2019 г. феминистская партия Германии впервые приняла участие в выборах в Европейский парламент. Партия набрала 0,1 % голосов и не вошла в состав парламента¹¹.

Между тем деятельность женских организаций и присутствие женщин в руководстве страны дают положительные результаты в работе по продвижению женщин в сферу управления. Так, в Германии Христианско-демократический союз взял обязательство увеличить долю женщин на руководящих постах в партии до 50 % к 2025 г., а с 1 января 2021 г. доля женщин на руководящих постах окружного уровня будет доведена до 30 %. Аналогичные правила должны действовать при составлении списков на выборах в Европарламент¹².

Женские организации Монголии в результате 20-летней пропагандистской деятельности и диалога с властью добились принятия в 2011 г. Закона «О гендерном равенстве» и решения правительства Монголии о достижении 20 %-го уровня представительства женщин в национальном парламенте [Ципилова, 2016: 45].

Активную позицию в вовлечении женщин в сферу управления государством занимают женские организации Южной Кореи. С марта 1990 г. в стране действует Корейский центр для женщин в политике, который ставит целью повышение роли женщин в политической жизни страны. Центр осуществляет работу по подготовке женщин-руководительниц, проводит совместные акции с группами гражданского общества, организует стажировку за рубежом женщин-руководительниц нового поколения¹³. В конце 1990-х гг. женщины Южной Кореи активно требовали введения 50 %-й квоты для женщин, выдвигающихся в депутаты от политических партий, и 30 %-й квоты в одномандатных избирательных округах. Лишь через 10 лет, в 2000 г., им удалось добиться

⁷ Mapping of NGOs Working For Women's Rights in Selected EU Member States. 2016. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/56932/IPOLSTU\(2016\)EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/56932/IPOLSTU(2016)EN.pdf) (дата обращения: 10.09.2020).

⁸ Women2Win. URL: <https://www.women2win.com/about-us> (дата обращения: 01.10.2020).

⁹ Conservative Women Organisation. 2020. URL: <https://conservativewomen.uk> (дата обращения: 01.10.2020).

¹⁰ Политическое измерение женского вопроса во Франции. 2020. URL: <https://bygeo.ru> (дата обращения: 28.09.2020).

¹¹ Feminist Party of Germany. 2020. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Feminist_Party_of_Germany (дата обращения: 16.10.2020).

¹² Правящий в Германии ХДС обеспечит равное участие женщин в руководстве партии. 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/правящий-в-германии-хдс-обеспечит-равное-участие-женщин-в-руководстве-партии/a-54086366> (дата обращения: 19.10.2020).

¹³ The Center for Korean Women & Politics. 2020. URL: <https://feminet.or.kr/eng/about01.php> (дата обращения: 16.10.2020).

введения 50 %-й квоты для женщин-кандидаток от политических партий. В результате по итогам выборов 2016 г. женщины составили 17 % всех депутатов против 5,9 % в 2004 г.¹⁴ Данный показатель остается ниже общемирового среднего показателя в 25 %, поэтому в марте 2020 г. в Южной Корее начала действовать Женская партия с целью участия в выборах в Национальное собрание Республики Корея¹⁵.

В целом исследование показало, что примеры взаимодействия партий и женских организаций носят единичный характер. В большинстве стран женские организации и политические партии действуют обособленно. Как следствие, в федеральном депутатском корпусе всех рассматриваемых стран женщины составляют меньшинство.

Развитие женского предпринимательства

Ключевыми направлениями деятельности объединений женщин-предпринимательниц во всех странах являются создание новых рабочих мест для женщин в сфере бизнеса, поддержка и обучение тех женщин, которые хотят начать свой бизнес.

В России поддержкой женского предпринимательства занимаются женские организации общероссийского, республиканского и регионального уровней. Союз женских сил, Конфедерация деловых женщин России, «Деловые женщины России», «Женщины бизнеса», ассоциации женщин-предпринимательниц Москвы, республик Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия), Мари Эл, Сахалина, Курил и многие другие участвуют в разработке и обсуждении законопроектов, касающихся малого и среднего предпринимательства, содействуют профессиональной подготовке женщин в сфере предпринимательства, продвигают разработанные женщинами стартапы и бизнес-проекты. Комитет по развитию женского предпринимательства общественной организации «Опора России» ежегодно реализует проект «Мама-предприниматель» по поддержке женского предпринимательства, который охватывает десятки регионов.

Активную позицию по развитию деловых качеств женщин занимают женские организации Японии. Так, с 2006 г. организация «Японская инициатива по формированию у женщин навыков руководства» осуществляет обучение женщин основам предпринимательской деятельности¹⁶. По итогам обучения выпускницы проходят практический курс управления в некоммерческих организациях, в том числе в США. Партнерами этой женской организации выступают

¹⁴ От новой деревни — к женщине-президенту: как менялось положение женщин в южнокорейской политике. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/347729-ot-novoy-derevni-k-zhenchine-prezidentu-kak-menyalos-polozhenie-zhenshchin-v> (дата обращения: 15.10.2020).

¹⁵ Первая южнокорейская феминистская политическая партия дает надежду на свершение предвыборного чуда 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/14/south-koreas-first-feminist-party-holds-out-hope-of-election-miracle> (дата обращения: 27.09.2020).

¹⁶ Японская инициатива по формированию у женщин навыков руководства. URL: <http://jwli.org/home> (дата обращения: 15.10.2020).

бизнес-центры, благотворительные и образовательные учреждения. В 2012 г. выпускницы «Японской инициативы» создали собственную ассоциацию с целью оказания поддержки небольшим некоммерческим организациям, которые возглавляют женщины, а также благотворительной деятельности. Поддержкой женского предпринимательства занимается в Японии целый ряд других объединений женщин: Национальная федерация клубов женщин-предпринимательниц, международное сообщество «Startup Lady Japan», Токийская программа поддержки женщин в сфере бизнеса (Acceleration Programm in Tokyo for Women) и др.¹⁷

Обучением женщин основам предпринимательской деятельности, содействием в получении стартового капитала и оборудования занимаются женские организации в Болгарии, Великобритании, Монголии, Швеции, Германии и других странах.

Технологии участия женских организаций в решении социальных проблем

Диапазон интересов российских женских организаций в сфере социальной поддержки женщин и семей достаточно широк. Анализ показал, что большинство этих организаций социально ориентированы. В каждом регионе действуют объединения женщин, которые ставят своей целью повышение престижа материнства и поддержку семей с детьми, правозащитную деятельность в отношении семей, в которых дети служат в армии. Это общественные движения Союз матерей России, «Матери России», Комитет солдатских матерей России, «Надежда России» и многочисленные организации регионального уровня. Союз женщин России, имеющий отделения в большинстве регионов страны, как общественно-государственная организация направляет усилия на поддержку социальных инициатив в целях реализации национальных проектов в области демографии, образования, культуры и экологии. Женские организации занимаются гендерным просвещением женщин (Социал-демократический союз женщин, Федерация женщин с университетским образованием). Полагаем, что социальная ориентация продолжает оставаться ведущей характеристикой российского женского движения.

Важным направлением социальной деятельности женских объединений в зарубежных странах является защита интересов женщин на рынке труда. Женские организации Швеции выступают за обеспечение гендерного баланса в составе совета директоров предприятий, равную оплату мужского и женского труда. Национальный совет женских организаций Германии, объединяющий 60 женских организаций, считает своей задачей поддержку равных возможностей и статуса женщин и мужчин на работе, в семье, политике, бизнесе и культуре. Женские организации в Великобритании занимаются вовлечением девочек и женщин в сферы естественных наук, технологии, инженерного дела, математики. Женские организации Франции выступают за равную оплату труда женщин и мужчин. Большая работа по обеспечению трудовых и социальных прав женщин-мигранток проводится женскими организациями Италии, Канады, Франции, Германии.

¹⁷ Japanese Women's Leadership Initiative. URL: <http://jwli.org/home/> (дата обращения: 21.09.2020).

Исследование показало, что во всех странах широко востребована защита женщин и детей от разных форм насилия. В российском обществе на защиту женщин от насилия направлена работа НКО — кризисных центров для женщин, а также деятельность Консорциума женских неправительственных объединений, 160 членских организаций которого с помощью благотворительных взносов оказывают юридическую помощь жертвам домашнего и сексуального насилия в 53 регионах страны¹⁸.

В Швеции для помощи женщинам, подвергшимся насилию, создана специальная структура «Дежурная служба помощи женщинам», отделения которой (160 филиалов) на добровольной основе работают по всей стране¹⁹. В Южной Корее в рамках женского движения действуют горячая линия для женщин, консультационные центры и приюты для жертв домашнего насилия²⁰. Кризисные центры, приюты, сервисы телефонов доверия для женщин и детей, ставших жертвами домашнего насилия, в которых на добровольной основе работают женщины, действуют в Канаде, Японии, Германии, Болгарии, Италии, Португалии, Польше, Монголии. Кроме домашнего насилия, в центре внимания зарубежных женских организаций находятся сексуальное насилие, торговля женщинами и детьми, принудительная проституция и другие формы нарушения прав личности.

Взаимодействие с органами государственного управления

При наличии большого количества проблем, связанных с продвижением гендерного равноправия в обществе, эффективность женского движения в значительной степени зависит от уровня взаимодействия с государственной властью. Речь идет не только о диалоге, но и о взаимной ответственности в достижении общей цели.

Есть государства, которые официально признают наличие проблемы более низкого социального статуса женщин и ставят задачи по ее решению. Это Российская Федерация, Правительство которой утвердило Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. В состав Координационного совета по реализации Национальной стратегии включены руководители двух крупных женских организаций. В 2018 г. указом Президента РФ Союз женщин России получил статус общественно-государственной организации, что предполагает его взаимодействие с органами власти на основе соглашений и условий партнерства. Проблемы повышения социального статуса женщин в мире обсуждаются на международных Евразийских женских форумах, которые раз в три года проводятся в Санкт-Петербурге по инициативе В. И. Матвиенко, председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ. В то же время отдельного органа государственного управления по проблемам равноправия полов в России не создано.

¹⁸ Отчет Консорциума женских неправительственных организаций за второй квартал 2020 года. URL: <https://wcons.net> (дата обращения: 15.10.2020).

¹⁹ Гендерная политика Швеции. 2020. URL: <http://norse.ru/pub/50.gtml> (дата обращения: 04.10.2020).

²⁰ Korea Women's Hot Line. 2020. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 18.10.2020).

Анализ показывает, что в ряде государств сформирован и функционирует государственный механизм обеспечения гендерного равноправия, который включает тесное сотрудничество государственной власти и женских организаций. В Швеции в рамках этого механизма действуют министр по делам равенства, омбудсмен по равным возможностям, Комиссия по равным возможностям под руководством Министерства промышленности, занятости и связи, Совет по вопросам равенства. В 1998 г. в Закон о равных возможностях включено определение сексуального домогательства. Действует законодательство о работниках с равными обязанностями. В 2008 г. принят Закон о дискриминации, который обязывает компании не допускать дискриминации при приеме на работу и оплаты труда по половому признаку [Воронина, 2008: 235—239].

В Канаде действует специальный государственный орган, отвечающий за политику в отношении женщин, — Министерство по делам женщин. В 2020 г. федеральное правительство Канады сообщило о предоставлении 2,4 млн долл. пяти женским организациям для поддержки руководителей и продвижения гендерного равноправия. Финансовая помощь оказывается также центрам для поддержки бездомных женщин и женщин-мигранток²¹. Департамент по вопросам женщин и гендерного равенства Правительства Канады сотрудничает с женскими организациями по трем направлениям: повышению экономического благосостояния женщин, продвижению женщин на руководящие позиции, искоренению насилия по признаку пола²².

Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи в Южной Корее занимается разработкой государственной политики по повышению социального статуса женщин, предотвращению домашнего и сексуального насилия, укреплению семьи и уходу за детьми. В Монголии под влиянием женских организаций в 2011 г. принят Закон о гендерном равенстве, который нацелен на обеспечение равенства женщин и мужчин во всех сферах деятельности, устанавливает запрет на любую форму гендерной дискриминации [Ципилова, 2016: 45]. Как правило, в странах с активной гендерной политикой создаются более благоприятные условия для функционирования женского движения.

Вместе с тем исследование показывает, что далеко не во всех странах органы управления выстраивают совместную деятельность с женским движением. По данным Главного управления по внутренней политике Евросоюза, большинство женских организаций в странах ЕС испытывают проблемы с финансированием. Женские организации стран — членов Евросоюза могут получить гранты от ЕС и иностранных государств. Правительственные структуры Португалии финансируют только те женские организации, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве. Гранты на реализацию проектов на конкурсной основе получает незначительная часть женских организаций России. В целом большинство женских организаций полагаются на индивидуальные (частные) пожертвования или членские взносы.

²¹ Федеральное правительство сообщило об инвестициях в женские организации в размере 2,4 миллиона долларов.

²² Women and Gender Equality Canada. 2020. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 05.10.2020).

Заключение

Исследование подтвердило, что во всех обозначенных странах женское движение выступает важным элементом структурирования гражданского общества. В его рамках действуют объединения женщин с собственной системой взглядов, своим видением будущего, со стереотипами массового и индивидуального сознания, синтезирующие специфические интересы различных социальных групп женщин. По количеству направлений деятельности преобладают многопрофильные организации.

К общим чертам международного женского движения целесообразно отнести стремление повысить социальный статус женщин, создать им условия для самореализации во всех сферах жизни общества; самостоятельность в выборе форм работы по достижению поставленных целей. По своим целям деятельность женских организаций носит реформистский характер. Можно сформулировать наиболее актуальные проблемы, волнующие активисток большинства стран: разница в оплате труда мужчин и женщин, вовлечение женщин в сферу государственного управления и предпринимательскую деятельность, защита женщин и детей от насилия в различных формах. Исследование показало, что женские организации выступают в качестве механизма оперативного реагирования на актуальные социальные проблемы, затрагивающие интересы женщин. Следует отметить, что в XXI в. женские организации во всех странах используют информационные технологии для распространения идей о равноправии полов.

Состав женских организаций неоднороден, они объединяют представительниц разного возраста и разных социальных групп. По степени «политизированности» женского движения страны делятся на две категории. В первой отмечается высокий уровень активности женских организаций, ставящих цель достижения гендерного равноправия в органах государственной власти, во второй — женские организации стремятся к большой социальной активности. Россию целесообразно отнести ко второй категории.

К числу проблем функционирования женских организаций принадлежат: разобщенность в действиях по защите интересов женщин, отсутствие консолидации, снижающие эффективность достижения гендерного равенства; отсутствие у большинства женских организаций необходимой финансовой базы, которая бы позволяла обеспечить решение конкретных задач. Во многих странах женские организации дистанцируются от политических партий, что отдаляет решение проблемы повышения доли женщин в органах управления. В ряде стран они создают женские политические партии. Однако на основе исторического опыта можно предположить, что перспективы женских партий неутешительны. Политика органов управления не может быть «мужской» или «женской»: она либо нацелена на достижение равноправия полов, либо нет. Полагаем, что в условиях, когда представительство женщин в органах власти находится на низком уровне, женским организациям целесообразно сотрудничать с политическими партиями.

Исследование показало, что отношения между государствами и женскими организациями имеют различные формы: законодательной и государственной

поддержки, партнерского сотрудничества, квотирования государством мест для женщин в органах управления, автономных отношений, моральной и финансовой поддержки. Если женские группы открыто выступают против политики государства, как это было в Польше в конце 2020 г., когда женские группы возглавили массовый протест женщин против запрещения аборт, то такую форму взаимодействия можно обозначить как конфронтацию.

Авторы также пришли к выводу, что эффективность женского движения нельзя оценивать вне конкретной социально-политической ситуации в стране. Проведенный анализ убеждает в том, что направленность деятельности женских организаций детерминируется сложившейся в обществе системой взглядов на равноправие полов, общеполитической ситуацией, уровнем культуры и традициями в конкретном государстве. Поэтому обозначенные характеристики нельзя считать окончательными. Очевидно, что в XXI в. женские движения будут наращивать свои усилия, чтобы сформировать общества с равными правами и возможностями для женщин и мужчин.

Библиографический список

- Букина А. А.* Женские некоммерческие организации современной России: опыт классификации // *Право и современные государства*. 2017. № 4. С. 25—38.
- Воронина О. А.* Швеция: V периодический доклад о выполнении КЛДОЖ // *Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов*. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 233—245.
- Воронина О. А.* Гендерное равенство в России: роль женского движения, гендерного сообщества и государства // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва, Иваново, Плес, 16—18 мая 2019 г.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 11—18.
- Каменева Г. Н.* Деятельность женсоветов в решении социальных вопросов: история и современность // *КАНТ*. 2014. № 1. С. 82—86.
- Мельникова Т. А.* Женское движение в России: традиции и инновации. М.: Мысль, 2000. 180 с.
- Полушкевич О. А.* Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // *Государственное управление: электронный вестник*. 2018. № 70. С. 246—259.
- Тимишина Е. Л.* Цели и стратегии женского движения в современной России // *Социодинамика*. 2013. № 2. С. 362—378.
- Тулузакова М. В.* К вопросу о социальных практиках современных российских женских организаций // *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2013. № 1. С. 49—53.
- Ципилова С. С.* Женские неправительственные организации в современной Монголии // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. № 4. С. 41—47.
- Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. СПб.: Тип. АО «Образование», 1912. 39 с.
- Шамишур К. А.* Гражданское общество и межсекторное партнерство в Омской области: состояние, проблемы и тенденции развития // *Вестник Омского университета*. Сер.: Исторические науки. 2019. № 1. С. 161—170.

References

- Bukina, A. A. (2017) Zhenskie nekommercheskie organizatsii sovremennoï Rossii: opyt klassifikatsii [Women's non-profit organizations in modern Russia: classification experience], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 4, pp. 25—38.
- Kameneva, G. N. (2014) Deiatel'nost' zhensovetov v reshenii sotsial'nykh voprosov: istoriia i sovremennost' [Activities of women's councils in solving social issues: history and modernity], *KANT*, no. 1, pp. 82—86.
- Mel'nikova, T. A. (2000) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii: traditsii i innovatsii* [Women's movement in Russia: traditions and innovations], Moscow: Mysl'.
- Poliushkevich, O. A. (2018) Mezhshektornoe vzaimodeistvie zhenskikh nekommercheskikh organizatsii Sibirskogo federal'nogo okruga [Intersectoral interaction of women's non-profit organizations in the Siberian Federal district], *Gosudarstvennoe upravlenie: Elektronnyi vestnik*, no. 70, pp. 246—259.
- Shabanova, A. N. (1912) *Ocherk zhenskogo dvizheniia v Rossii* [Essay of the women's movement in Russia], St. Petersburg: Tipografiia aktsionernogo obshchestva "Obrazovanie".
- Shamshura, K. A. (2019) Grazhdanskoe obshchestvo i mezhshektornoe partnertstvo v Omskoï oblasti: sostoianie, problemy i tendentsii razvitiia [Civil society and intersectoral partnership in the Omsk region: state, problems and development trends], *Vestnik Omskogo universiteta*, seriia Istoricheskie nauki, no. 1, pp. 161—170.
- Timshina, E. L. (2013) Tseli i strategii zhenskogo dvizheniia v sovremennoï Rossii [Goals and strategies of the women's movement in modern Russia], *Sotsiodinamika*, no. 2, pp. 362—378.
- Tsipilova, S. S. (2016) Zhenskie nepravitel'stvennye organizatsii v sovremennoï Mongolii [Women's non-governmental organizations in modern Mongolia], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï Rossiiskoi akademii nauk*, no. 4, pp. 41—47.
- Tuluzakova, M. V. (2013) K voprosu o sotsial'nykh praktikakh sovremennykh rossiiskikh zhenskikh organizatsii [On the issue of social practices of modern Russian women's organizations], *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*, no. 1, pp. 49—53.
- Voronina, O. A. (2008) Shvetsiia: V periodicheskiï doklad o vypolnenii KLDOZh [Sweden: V periodic report on the implementation of the CEDAW], in: *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov*, Moscow: MAKS Press, pp. 233—245.
- Voronina, O. A. (2019) Gendernoe ravenstvo v Rossii: rol' zhenskogo dvizheniia, gendernogo soobshchestva i gosudarstva [Gender equality in Russia: the role of the women's movement, the gender community, and the state], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 11—18.

Статья поступила 21.10.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kodina_inna@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 52—65
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.5

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 52—65
ББК 60.561.22
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.5

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В. В. Кванина, Е. А. Громова, А. В. Спиридонова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, vv.kvanina@mail.ru

Развитие женского предпринимательства является одним из значимых направлений деятельности многих государств. Причина тому — стремление не только обеспечить гендерное равенство, но и увеличить ВВП за счет вовлечения женщин в предпринимательскую деятельность. Эти обстоятельства обусловили необходимость постановки проблемы государственной поддержки женщин-предпринимательниц как субъектов малого и среднего бизнеса. Следуя мировым тенденциям, Россия делает первые шаги по выработке политики государственной поддержки данных субъектов; на уровне отдельных регионов РФ начинают внедряться ее отдельные формы. На основе анализа международного, зарубежного и национального законодательства в работе предложены критерии отнесения субъектов женского предпринимательства к субъектам малого и среднего бизнеса в целях выработки и проведения единообразной государственной политики по развитию и поддержке женского предпринимательства в России.

Ключевые слова: женское предпринимательство, малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, критерии женского предпринимательства.

THE GOVERNMENTAL SUPPORT FOR FEMALE ENTREPRENEURSHIP

V. V. Kvanina, E. A. Gromova, A. V. Spiridonova

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russian Federation, vv.kvanina@mail.ru

The development of the female entrepreneurship is one of the significant activities of many states. The reason for this is not only the desire to ensure gender equality but also to increase GDP through the involvement of women in entrepreneurial activities. These circumstances necessitated the formulation of the problem of the governmental support for women

entrepreneurs as small and medium-sized businesses. Following global trends, Russia is taking the first steps to develop a policy of state support for these subjects; at the level of individual regions of the Russian Federation, separate forms of support for women entrepreneurs are being introduced. The aim of the research paper is to contribute to the establishment of a uniform governmental policy for the development and support of women's entrepreneurship, including the criteria for classifying women entrepreneurs as small and medium-sized businesses. Methodology applied in the research paper is based on the analysis of international, foreign and national legislation; criteria are proposed for classifying women entrepreneurs as small and medium-sized businesses. The results of the research could serve as the basis of the governmental policy for the development and support of women's entrepreneurship, including the criteria for classifying women entrepreneurs as small and medium-sized businesses and special forms of support of these subjects. The conclusions made by the authors could be used in law-making process and as a basis for a further research in the field of women entrepreneurship.

Key words: female entrepreneurship, small and medium business, governmental support, criteria for female entrepreneurship.

Введение

Происходящие в России преобразования с начала 90-х гг. XX столетия по настоящее время привели к изменению роли женщин в национальной экономике. В массовом сознании они стали восприниматься не только как руководители организаций, но и как субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Подобное обращение женщин к независимому предпринимательству американские исследователи назвали «тихая революция в мировом масштабе» (см.: [Нурбекова, 2013: 102]).

В современной России причины прихода женщин в предпринимательство кроются не только в их желании быть уравненными в правах с мужчинами, но и в том, что в условиях финансово-экономических кризисов женщины, в силу неспособности многих мужчин «войти» в рыночные условия, были вынуждены брать на себя ответственность за семьи и заниматься приносящим доход бизнесом. Безусловно, наряду с данными причинами, имеются и другие. Например, желание социальной самореализации и достижения независимого положения, снижение уровня жизни, препятствия для успешной деятельности на прежнем месте работы [Ерохина, Панфилова, 2006: 12; Семенова, 2013: 33], чувство неудовлетворенности достигнутым, наличие собственных идей и невозможность их реализации в рамках существовавшей занятости [Нурбекова, 2013: 103; Уткина, 2017: 18].

Результаты исследований свидетельствуют о том, что основная сфера приложения труда женщин-предпринимательниц — это малый и средний бизнес. Всемирный банк на основе результатов анализа пришел к выводу, что если в стране на малый и средний бизнес приходится менее 40 % ВПП, то инвестиции в ее экономику не приводят к запланированному экономическому эффекту (см.: [Ильиных, 2015: 156]). В России малое и среднее предпринимательство (МСП) в структуре ВПП занимает всего около 20 %, поэтому женское предпринимательство, как представляется, выступает важным ресурсом для его развития.

Между тем на сегодняшний день доля женского предпринимательства в России относительно невелика: в соответствии с данными Минэкономразвития, 27 % предпринимателей — женщины [Воронина, 2016]; по другим экспертным оценкам, — 25—30 %, при этом большинство из них заняты малым бизнесом [Высоцкая, Чалова, 2013: 38]. В плане сравнения следует отметить, что в США в структуре малого бизнеса процент женщин-предпринимательниц составляет 99,9 [Ершова, Тарасенко, 2018: 34].

Указанные обстоятельства обусловили необходимость разработки государственной политики по поддержке женского предпринимательства. С юридической точки зрения категория «женское предпринимательство» выделяется с позиции предоставления субъектам женского предпринимательства преференций (а они предоставляются субъектам МСП).

В России государственная поддержка МСП осуществляется в рамках Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июня 2007 г. № 209-ФЗ (Закон № 209-ФЗ). Однако предусмотренные в нем формы поддержки не содержат целевой направленности на женское предпринимательство. Возникает закономерный вопрос, почему в рамках государственной поддержки предпринимательской деятельности в целом особой поддержки требует именно женское предпринимательство? Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, вытекает из той роли, которую женщина выполняет в обществе: она не только производит потомство, воспитывает детей, ведет домашнее хозяйство, но и одновременно занимается бизнесом, что требует неимоверной отдачи жизненных сил, времени и ресурсов.

Помимо социально-культурных и этических причин необходимости поддержки женщин-предпринимательниц, следует обозначить и причины экономического характера. Осуществляя предпринимательскую деятельность, женщины формируют «типично гендерные ниши» [Уткина, 2017: 17], не занятые мужчинами: они оказывают индивидуальные, социальные, образовательные услуги, услуги по чистке и уборке, услуги в области ухода за собой [Feit, 1998: 101]. Перечисленные сферы приносят небольшой, но стабильный доход и менее подвержены экономическим колебаниям, связанным, например, с экономическим кризисом.

Вопрос о поддержке женского предпринимательства активно обсуждается в литературе, при этом предлагаются разные направления такой поддержки. В частности, указывается на необходимость подготовки специального раздела федеральных и региональных программ поддержки МСП с учетом занятости в этой сфере женщин [Ерохина, Панфилова, 2006: 12]. Программы должны включать помощь в получении помещения, предоставление налоговых льгот, организацию обучения, финансовую поддержку и др. [Высоцкая, Чалова, 2013: 39; Кипервар, Севелова, 2009: 98; Похвощев, Колесникова, 2015: 106].

Между тем в законодательстве не закреплены критерии, которые бы позволили идентифицировать женщин-предпринимательниц как потенциальных получателей государственной поддержки. На государственном уровне отсутствуют механизмы поддержки именно женского предпринимательства. В отечественной юридической науке данному вопросу также не уделяется достаточного внимания. В этой связи целью исследования стала разработка основ государственной политики по поддержке женского предпринимательства, включающая в себя

установление критериев отнесения субъектов женщин-предпринимательниц к субъектам МСП, а также поиск механизма финансирования женского предпринимательства.

Методология исследования представлена сравнительно-правовым анализом международных, зарубежных и отечественных нормативных правовых актов, посвященных поддержке женского предпринимательства. Анализ международного и зарубежного законодательства обусловлен тем, что в отдельных международных интеграционных объединениях и иностранных государствах накоплен значительный опыт по оказанию государственной поддержки женщинам-предпринимательницам, законодательно закреплены критерии отнесения таких женщин к получателям поддержки. Анализ нормативных правовых актов Российской Федерации и ее субъектов предопределен необходимостью формирования единообразного подхода к государственной поддержке женского предпринимательства в России.

Поддержка женского предпринимательства на международном уровне

Поддержка женского предпринимательства — один из мировых социально-экономических трендов [Ung, 2016: 63; Ismail, 2014: 177]. ООН является пионером в данной сфере. Еще в 1995 г. в рамках Пекинской платформы действий, принятой Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, была подчеркнута необходимость активизации поддержки женщин-предпринимательниц, в том числе посредством обеспечения доступа к официальным финансовым инструментам, на рынки профессиональной подготовки [Доклад Четвертой Всемирной конференции... , 1995].

Значительная роль в реализации перечисленного возложена на Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию, которой разработана Программа по развитию предпринимательства и поощрению инвестиций (EDIP) в целях создания предприятий, возглавляемых женщинами. В рамках программы женщинам, управляющим предприятием, оказывается финансовая и консультационная поддержка. Данная программа успешно применяется с 2000 г. по настоящее время в 50 странах [Предпринимательская деятельность... , 2012].

В Европейском союзе женское предпринимательство также в фокусе внимания. По данным Еврокомиссии, несмотря на тот факт, что в странах ЕС численность женского населения (52 %) превышает численность мужского (48 %), на сегодняшний день только треть женщин занимается предпринимательской деятельностью [Women entrepreneurs]. В этой связи ЕС реализует политику создания благоприятных условий для развития женского предпринимательства. Указанная политика осуществляется в двух направлениях: поддержка оказывается как женщинам-предпринимательницам в целом, так и предпринимательницам — субъектам МСП. Например, согласно акту Еврокомиссии ЕС № 15/2005, в рамках первого направления предусмотрены квоты на долю женщин в совете директоров публичных компаний. В рамках второго направления в Акте о малом бизнесе отмечается необходимость развития женского предпринимательства и его поддержки [«Think Small First»... , 2008]. Так, в соответствии с программой «Инклюзивное предпринимательство в Европе» женщинам, осуществляющим

предпринимательскую деятельность индивидуально, равно как и в рамках юридического лица, предоставляется информационно-консультационная, образовательная и финансовая государственная поддержка [Inclusive Entrepreneurship Policy]. Планом по развитию предпринимательства до 2020 г. предусматривается создание трансграничных сетей женского предпринимательства [Entrepreneurship 2020 Action Plan]. В частности, в 2010 г. Европейской комиссией ЕС разработана Европейская сеть развития женского предпринимательства в целях создания благоприятной бизнес-среды для женщин [European Network...]. В 2016 г. запущен бизнес-портал «WeGATE» для женщин-предпринимательниц, осуществляющих деятельность в границах ЕС. Данный портал аккумулирует информацию об открытии собственного бизнеса, его развитии, успешных бизнес-практиках, тренировочных программах для женщин-предпринимательниц [Women Entrepreneurs Gate, 2016].

Поддержка женского предпринимательства в отдельных зарубежных странах

Лидером в сфере оказания поддержки женщинам-предпринимательницам является США. В Конгрессе США еще в 70-х гг. XX столетия был создан Сектор женского малого бизнеса, по инициативе которого принят первый акт в сфере поддержки женщин-предпринимательниц — Закон о праве женщин на владение бизнесом (1988 г.). В 2017 г. Президент США подписал Акт о развитии женского предпринимательства в целях улучшения условий осуществления женщинами предпринимательской деятельности посредством разработки программ поддержки [Promoting Women in Entrepreneurship Act, 2017]. На сегодняшний день успешно реализованы Национальная программа предоставления займов женщинам-предпринимательницам, Программа обеспечения доступа женщин к капиталу и др. В рамках последней программы, например, предпринимательницам предоставляется финансовая поддержка в размере 500 долл. в месяц. Чтобы стать адресатом поддержки, женщина-предпринимательница должна пройти процедуру сертификации в целях легализации собственного статуса. Условиями получения такого сертификата являются: 1) гражданство США; 2) владение не менее чем 51 %-й долей бизнеса; 3) управление бизнесом и его контроль на постоянной основе [Women's Business...]. Как отмечают эксперты, эффективная политика США в сфере поддержки женского предпринимательства привела к росту доли женщин в малом бизнесе с 7 до 60 % [Информационный бюллетень, 2001].

Во Франции в 2003 г. был принят Закон Детрюиля о развитии предпринимательства, одной из целей которого явилось обеспечение условий развития женского предпринимательства [Fouquet, 2005: 23]. На его основе был утвержден План развития женского предпринимательства, согласно которому женщина-предприниматель вправе претендовать на поддержку со стороны государства при условиях наличия гражданства Франции и осуществления предпринимательской деятельности в ее границах [Entrepreneuriat des Femmes, 2013]. План развития женского предпринимательства предусматривает три формы государственной поддержки женщин, занимающихся бизнесом: информационную, консультационную (в том числе в форме менторства) и финансовую (займы на развитие бизнеса в размере до 45 тыс. евро).

В Германии разработаны разные виды программ поддержки женщин-предпринимательниц, в том числе субъектов МСП. Так, в рамках программы «Frauen Unternehmen» создана сеть «ролевых моделей» предпринимательниц [Frauen Unternehmen]. Программа EXIST направлена на оказание финансовой (грантовой) поддержки владелицам стартапов. При этом дополнительные выплаты в рамках программы осуществляются женщинам, имеющим детей. Более того, в Германии предусмотрены и специальные формы поддержки женщин-предпринимательниц. Например, женщина — гражданка Германии, занимающаяся предпринимательской деятельностью, вправе получить место в детском саду по достижении ребенком одного года (часть оплаты за пребывание субсидируется государством) [Supporting... , 2012].

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии при участии Совета по поддержке женского предпринимательства при Правительстве Великобритании осуществляется финансовая поддержка в виде займов в размере от 25 тыс. фунтов стерлингов. Получателем поддержки может стать женщина, имеющая гражданство Соединенного Королевства и планирующая осуществлять предпринимательскую деятельность в его границах [Start up loans].

Анализ международного и зарубежного законодательства о государственной поддержке женского предпринимательства позволил прийти к следующим выводам:

- гендерно-ориентированные программы поддержки женского предпринимательства являются мировой практикой;
- как правило, женщины-предпринимательницы получают государственную поддержку как субъекты МСП; в отдельных странах программы поддержки женского предпринимательства реализуются безотносительно его связи с данной категорией;
- условиями получения государственной поддержки женщинами-предпринимательницами являются: наличие гражданства государства, предоставляющего преференции; осуществление/планирование предпринимательской деятельности в границах государства, предоставляющего преференции;
- наряду с универсальными формами государственной поддержки женщин-предпринимательниц как субъектов МСП, в отдельных странах применяются ее специальные формы с учетом социальной роли женщин (предоставление мест в детских садах и т. п.).

Женское предпринимательство в России

В отличие от многих иностранных государств в нашей стране женскому предпринимательству не уделяется должного внимания. О недостаточности и невысокой эффективности мер государственной поддержки женского предпринимательства в России свидетельствуют данные исследования «Индекс Опоры RSBI», согласно которым только 7 % женщин получали субсидии и гранты для предпринимателей в течение последних пяти лет. Мала также доля предпринимательниц, участвующих в государственных закупках [Чего хотят женщины-предприниматели... , 2017]. В качестве политико-правовых причин,

препятствующих развитию женского бизнеса, по мнению исследователей, выступают: отсутствие необходимой законодательной базы, регламентирующей женский бизнес и его поддержку, отсутствие специализированных органов, деятельность которых была бы направлена на развитие женского предпринимательства.

В то же время женское предпринимательство все чаще становится объектом внимания со стороны государства в целом и субъектов РФ. Так, например, в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. отмечается, что недостаточная поддержка женщин-предпринимательниц является ограничением для осуществления ими продуктивной экономической деятельности. Для более активного вовлечения женщин в экономическую деятельность в рамках стратегии разработано направление «Улучшение экономического положения женщин, обеспечение роста их благосостояния», реализация которого предполагает в числе прочего решение задачи по расширению возможностей занятости женщин в сфере МСП.

В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве одного из направлений предусмотрено создание дополнительных механизмов пропаганды и популяризации женского предпринимательства.

В рамках проекта Корпорации МСП «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» предполагается разработка специального финансового продукта для женщин-предпринимательниц, проведение информирования общественных объединений женщин об участии субъектов МСП в закупках крупнейших заказчиков [О решениях... , 2016].

В этих и других актах федерального уровня отсутствуют условия отнесения женщин-предпринимательниц к субъектам МСП. В то же время на региональном уровне такой опыт уже имеется. Однако анализ регионального законодательства, посвященного женскому предпринимательству, свидетельствует об отсутствии единообразия по данному вопросу.

Так, например, в программе правительства г. Санкт-Петербурга «Поддержка женского предпринимательства» под субъектами женского предпринимательства понимаются женщины — индивидуальные предпринимательницы, а также субъекты МСП, руководителями которых являются женщины, зарегистрированные и осуществляющие деятельность в г. Санкт-Петербурге¹.

В соответствии с подпрограммой «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Челябинской области на 2016—2020 годы», субъект женского предпринимательства — это субъект МСП, в уставном капитале которого доля, принадлежащая женщинам, составляет не менее 51 % и руководителем которого является женщина [Территория развития...].

В Ульяновской области действует Программа финансовой поддержки женского предпринимательства (микрофинансирования). В ней женское предпринимательство рассматривается как предпринимательская деятельность, осуществляемая женщинами — руководительницами собственного бизнеса (общая доля в бизнесе не должна быть менее 51 %) и нацеленная на смягчение или решение

¹ Администрация г. Санкт-Петербурга: официальный сайт. URL: <https://www.gov.spb.ru> (дата обращения: 17.02.2019).

социальных проблем, в том числе деятельность по предоставлению бытовых, образовательных, лечебно-оздоровительных услуг и др.²

Наряду с региональными актами, вопрос о критериях отнесения бизнеса к категории женского предпринимательства встречается и в иных документах. Например, в программе Корпорации МСП «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» под организациями женского предпринимательства понимаются юридические лица, являющиеся обществами с ограниченной ответственностью, при условии, что единоличным исполнительным органом такой организации выступает женщина — гражданка РФ и/или 50 %-я доля и более в уставном капитале организации принадлежит физическим лицам — женщинам, являющимся гражданками РФ, а также получившим нефинансовую поддержку со стороны Корпорации МСП в виде обучения по программам тренингов для субъектов МСП. Женщинами-предпринимательницами считаются женщины — гражданки РФ, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, получившие нефинансовую поддержку со стороны Корпорации [Кредитование].

Исходя из анализа отдельных актов можно сделать вывод, что условиями получения государственной поддержки субъектами женского предпринимательства являются: 1) наличие у женщины, имеющей или не имеющей гражданство РФ, статуса индивидуального предпринимателя; 2) соответствие организаций МСП, руководители которых — женщины, требованиям наличия регистрации на территории субъекта РФ, предоставляющего преференции; осуществления деятельности на территории субъекта РФ, предоставляющего преференции; владения женщинами не менее чем 51 %-й долей (или 50 %-й) в уставном капитале такой организации; 3) социальная направленность женского предпринимательства.

Следует заметить, что согласно Закону № 209-ФЗ субъектами МСП являются хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели, соответствующие общим и специальным критериям [Кванина, 2017].

На наш взгляд, для получения преференций субъекты женского предпринимательства должны отвечать общим и специальным критериям МСП, указанным в Законе № 209-ФЗ, например по численности занятых работников, по размеру дохода, полученного за календарный год и т. д. Вместе с тем для субъектов женского предпринимательства должны быть установлены дополнительные критерии, соответствие которым являлось бы необходимым условием получения мер государственной поддержки. Полагаем, что с учетом специфики организационно-правовой формы ведения предпринимательской деятельности субъекты женского предпринимательства должны быть подразделены на две основные группы:

1) женщины — индивидуальные предпринимательницы, главы крестьянских (фермерских) хозяйств;

2) хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, руководителями которых являются женщины.

Первая группа субъектов женского предпринимательства должна отвечать следующим дополнительным условиям: 1) наличие у женщины гражданства РФ;

² Правительство Ульяновской области: официальный сайт. URL: <http://ulgov.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

2) государственная регистрация в качестве субъекта предпринимательской деятельности на территории субъекта РФ, предоставляющего преференции;
3) осуществление ими предпринимательской деятельности на территории субъекта РФ, предоставляющего преференции.

Вторая группа организаций, относящихся к субъектам женского предпринимательства, дополнительно должна отвечать требованию владения женщиной-руководителем не менее чем 51 %-й долей в уставном капитале такой организации.

Отнесение к субъектам женского предпринимательства организаций, возглавляемых женщинами, не являющимися собственниками долей в уставном капитале, было бы, на наш взгляд, ошибочным, поскольку закрепление такого критерия привело бы к появлению возможности приобретения искусственного статуса субъекта женского предпринимательства в целях получения государственной поддержки посредством формального назначения на должность руководителя организации женщины.

При определении категории «субъект женского предпринимательства» встает вопрос, должно ли при этом учитываться наличие детей, их количество, возраст, трудоспособность и т. д. Например, по итогам встречи Президента РФ с предпринимательницами в 2018 г. Правительству РФ было поручено проработать вопрос о дополнительных инструментах поддержки женщин-предпринимательниц, имеющих детей, в рамках поддержки субъектов МСП [Перечень поручений... , 2018].

На наш взгляд, наличие детей у женщины-руководительницы как один из критериев отнесения деятельности возглавляемой ею организации к женскому предпринимательству представляется необъективным в силу того, что преференции будут предоставляться организации в целом, а не женщине-матери. Если же речь идет об индивидуальной предпринимательнице, то наличие детей может служить дополнительным фактором для государственной поддержки таких субъектов.

Выводы

Проведенное исследование показало, что роль женщины в современном обществе стремительно меняется. В условиях интенсивного развития экономических отношений значимость деятельности женщин-предпринимательниц постоянно растет.

Именно поэтому оказание поддержки женщинам, стремящимся осуществлять предпринимательскую деятельность, является одной из важнейших и глобальных тенденций наших дней, что отражается в соответствующих положениях международного законодательства, а также законодательства отдельных зарубежных стран. В мировой практике широко представлены различные механизмы поддержки женского предпринимательства.

На сегодняшний день в Российской Федерации государственная политика по поддержке женщин-предпринимательниц находится только в процессе формирования, о чем свидетельствует наличие значительного количества программных актов и документов. Несмотря на признание необходимости поддержки и развития женского предпринимательства, нет единообразного подхода к вопросу о критериях и условиях получения государственной поддержки

субъектами женского предпринимательства, что приводит к ее фактическому отсутствию. Полагаем, что основы государственной политики поддержки женского предпринимательства должны быть отражены в Законе № 209-ФЗ как системообразующем акте, посвященном поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

Нормы данного закона о государственной поддержке субъектов МСП носят универсальный характер (распространяются на всех субъектов МСП, соответствующих определенным критериям). В то же время Закон № 209-ФЗ содержит положения о мерах поддержки субъектов МСП, реализующих отдельные виды предпринимательской деятельности (внешнеэкономическую, сельскохозяйственную, ремесленную), а также осуществляющих предпринимательство в образовательной сфере, сферах инноваций и промышленного производства. Исходя из этого структура Закона № 209-ФЗ вполне предоставляет возможность дополнить его статьей «Поддержка субъектов малого и среднего женского предпринимательства».

При этом в Законе № 209-ФЗ необходимо закрепить дополнительные критерии отнесения субъектов женского предпринимательства к субъектам МСП, помимо общих критериев, которым должны отвечать все субъекты МСП (численность занятых работников, размер дохода, полученного за календарный год и др.). В качестве таковых следует признать наличие у субъекта женского предпринимательства гражданства РФ и государственной регистрации в качестве субъекта предпринимательской деятельности на территории субъекта РФ, предоставляющего преференции; осуществление предпринимательской деятельности на территории субъекта РФ, предоставляющего преференции. Юридические лица следует относить к субъектам женского предпринимательства в случае владения женщиной-руководительницей не менее чем 51 %-й долей в уставном капитале такой организации.

Помимо универсальных форм поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, предусмотренных Законом № 209-ФЗ (финансовая, имущественная, информационная и др.), субъектам женского предпринимательства необходимо оказывать и иные меры поддержки, что обусловлено особой ролью женщин в обществе (воспитание детей и т. п.). Например, по аналогии с немецким опытом детям женщин-предпринимательниц должно предоставляться внеочередное место в детских садах.

Государственная поддержка субъектов малого и среднего женского предпринимательства может осуществляться с применением следующего механизма финансирования. Из всего объема финансирования, выделяемого государством на оказание поддержки субъектам МСП, следует ежегодно выделять определенную сумму (квоту) на финансирование именно женского предпринимательства. Заметим, что на этом принципе основывается поддержка женского предпринимательства, например, в Республике Казахстан [О мерах по поддержке... , 2000].

Признание на законодательном уровне женщин-предпринимательниц как особой категории субъектов малого и среднего предпринимательства может стать необходимым условием стимулирования женщин к предпринимательской деятельности и их вовлечения в бизнес, а также одним из факторов обеспечения экономической стабильности и увеличения благосостояния не только семей, но и всего общества в целом.

Библиографический список

- Воронина Ю.* Бизнес идет на каблуках // Российская газета. 2016. 8 февраля.
- Высоцкая М. И., Чалова А. И.* Специфика развития женского предпринимательства в современной России // Российский академический журнал. 2013. № 3. С. 37—40.
- Гавриловская С. В.* Женское предпринимательство: стереотипы и эмпирические наблюдения // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 3. С. 169—173.
- Доклад Четвертой Всемирной конференции по положению женщин. 1995. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).
- Ерохина Л. Д., Панфилова А. О.* Барьеры развития женской предпринимательской деятельности в России // Теория и практика общественного развития. 2006. № 6. С. 10—13.
- Ершова И. В., Тарасенко О. А.* Малое и среднее предпринимательство: трансформация российской системы кредитования и микрофинансирования // Вестник Пермского университета. 2018. № 1. С. 99—123.
- Ильиных С. А.* Предпринимательство в России: анализ факторов влияния // Проблемы современной экономики. 2015. № 2. С. 153—156.
- Информационный бюллетень. URL: <http://www.owl.ru/win/infolist/2001/tonchu.htm/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Кванина В. В.* Критерии субъектов малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы права России и стран СНГ, 2017: материалы XV Международной научно-практической конференции. Челябинск: Цицеро, 2017. С. 269—274.
- Кипервар Е. А., Севелова М. А.* Женское предпринимательство: особенности и перспективы развития в регионах: (на примере Омской области) // Омский научный вестник. 2009. № 2. С. 96—99.
- Кредитование // МСП Банк: официальный сайт. URL: <https://www.mspbank.ru/credit/women-entrepreneurship/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Нурбекова Ж. А.* Теоретические предпосылки социологического анализа женского предпринимательства // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 4. С. 101—106.
- О мерах по поддержке женского предпринимательства: постановление Правительства Республики Казахстан от 5 сентября 2000 г. № 1345. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1019664 (дата обращения: 17.02.2019).
- О решениях по итогам заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 2 марта 2017 г. 2017. URL: <http://government.ru/projects/selection/658/26614/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Перечень поручений по итогам встречи с женщинами-предпринимателями, прошедшей 7 марта 2018 г.: утв. Президентом РФ 11 апреля 2018 г. № Пр-613. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».
- Похвоцев В. А., Колесникова О. А.* Развитие женского предпринимательства как фактор обеспечения эффективности занятости // Модернизация. Инновации. Развитие. 2015. № 1. С. 103—107.
- Предпринимательская деятельность женщин — проблемы и решения в Европе и арабских странах / Международный форум ЮНИДО. 2012. URL: <https://docplayer.ru/50747855-Mezhregionalnyy-forum-yunido-predprinimatelskaya-deyatelnost-zhenshchin-problemy-i-resheniya-v-evrope-i-arabskih-stranah.html> (дата обращения: 17.02.2019).
- Самедова Э. Р.* Развитие женского предпринимательства в Азербайджане // Российское предпринимательство. 2017. № 9. С. 1491—1496.

- Семенова Ю. А. О социальном механизме оптимизации женского предпринимательства // Известия Саратовского университета. 2013. № 1. С. 33—35.
- Территория бизнеса: фонд развития предпринимательства Челябинской области. URL: <https://xn--74-6kcdtbnagab0dhyacwee4w.xn--p1ai/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 17—28.
- Чего хотят женщины-предприниматели в России / ООО «Эрнст энд Янг — оценка и предпринимательские услуги». 2017. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-women-entrepreneurship-rus/\\$FILE/EY-women-entrepreneurship-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-women-entrepreneurship-rus/$FILE/EY-women-entrepreneurship-rus.pdf) (дата обращения: 17.02.2019).
- Entrepreneuriat des Femmes. 2013. URL: <https://www.egalite-femmes-hommes.gouv.fr/dossiers/egalite-professionnelle/entrepreneuriat-des-femmes/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Entrepreneurship 2020 Action Plan. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012DC0795&from=EN> (дата обращения: 17.02.2019).
- European Network to Promote Women's Entrepreneurship. URL: <https://wegate.eu/wes-reports#:~:text=WES%20is%20a%20European%20policy,women%20at%20the%20national%20level> (дата обращения: 17.02.2019).
- Feit N. Women Entrepreneurs in Small and Medium Enterprises. New York: OECD, 1998. 262 p.
- Fouquet N. Women business leaders: the case in France // Travail, Genre et Sociétés. 2005. № 13. P. 123—129.
- Frauen Unternehmen. URL: <http://www.frauenunternehmen.de/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Inclusive Entrepreneurship Policy. URL: <http://www.oecd.org/cfe/leed/inclusive-entrepreneurship.htm> (дата обращения: 17.02.2019).
- Ismail V. Y. The comparison of entrepreneurial competency in woman micro, small-, and medium-scale entrepreneurs // Procedia — Social and Behavioral Sciences: the 5th Indonesia International Conference on Innovation, Entrepreneurship, and Small Business. 2014. Vol. 115. P. 175—187.
- Promoting Women in Entrepreneurship Act. 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/255> (дата обращения: 17.02.2019).
- Start up loans // British Business Bank. URL: <https://www.startuploans.co.uk/> (дата обращения: 17.02.2019).
- Supporting Women Entrepreneurs in Germany / OECD. URL: <http://www.oecd.org/employment/leed/Rapid-policy-assessment-Germany-final.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).
- “Think Small First”: a “Small Business Act” for Europe. 2008. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008DC0394&from=EN> (дата обращения: 17.02.2019).
- Ung Y. Women as vector of social entrepreneurship // Annals of Tourism Research. 2016. № 60. P. 63—79.
- Women entrepreneurs // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/growth/smes/promoting-entrepreneurship/we-work-for/women_en (дата обращения: 17.02.2019).
- Women Entrepreneurs Gate. URL: <https://www.wegate.eu> (дата обращения: 17.02.2019).
- Women's Business Enterprise National Council. URL: <https://www.wbenc.org/certification/> (дата обращения: 17.02.2019).

References

- Erokhina, L. D., Panfilova, A. O. (2006) Bar'ery razvitiia zhenskoï predprinimatel'skoï deiatel'nosti v Rossii [Barriers to the development of women's entrepreneurship in Russia], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 6, pp. 10—13.
- Ershova, I. V., Tarasenko, O. A. (2018) Maloe i srednee predprinimatel'stvo: transformatsiia rossiïskoï sistemy kreditovaniia i mikrofinansirovaniia [Small and medium-sized businesses: transformation of the Russian credit and microfinance system], *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 1, pp. 99—123.
- Feit, N. (1998) *Women Entrepreneurs in Small and Medium Enterprises*, New York: OECD.
- Fouquet, N. (2005) Women business leaders: the case in France, *Travail, Genre et Sociétés*, no. 13, pp. 123—129.
- Gavrilovskaia, S. V. (2007) Zhenskoe predprinimatel'stvo: stereotipy i èmpiricheskie nabludeniia [Women's entrepreneurship: stereotypes and empirical observations], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 169—173.
- Il'inykh, S. A. (2015) Predprinimatel'stvo v Rossii: analiz faktorov vliianiia [Entrepreneurship in Russia: an analysis of the factors of the impact], *Problemy sovremennoï èkonomiki*, no. 2, pp. 153—156.
- Ismail, V. Y. (2014) The comparison of entrepreneurial competency in woman micro, small-, and medium-scale entrepreneurs, *Procedia — Social and Behavioral Sciences: the 5th Indonesia International Conference on Innovation, Entrepreneurship, and Small Business*, vol. 115, pp. 175—187.
- Kipervar, E. A., Sevelova, M. A. (2009) Zhenskoe predprinimatel'stvo: osobennosti i perspektivy razvitiia v regionakh: (Na primere Omskoï oblasti) [Women's entrepreneurship: features and prospects of development in the regions: (On the example of the Omsk region)], *Omskiï nauchnyi vestnik*, no. 2, pp. 96—99.
- Kvanina, V. V. (2017) Kriterii sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Criteria for small and medium-sized businesses], in: *Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG, 2017: Materialy XV Mezhdunarodnoï nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Chelyabinsk: Tsitsero, pp. 269—274.
- Nurbekova, Zh. A. (2013) Teoreticheskie predposylki sotsiologicheskogo analiza zhenskogo predprinimatel'stva [Theoretical background of the sociological analysis of women's entrepreneurship], *Uchënye zapiski Zabaïkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 101—106.
- Pokhvoshchev, V. A., Kolesnikova, O. A. (2015) Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva kak faktor obespecheniia èffektivnosti zaniatosti [Development of women's entrepreneurship as a factor of employment efficiency], *Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie*, no. 1, pp. 103—107.
- Samedova, E. R. (2017) Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v Azerbaïdzhane [Development of women's entrepreneurship in Azerbaijan], *Rossiïskoe predprinimatel'stvo*, no. 9, pp. 1491—1496.
- Semenova, Iu. A. (2013) O sotsial'nom mekhanizme optimizatsii zhenskogo predprinimatel'stva [On the social mechanism for optimizing women's entrepreneurship], *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, no. 1, pp. 33—35.
- Ung, Y. (2016) Women as vector of social entrepreneurship, *Annals of Tourism Research*, no. 60, pp. 63—79.
- Utkina, N. Iu. (2017) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Objective and subjective factors of women's entrepreneurship development in Russia], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 17—28.

- Voronina, Iu. (2016) *Biznes idët na kablukakh* [Business is running on high heels], *Rossiiskaia gazeta*, 8 fevralia.
- Vysotskaia, M. I., Chalova, A. I. (2013) *Spetsifika razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v sovremennoi Rossii* [Specifics of women's entrepreneurship development in modern Russia], *Rossiiskii akademicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 37—40.

Статья поступила 03.03.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Кванина Валентина Вячеславовна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, vv.kvanina@mail.ru (Dr. Sc. (Law), Professor, Head of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Environmental Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation).

Громова Елизавета Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, elizaveta_86@mail.ru (Cand. Sc. (Law), Associate Professor at the Department of Entrepreneurial, Competitive and Environmental Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation).

Спиридонова Алёна Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия, avspiridonova@inbox.ru (Cand. Sc. (Law), Associate Professor at the Department of Entrepreneurial, Competitive and Environmental Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 66—81
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.6

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 66—81
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.6

ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСАХ РОССИИ И МИРА

*Н. А. Поветкина, Е. В. Кудряшова,
Ю. В. Леднева, О. В. Веремеева*

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия, pna127@mail.ru

Авторы статьи рассматривают гендерный аспект карьеры в сфере публичных финансов и в науке финансового права. Полученные в результате исследования данные указывают на необходимость популяризации примеров успешных женщин-финансистов среди изучающих финансовые и финансово-правовые дисциплины в российских вузах. Проанализированы сведения о представительстве женщин в ключевых финансовых ведомствах России. Приведены данные о роли женщин в науке финансового права в нескольких периодах: дореволюционном, советском и современном. Рассмотрена текущая ситуация в науке финансового права. Среди докторов юридических наук по специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право и бюджетное право» доля женщин составляет 57 %. В ходе исследования было проведено анкетирование магистрантов программы «Юрист в сфере публичных финансов» и аспирантов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Результаты опроса демонстрируют мотивацию, карьерные горизонты и оценку качеств, необходимых финансисту. Опрос показывает, что, несмотря на потенциал женщин в финансовой сфере, магистранты и аспиранты менее осведомлены об успехах женщин-финансистов, чем об успехах финансистов-мужчин.

Ключевые слова: гендерный подход, финансовое право, публичные финансы, женщины-финансисты.

WOMEN IN PUBLIC FINANCE OF RUSSIA AND THE WORLD

N. A. Povetkina, E. V. Kudryashova, Yu. V. Ledneva, O. V. Veremeeva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, pna127@mail.ru

The authors are considering the gender aspects of the career in the sphere of public finance and in the financial law science. The achieved research results are pointing out to the need for promoting — among the students of finance and financial law — the examples of successful women-financiers. The data on the representation of women in key financial authorities of Russia are analyzed. The authors provide the data on the women's role in the financial

law science in three periods: pre-revolutionary, Soviet and contemporary. Besides, the authors undertake the analysis of the current situation in the financial law science. Among the holders of doctorate who specialize in 12.00.04 “Financial law, tax law and budget law” women constitute 57 %. Doing the research the authors conducted a questionnaire of master degree and post-graduate students majoring in “Lawyer in the sphere of public finance” in the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation. The results of the questionnaire show that not with standing the great potential of women in finance the students are less aware of women-financiers success than that of their male counterparts.

Key words: gender approach, financial law, public finance, women-financiers.

Введение

В современных междисциплинарных и специальных исследованиях много внимания уделяется положению женщин. Чаще всего приходят к выводу о недостаточном их участии в той или иной области деятельности. Наша работа посвящена сфере публичных финансов и тесно примыкающей к ней сфере науки финансового права.

Целью статьи является рассмотрение гендерного аспекта карьеры в сфере публичных финансов, проблемы профессионального выбора в ней, а также постановка вопроса о необходимости популяризации примеров успешных женщин-финансистов среди изучающих финансовые и финансово-правовые дисциплины в российских вузах и научных организациях.

Методология

Авторы прибегли к методам анализа, синтеза и сравнения. Исследование опирается на анкетирование магистрантов первого и второго года обучения по программе «Юрист в сфере публичных финансов», а также аспирантов, специализирующихся в области финансового права¹. Круг анкетированных обусловлен тем, что опрошенные сознательно выбрали специализацию в сфере публичных финансов и имеют необходимый уровень знаний. Применен гендерный подход как методология познания жизнедеятельности общества [Матюшина, 2007: 71].

В российской литературе вопрос о гендерных аспектах профессиональной работы в области публичных финансов не исследовался. Вместе с тем, поскольку женщины успешно реализуют свои способности в сфере публичных финансов, в отечественных и зарубежных изданиях встречаются публикации, в которых акцентируется внимание на гендерных особенностях карьеры в этой сфере. Пример тому — статья в журнале «Форбс» [Forbes... , 2019], публикации, приуроченные к вступлению в должность председателя Банка России Э. Набиуллиной.

¹ Были опрошены 19 магистрантов программы «Юрист в сфере публичных финансов» и аспирантов по специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право и бюджетное право» Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, среди которых 11 мужчин и 8 женщин. Фамилию и имя можно было указать в анкетах по желанию, указание пола обязательно.

Следует отметить, что ранее исследователи не обращались к вопросу о том, как воспринимается карьера в сфере публичных финансов с точки зрения гендерных особенностей выпускниками бакалавриата вузов. Проведенное анкетирование показывает некоторые тенденции в этой области.

Женщины на ключевых публичных должностях в финансовой сфере России и мира

Публичные финансы — сфера общественной жизни, которую женщины выбирают для работы и где преуспевают в реализации своего потенциала. Мы бы назвали сферу публичных финансов достаточно благополучной и перспективной для реализации женщин — как в академической, так и в практической ее части.

Журнал «Форбс» составил список наиболее влиятельных женщин в международных финансах, написав: «Эти женщины контролируют и направляют мировое богатство» [ibid.]. Рейтинг возглавляют К. Лагард — директор Международного валютного фонда и М. Шапиро — до 2012 г. глава Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам США. В списке влиятельных женщин-финансистов также значатся управляющий директор Всемирного банка в Индонезии Ш. М. Индравати, экс-министр финансов Нигерии Н. Оконджо-Ивеала. Обращает на себя внимание Л. Олаян (в рейтинге «Форбс» 6-е место среди женщин-финансистов и 86-е — среди самых влиятельных людей мира), возглавляющая один из крупнейших бизнес-конгломератов в Саудовской Аравии, которую называют Уорреном Баффетом Ближнего Востока. О ней написали в прессе: «Миллиардерша из Саудовской Аравии Лубна Олаян не вправе водить машину, появляться на публике с непокрытой головой и покидать страну без разрешения своего супруга. Но это не мешает ей управлять корпорацией из 50 компаний» [Шабан, 2015].

В 2013-м, в год вступления в должность председателя Банка России Э. Набиуллиной, журналисты газеты «Коммерсантъ» привели примеры женщин, возглавляющих главные финансовые учреждения разных стран, сопроводив их словами «О тех, кто считает деньги» [Госпожа председатель... , 2013]. В списке оказались Ю. П. Урпилайнен — министр финансов Финляндии, Дж. Маркус — глава Южно-Африканского резервного банка, М. М. дель Понт — глава Центробанка Аргентины, Н. Оконджо-Ивеала — экс-министр финансов Нигерии, Ш. Ахтар — в 2005 г. глава Центрального банка Пакистана, а затем помощник Генерального секретаря ООН по экономическим вопросам.

Среди самых влиятельных женщин России, согласно исследованию компании «PricewaterhouseCoopers», первые места занимают женщины, чья карьера напрямую связана с публичными финансами: Э. Набиуллина — глава Центрального банка РФ, Т. Голикова — глава Счетной палаты РФ (с сентября 2013 г. по май 2018 г.), а в настоящее время заместитель председателя Правительства РФ по вопросам социальной политики, Б. Златкис — член органов управления институтов самоуправления на рынке ценных бумаг [PWC, 2013]. Исследование проводилось в 2013 г., но все эти женщины сохранили свои позиции на олимпе публичных финансов. Это свидетельствует о том, что речь идет об их реальном влиянии и авторитете, а не о номинальном продвижении. Номинальное продвижение в зарубежных публикациях описывают как «продвижение без уважения», что обозначает повышение по службе без предоставления реальных полномочий [Guenther, 2016: 6].

Магистранты и аспиранты к числу наиболее влиятельных финансистов отнесли также первого заместителя министра финансов Т. Г. Нестеренко. Кроме того, они назвали Е. Ю. Грачеву — проректора Московского юридического университета им. О. Е. Кутафина, автора многочисленных трудов по финансовому праву и видного деятеля в сфере образования, и О. Н. Горбунову — заведующую первой кафедрой финансового права и бухгалтерского учета на всем постсоветском пространстве, созданной в 1994 г.² Конечно, внимание к женщинам-ученым из сферы именно финансового права связано в том числе со специализацией магистрантов и аспирантов, изучающих непосредственно финансовое право и знакомых с деятельностью этих женщин-ученых.

Несмотря на такой внушительный список влиятельных женщин в сфере публичных финансов как мира, так и России, опрос показал, что магистранты и аспиранты, узко специализирующиеся на правовых аспектах публичных финансов и сделавшие сознательный выбор направления своей научной и практической деятельности, затрудняются сразу назвать влиятельных женщин-финансистов. В 19 анкетах всего было названо 73 влиятельных финансиста, из которых только 24 женщины (33 %).

Женщины в основных финансовых ведомствах Российской Федерации

Мы решили обратиться не только к данным о «медийных» лицах публичных финансов, но и к сведениям о тех, кто обеспечивает руководство и повседневное функционирование ключевых финансовых ведомств федерального уровня России. К основным финансовым ведомствам³ были отнесены следующие: Министерство финансов РФ, Федеральное казначейство РФ, Федеральная налоговая служба РФ и Центральный банк РФ.

Официальные данные о гендерном составе всех сотрудников центральных аппаратов ведущих финансовых органов в открытых источниках не опубликованы. Можно найти некоторые сведения о составе руководства центральных аппаратов и их структурных подразделений или о персональном составе выборных или назначаемых лиц.

Так, исходя из данных сайта Центрального банка РФ о структуре центрального аппарата из 60 перечисленных руководителей департаментов и подразделений 18 женщин (30 %)⁴.

В центральном аппарате Счетной палаты РФ, состоящем из председателя, заместителя председателя и 12 аудиторов, заместитель председателя и 3 аудитора — женщины (29 %)⁵. На сайте Счетной палаты РФ содержится информация

² Официальный сайт МГЮА им. О. Е. Кутафина. URL: <https://www.msal.ru/content/ob-universitete/struktura/kafedry-vypuskayushchie/kafedra-finansovogo-prava/?hash=tab191> (дата обращения: 01.03.2019).

³ Термин «ведомство» используется как обобщающий, если принять во внимание независимый статус Центрального банка РФ и особенности статуса Счетной палаты РФ.

⁴ Структура центрального аппарата Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/36359/scheme.pdf> (дата обращения: 01.03.2019).

⁵ URL: <http://www.ach.gov.ru/structure/> (дата обращения: 01.03.2019).

о руководящих лицах. В аппарате заявлено 14 руководящих должностей, из них 4 занимают женщины (29 %) ⁶.

В центральный аппарат ФНС РФ входит руководитель и 10 заместителей, для сопоставимости данных с другими ведомствами мы добавим сюда руководителей структурных подразделений, которых в ФНС 22. Данные о гендерном составе свидетельствуют, что из 33 руководящих должностей центрального аппарата ФНС 11 занимают женщины (33 %) ⁷.

Изучение открытых источников о персональном составе руководства финансовых ведомств позволило выявить еще ряд значительных должностей, которые занимают женщины: 2 заместителя руководителя ФНС РФ — С. Л. Бондарчук и С. Н. Андрющенко, заместитель руководителя Федерального казначейства РФ — А. Т. Катамадзе, заместитель председателя Счетной палаты РФ — В. Е. Чистова, первый заместитель председателя Банка РФ — К. В. Юдаева, глава Департамента по связям с общественностью Банка РФ ⁸ — М. В. Рыклина.

На февраль 2019 г. мы постарались собрать информацию о процентном соотношении женщин и мужчин в списочном составе финансовых ведомств из неофициальных источников. В центральном аппарате Министерства финансов РФ 71 % списочной численности женщины. В центральном аппарате Федерального казначейства РФ трудятся 63 % женщин. В центральном аппарате ФНС РФ работают 80 % женщин.

Здесь же мы хотели бы привести данные о карьерных целях опрошенных магистрантов и аспирантов, а также о некоторых выявившихся гендерных особенностях в этой связи.

В анкету был включен вопрос «Какую должность Вы рассматривали бы как пик Вашей карьеры? (Если Вы считаете нужным, можете дать дополнительные пояснения о том, что такое «пик карьеры» с точки зрения оплаты, влияния, публичности и др.)». Из 11 мужчин 7 (63 %) назвали высшие руководящие должности, причем преобладали должности высшего руководителя или главы организации. Отмечено было также, что желаемая должность должна быть не только руководящей, но и публичной. В 3 ответах оценивалась качественная сторона профессиональной деятельности как постоянное движение вверх и совершенствование, влияние, полезность. Из 8 магистранток и аспиранток только 3 (38 %) назвали должности, которые можно отнести к руководящим. Половина опрошенных не конкретизировали желаемую должность или затруднились ответить. Одна женщина акцентировала внимание на качественной стороне профессиональной карьеры, оценивая ее как восхождение и совершенствование.

Качества финансиста: мужские или женские?

Исследуя мужские и женские качества, следует подходить к ним с точки зрения гендера, а не пола: «Пол основывается на относительно неизменном биологическом различии, существующем между мужчиной и женщиной. Гендер же обозначает относительно изменчивые социальные различия, модели поведения,

⁶ URL: <http://www.ach.gov.ru/structure/> (дата обращения: 01.03.2019).

⁷ URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/fts/structure_fts/ca_fns/ (дата обращения: 01.03.2019).

⁸ Исходя из данных сайта должность находится в непосредственном подчинении председателя Банка России (дата обращения: 01.03.2019).

характеристики, которые в общественном представлении присущи женщинам и мужчинам. Для политики и науки интерес главным образом представляет гендер, а не пол» [UNECE, 2010: 1]. Большее значение имеют не объективные факторы, а сложившееся в общественном сознании представление. В обществе принято различать традиционно мужские и женские роли: профессии, должности, сферы деятельности, хотя подчеркивается, что это деление, как правило, носит традиционно-бытовой, а не научно обоснованный характер, поскольку в большинстве случаев никак не связано с особенностями женской психики и интеллекта [Кальте, 2012].

На основе анкетирования мы сделали попытку определить, остаются ли какие-то стереотипы у выпускников бакалавриата, выбравших специализацию «публичные финансы». Интересные результаты удалось получить относительно качеств, которые необходимы финансистам.

Опрошенным был задан вопрос о том, к каким занятиям они относят финансы — к мужским или женским. Один человек отнес финансы «больше» к мужским занятиям и один — «больше» к женским; остальные сочли, что эта сфера не имеет каких-либо гендерных приоритетов.

Опрошенным был также задан вопрос о том, какие качества, традиционно относимые к женским и мужским, они считают необходимыми для финансиста. Наиболее часто встретившиеся в ответах женские качества — гибкость, интуитивность, мудрость, внимательность. Мужские качества — эмоциональная стабильность, решительность. Трое опрошенных указали, что набор качеств финансиста един и не может быть разделен на мужские и женские.

На основе опросов мы можем предположить, что среди магистрантов и аспирантов нет гендерного стереотипа в отношении публичных финансов. Публичные финансы не соотносятся с женскими или мужскими профессиями.

Несколько слов необходимо добавить относительно гендерных аспектов управления публичными финансами.

В 2001 г. исходя из анализа причин, мешающих формированию ценностных ориентаций женщин на общественно-политическую деятельность, было установлено, что основным является недоверие со стороны государства и общества [Рыбцова, 2001]. В финансовой сфере вопросы доверия зачастую играют ключевую роль, в особенности в условиях нестабильности финансовых систем.

В сфере публичных финансов мы видим примеры, когда женщине — управляющей центральными финансовыми институтами — государство и общество доверяют в сложные периоды реорганизации финансового хозяйства и продолжают доверять в условиях тяжелейших кризисов.

В первую пятилетку Советская Россия доверила управление Народным комиссариатом финансов женщине — В. Н. Яковлевой. Она работала в должности наркомфина РСФСР с декабря 1929 г. до 1937 г. [Яковлева... , 2006]. К моменту вступления В. Н. Яковлевой в должность новую экономическую политику практически свернули, в 1928 г. началась реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, был взят курс на индустриализацию и коллективизацию. Вот описание переходного финансового хозяйства, которое женщина — нарком финансов взяла в свои руки: «1930—1932 гг. были периодом коренной перестройки системы, форм и методов финансовой работы. Перестройка

эта проходила по всем линиям, охватила кредитование и расчеты в народном хозяйстве, капитальные вложения, систему государственных доходов, государственное социальное страхование, государственный кредит, налоговые платежи населения, государственное имущественное страхование, финансовое планирование. На путях этой перестройки стояли большие трудности, проистекавшие как из-за отсутствия опыта организации финансов в условиях социализма, так и из-за упорного сопротивления классовых противников» [Дьяченко, 1978: 228].

Заслуживает внимания также современный пример — М. Шапиро, о которой писали: «Шапиро пришла в самые сложные времена для SEC⁹ — в разгар финансового кризиса в январе 2009 года, когда репутация комиссии была серьезно подорвана. SEC критиковали за неспособность контролировать деятельность финансовых компаний с Уолл-стрит, в частности за то, что ей не удалось вовремя раскрыть махинации Бернарда Мейдоффа, в результате которых инвесторы потеряли \$65 млрд. Слышались голоса о том, что SEC следует ликвидировать, создав на ее месте новую структуру. Но уже через год комиссия начала инициировать дела против крупнейших в США компаний — “Countrywide”, “Bank of America”, “Citigroup” и “Goldman Sachs”. Последнюю в апреле 2010 года SEC оштрафовала, наложив самый большой на тот момент штраф — \$550 млн» [Джоджуа, 2012]. Пример вполне соотносится с научными данными: «Исследования показывают, что женщины и в ситуациях риска способны формировать адекватные стратегии, отличающиеся, с одной стороны, осознанной осторожностью, с другой — необходимым уровнем рискованности и даже авантюризма, что помогает организации выжить в условиях неопределенности российского бизнеса. Меньшая амбициозность и нежелание достигать победы “любой ценой” позволяют женщине действовать в сложных обстоятельствах даже более эффективно, чем мужчине» [Кальте, 2012: 40].

В России в разгар кризиса 2008 г. в состав руководства финансовой сферой входила заместитель министра финансов РФ Т. Г. Нестеренко.

Женщины-ученые в сфере финансового права

По данным института статистики ЮНЕСКО, как пишет А. Еникеева, в науке доминируют мужчины: женщины составляют лишь четверть международного научного сообщества. «Среди университетских профессоров их около десяти процентов, а среди членов академий наук — менее пяти. Россия по общей численности женщин-ученых выгодно отличается от других стран. У нас в сфере исследований и разработок заняты почти 42 процента представительниц прекрасного пола. Однако по такому показателю, как число женщин на руководящих постах и женщин — членов академий наук, наша страна оказалась в аутсайдерах. Среди 528 ныне здравствующих академиков РАН только десять женщин, т. е. всего около двух процентов. Для сравнения: из 2200 членов Национальной академии наук США (NAS) примерно 260 женщин. Это приблизительно 12 процентов» [Еникеева, 2012]. По данным за 2010 г., больше всего удельный вес женщин в гуманитарных науках — 60,8 %, из них 40,7 % — доктора наук, удельный вес женщин в общественных науках — 57,3 %, из них

⁹ Securities and Exchange Commission (Комиссия по ценным бумагам и биржам США).

31,2 % — доктора наук. Наименьшее количество женщин в технических науках — 38,4 %, из них 6,1 % доктора наук, и в естественных науках — 41,4 %, из них 18,4 % — доктора наук [там же].

Касаясь вопросов о руководстве наукой и образованием в сфере публичных финансов, отметим профессора А. Г. Грязнову, которая уже более 30 лет занимает руководящие должности в Финансовой академии при Правительстве РФ (ныне университет) (с 1985 по 2006 г. — ректор, затем президент академии).

В целом из 144 ректоров российских вузов женщины составляют только 18 %¹⁰. В их числе — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, академик РАН, профессор Т. Я. Хабриева.

Институт статистики ЮНЕСКО для проведения гендерных исследований в научно-образовательном секторе взял за основу критерий численности ученых, занятых в отраслях науки. Альтернативным критерием может быть публикационная активность. Для оценки вовлечения женщин в научную деятельность используют показатель количества их научных публикаций по определенной тематике. К примеру, анализ характеристик авторов статей в английском научном журнале «Public Administration Review» показал, что 41 % авторов статей, опубликованных в этом журнале до 2005 г., были женщины [Kellough, Pitts, 2005; Miller, McTavish, 2011].

Предметом финансового права всегда было изучение юридических аспектов публичных финансов, но оно имеет свою историю [Кудряшова, 2006], в ходе которой финансовое право то выделяли в отдельную отрасль правовой науки, то группировали со смежными отраслями, то выделяли уже в отдельную научную специальность. В 2013 г. приказом Минобрнауки РФ от 10.01.2012 г. № 5 была введена отдельная научная специальность 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право и бюджетное право», которая охватила все юридические вопросы публичных финансов.

В силу неопределенного места финансового права в системе юридической науки в разные периоды статистические данные о численности научных кадров, о кафедрах и другие не отслеживались. Нет возможности найти точные сведения, пригодные для сопоставления гендерного состава ученых в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Однако на основе ключевых трудов и доступных научных публикаций можно выявить ряд общих тенденций и проанализировать ситуацию в развитии.

Мы выделяем следующие периоды в развитии науки финансового права в России [Тютин, 2008; Поветкина, 2015]:

- дореволюционный (с зарождения финансовой (финансово-правовой) науки в России¹¹ в XIX в. по октябрь 1917 г.);
- советский (с 1917 по 1991 г., год распада СССР);
- современный (с 1991 г. по настоящее время).

В дореволюционный период у финансово-правовой науки было исключительно мужское лицо. Во многом это объясняется тем, что возможность получить высшее образование, учиться в аспирантуре и защищать научные труды

¹⁰ Диссеропедия российских вузов. URL: <http://rosvuz.dissernet.org/collections/110612> (дата обращения: 01.03.2019).

¹¹ Первоначально финансово-правовая наука изучалась в рамках науки о финансах: самостоятельную отрасль научных знаний она образовала гораздо позже.

у женщин появилась только после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Математика (а не социальные науки) была первой наукой, которая допустила в ряды профессоров женщину. В 1889 г. им стала С. Ковалевская, преодолевшая все преграды, существовавшие для научной карьеры женщины. Незадолго до этого знаменательного события появился университет, где могли учиться женщины, — Бестужевские курсы, основанные в 1878 г. профессором А. Н. Бекетовым. Н. Л. Пушкарева писала: «К поступающим на курсы предъявлялись высокие требования: принимали лишь тех, кто имел золотую медаль за отличные успехи в женской гимназии. Кроме того, они должны были сдать экзамен на аттестат зрелости в мужской гимназии по латинскому языку и математике, свободно владеть французским, немецким языками. Если в 1878 году число слушательниц составило 800 человек, то в 1916 году уже 6 тысяч» [Пушкарева, 1997: 3]. В 1896 г. женщины получили право поступать в институты и университеты, однако реального равноправия для получения высшего образования не было.

Требования о равноправии женщин были выдвинуты в ходе революции 1905 г., но безуспешно. Однако в 1905 г. по воле либерального большинства профессорско-преподавательского корпуса, воодушевленного Манифестом 17 октября, университеты и институты ведомства Министерства народного просвещения и прочих центральных ведомств, не дожидаясь законодательного решения «женского вопроса», стали допускать «лиц женского пола» к учебным занятиям на правах вольнослушательниц [Иванов, 2017; Pavlov et al., 2017].

В 1912 г. состоялся первый Всероссийский съезд по вопросам образования женщин, на котором был поставлен вопрос о равенстве в правах женщин и мужчин в образовании, но фактически двери высших учебных заведений открылись для женщин после издания декрета от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», отменившего вступительные экзамены и плату за обучение [Волкова, 2017].

К значительным работам по финансовому праву дореволюционного периода можно отнести статьи М. Н. Вернадской, жены известного профессора политэкономии Киевского и Московского университетов И. В. Вернадского, например «Что такое подати», а также ее переводы трудов западноевропейских финансистов [Осипова, 2017].

Первые выдающиеся научные труды по финансовой проблематике в России, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие финансовой и финансово-правовой мысли, принадлежали мужчинам: М. М. Сперанскому, М. Ф. Орлову, Н. И. Тургеневу. Расцвет финансовой мысли в дореволюционной России также связан с мужскими именами: И. Я. Горлов, Ф. Б. Мильгаузен, Е. Г. Осокин, С. И. Иловайский, В. П. Безобразов, Э. Н. Берендтс и др.

Отметим, что такая ситуация была характерна и для Западной Европы того времени. Наиболее известные представители немецкой финансовой науки — К. Г. Рау, А. Вагнер, Л. Штейн, Г. Еллинек, К. Т. Эбергер; французской — П. Леруа-Болье, Г. Жез. Мы не можем назвать женщин-ученых, работавших в сфере финансов, на основе известных нам зарубежных публикаций.

С начала советского периода в науке финансового права примерно до середины 1950-х гг. тоже преобладают ученые-мужчины: А. М. Гурвич, С. А. Котляревский, М. Д. Загрядков, М. И. Боголепов, М. И. Фридман,

Д. В. Кузовков и др. Мы можем отметить только одну женщину-ученого — Б. А. Крымскую.

Напомним здесь также о наркоме финансов РСФСР В. Н. Яковлевой, которая публиковала статьи о финансовом хозяйстве. Про В. Н. Яковлеву известно, что она окончила в 1907 г. физико-математический факультет Высших женских курсов в Москве (курсы В. И. Герье).

Только с середины прошлого века наметилась положительная динамика по включению женщин в научные исследования публичных финансов и финансового права. Переломный момент связан с именем Р. О. Халфиной. Считается, что именно статья Р. О. Халфиной «К вопросу о предмете и системе советского финансового права», опубликованная в 1952 г. в журнале «Вопросы советского административного и финансового права», положила конец многолетней дискуссии, развернувшейся в советский период, о месте финансового права в системе советского права. Р. О. Халфина смогла убедительно доказать самостоятельность отрасли финансового права.

Мужская монополия в науке финансового права в СССР была прекращена в 70-х гг., когда на арену научной мысли вышли три женщины — Н. И. Химичева, Л. К. Воронова и О. Н. Горбунова, научные труды которых стали классикой финансово-правовой науки, на учебниках и монографиях которых выросло не одно поколение блестящих ученых.

Начиная с 90-х гг. прошлого века все больше женщин стали заниматься проблемами публичных финансов и финансового права, возглавлять авторские коллективы учебников, издавать монографии, а также занимать руководящие должности в академических заведениях.

Тем не менее в период с 1991 по 2019 г. первенство в науке финансового права остается за мужчинами, что подтверждает и анализ защищенных диссертаций по финансово-правовой специальности, как кандидатских, так и докторских. Но разрыв между женщинами и мужчинами в академической сфере публичных финансов незначителен. Так, с 1991 по 1999 г. кандидатские и докторские диссертации по финансово-правовой специальности в Российской Федерации защитили 920 диссертантов, из них 437 женщин (48 %) [Грачева, Щекин, 2009; Грачева, Щекин, 2016]¹².

Представляется, что для иллюстрации современной ситуации в науке финансового права мы можем взять соотношение общей численности докторов юридических наук по финансовому праву — членов диссертационных советов, в которых защищаются диссертации по специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право и бюджетное право (юридические науки)», и численного представительства в них женщин — докторов юридических наук по финансовому праву.

На начало 2019 г. созданы и действуют 6 диссертационных советов, в которых защищаются диссертации по специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право и бюджетное право (юридические науки)». Представительство женщин среди членов диссертационных советов — докторов юридических наук по специальности 12.00.04 — отражено в таблице.

¹² Сбор статистической информации осуществлялся также на основе открытых данных официального сайта Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ. URL: <http://vak.ed.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2019).

Доля женщин — докторов юридических наук
по специальности 12.00.04 — в диссертационных советах

Диссертационный совет	Общее количество докторов юридических наук, чел.	Женщины	
		чел.	%
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ	13	4	30
Институт государства и права РАН	8	6	75
Российский государственный университет правосудия	10	7	70
Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)	7	4	57
Саратовская государственная юридическая академия	8	5	63
Российский университет дружбы народов и Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)	10	6	60

Из 56 членов диссертационных советов, докторов юридических наук по финансовому праву, — 32 женщины (57 %), что свидетельствует о большом представительстве женщин, активно занимающихся наукой финансового права.

Сказанное позволяет сделать вывод, что российское финансовое право приобретает «женское лицо». Это в целом вписывается в общую гендерную тенденцию по усилению влияния женщин на процессы не только местного и регионального, но общемирового масштаба и уровня.

**Качества ученого-финансиста и мотивы
нового поколения финансистов: гендерные оттенки**

Нам показалось интересным выявить мотивы приходящих в науку — магистратуру и аспирантуру — и гендерные оттенки этих мотивов. В анкеты магистрантов и аспирантов были включены два вопроса, направленных на выяснение этих аспектов.

Первый вопрос был сформулирован так: «Что для Вас было в приоритете, когда Вы решили заняться углубленным изучением публичных финансов?» Варианты ответов: развитие и продвижение финансово-правовой науки; получение полноценного образования; продолжение процесса обучения; улучшение материального положения и получение социальных гарантий; получение престижной степени магистра / кандидата наук; карьерный рост в практической деятельности; самореализация и защита диссертации; иное.

Ответы на вопрос о побудительных мотивах, заставивших заняться углубленным изучением публичных финансов, дали следующие результаты.

Более половины юношей и только одна пятая часть девушек в качестве мотивации назвали развитие и продвижение финансово-правовой науки. Остальные мотивы были одинаково отмечены магистрантами и аспирантами обоих полов.

Примечательно, что если наиболее популярным поводом для занятий финансовой наукой была «самореализация и защита диссертации», то ни один из опрошенных не назвал в качестве такового «улучшение материального положения и социальные гарантии».

Второй вопрос в анкете, касающийся мотивов научной деятельности в сфере публичных финансов, был предложен в такой формулировке: «Укажите два вида деятельности, которые определяют настоящего ученого, специализирующегося в сфере публичных финансов и финансового права». Варианты ответов: чтение лекций и работа в вузе; руководство научной работой студентов и аспирантов; аккумуляция знаний, работа с научными источниками и написание учебников; создание фундаментальных научных трудов, монографий; занятие публичной научной деятельностью (выступления на конференциях, научных семинарах, симпозиумах); иное.

Наиболее яркие гендерные отличия проявились в отношении аккумуляции знаний, работы с научными источниками и написания учебников. Девушки не выделяют данный критерий в качестве определяющего в деятельности ученого-финансиста, тогда как половина юношей его отметили. Чтение лекций и работу в вузе назвали только несколько человек, и это были исключительно девушки.

По общему мнению, основные виды деятельности, которыми желал бы заниматься настоящий ученый, это написание фундаментальных научных трудов, монографий и публичная научная деятельность.

Никто из опрошенных не рассматривает руководство научной работой студентов и аспирантов как вид деятельности, характеризующий настоящего ученого в сфере публичных финансов. Магистранты и аспиранты не связывают работу ученого в сфере публичных финансов с учебно-методической и педагогической деятельностью.

Заключение

В настоящем исследовании мы впервые применили гендерный подход к сфере публичных финансов и тесно примыкающей к ней области — науке финансового права. Выявляется достаточно благополучная картина. Публичные финансы — та сфера, где женщины успешно реализуют свой потенциал и достигают наивысших должностей.

Как выясняется, в списке влиятельных финансистов, предложенном опрошенными магистрантами и аспирантами, женщины-финансисты не составляют даже половины. Не все молодые специалисты знают об успехах женщин в публичных финансах.

Обращают на себя внимание результаты опроса магистрантов и аспирантов относительно их карьерных целей. Мужчины, начиная углубленное изучение финансового права, сразу строят амбициозные карьерные планы по достижению самых высоких постов. Большинство женщин не указывают на возможность занять высшие руководящие посты в публичных финансах. Хотя, как показывают исследования материалов о влиятельных женщинах-финансистах, они имеют много шансов для достижения вершин финансового олимпа.

Отрадным представляется тот факт, что, проводя опрос среди специализирующихся в области публичных финансов (взгляд на профессию изнутри), мы не обнаружили стереотипов относительно профессии финансиста.

Несмотря на то что ключевым препятствием для прихода женщин во власть является недоверие общества, в мировой финансовой практике имеются примеры, когда в самые сложные кризисные периоды управление финансами было передано женщине.

Гендерный подход впервые был нами применен к отрасли финансового права. Современная отрасль финансового права открывает возможности для самореализации женщин. 57 % женщин — докторов юридических наук работают в ученых советах по специальности 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право и бюджетное право (юридические науки)». Отметим, что начинающие научную карьеру в сфере публичных финансов женщины реже называют в качестве мотивации продвижение науки, равно как не отдают приоритет аккумулированию знаний и работе с источниками. В то же время женщины, в отличие от мужчин, считают возможным для себя читать лекции и работать в вузе.

Проведенное нами исследование — первый шаг в популяризации финансов как сферы, где женщины могут реализовать свои самые смелые планы в научной и практической деятельности.

Библиографический список

- Волкова Е. Ю. Что дала женщинам революция 1917 года в России? // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 275—277.
- Госпожа председатель. Специальный проект радио «Коммерсантъ FM» от 20.03.2013 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2150587> (дата обращения: 01.03.2019).
- Грачева Е. Ю., Щекин Д. М. Комментарий к диссертационным исследованиям по финансовому праву. М.: Статут, 2009. 1055 с.
- Грачева Е. Ю., Щекин Д. М. Комментарий к диссертационным исследованиям по финансовому праву (2008—2015 гг.). М.: Статут, 2016. 1038 с.
- Джоджуа Т. Мэри Шапиро покидает SEC // Коммерсантъ. 2012. 27 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2076855> (дата обращения: 01.03.2019).
- Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917—1950). М.: Наука, 1978. 249 с.
- Еникеева А. Женское лицо российской науки // Наука и технологии РФ. 2012. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=354&d_no=45603#.XNb9-89Kg9c (дата обращения: 01.03.2019).
- Иванов А. Е. Где готовили «ученых дам» в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Российские женщины-ученые: наследие: материалы Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки — наследие». М.: Наука, 2017. С. 76—82.
- Кальте З. М. Барьеры вхождения женщины во власть и возможные пути их преодоления // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 38—42.
- Кудряшова Е. В. Специфика преподавания правовых дисциплин студентам — финансистам и экономистам на примере курсов «Финансовое право» и «Бюджетное право» // Право и образование. 2006. № 1. С. 98—105.
- Матюшина Ю. Гендерный подход к управлению персоналом высшей школы // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 1. С. 70—74.

- Осипова Н. М. Документы первой русской женщины-экономиста Марии Николаевны Вернадской в архиве Российской академии наук // Российские женщины-ученые: наследие: материалы Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки — наследие». М.: Наука, 2017. С. 8—10.
- Поветкина Н. А. Бюджетное законодательство Российской Федерации: перспективы развития // Финансовое право. 2015. № 9. С. 3—5.
- Пушкарева Н. Л. Первые российские женщины-ученые // Женщины в отечественной науке и образовании. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 2—5.
- Рыбцова Л. Л. Общественно-политическая активность женщин // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 78—80.
- Тютин Ю. В. Процесс развития отрасли финансового права // Вестник Российской правовой академии. 2008. № 1. С. 48—52.
- Шабан И. Лубна Оlayan — Уоррен Баффет Ближнего Востока // Caspian Barrel. 2015. 23 мая. URL: <http://caspianbarrel.org/az/2015/05/lubna-olayan-uorren-baffet-blizhnego-vo/> (дата обращения: 01.03.2019).
- Яковлева Варвара Николаевна // Большая русская биографическая энциклопедия. 2006. URL: <http://interpretive.ru/termin/jakovleva-varvara-nikolaevna.html> (дата обращения: 01.03.2019).
- Forbes. World's Most Powerful Women in Finance. 2019. URL: <https://www.forbes.com/pictures/efgg45hlge/world%E2%80%99s-most-powerful-women-in-finance/#3a1606663601> (дата обращения: 01.03.2019).
- Guenther J. M. Women and power // Women Lawyers Journal. 2016. № 101. P. 6.
- Kellough J. E., Pitts D. W. Who contributes to Public Administration Review?: examining the characteristics of authors who submit manuscripts to the journal // Public Administration Review. 2005. № 65. P. 3—7.
- Miller K. J., McTavish D. Women in UK Public Administration Scholarship // Public Administration. 2011. Vol. 89, № 2. P. 681—697.
- Pavlov E. Ya., Rakitskaya I. A., Shashkova A. V. Emergence and activity of legal entities in Russia in the pre-revolutionary period: (comparative analysis) // Былые годы. 2017. № 4. С. 1333—1344.
- PWC. Женщина-лидер в российском бизнесе. 2013. URL: <https://www.pwc.ru/ru/hr-consulting/assets/woman-leader-in-russian-business-pwc.pdf> (дата обращения: 01.03.2019).
- UNECE. Developing Gender Statistics: a Practical Tool. UN. Geneva. 2010. URL: http://www.uncece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/Gender_Manual_RUS.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

References

- D'iachenko, V. P. (1978) *Istoriia finansov SSSR (1917—1950)* [History of finance of the USSR (1917—1950)], Moscow: Nauka.
- Enikeeva, A. (2012) *Zhenskoe litso rossiiskoi nauki* [The female face of Russian science], *Nauka i tekhnologii RF*, available from http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=354&d_no=45603#.XHb9-89Kg9c (accessed 01.03.2019).
- Gracheva, E. Iu., Shchekin, D. M. (2009) *Kommentariï k dissertatsionnym issledovaniiam po finansovomu pravu* [Commentary on dissertation research in financial law], Moscow: Statut.
- Gracheva, E. Iu., Shchekin, D. M. (2016) *Kommentariï k dissertatsionnym issledovaniiam po finansovomu pravu (2008—2015 gg.)* [Commentary on dissertation research in financial law (2008—2015)], Moscow: Statut.

- Guenther, J. M. (2016) Women and Power, *Women Lawyers Journal*, no. 101, p. 6.
- Ivanov, A. E. (2017) Gde gotovili “uchënykh dam” v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka [Where were “learned ladies” trained in the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX centuries], in: *Rossiiskie zhenshchiny-uchënye: nasledie: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Stoletiiu Velikoi russkoi revoliutsii: zhenskie litsa rossiiskoi nauki — nasledie”*, Moscow: Nauka, pp. 76—82.
- Kal'te, Z. M. (2012) Bar'ery vkhozheniia zhenshchiny vo vlast' i vozmozhnye puti ikh preodoleniia [Barriers to women's entry into power and possible ways to overcome them], *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniia)*, no. 4, pp. 38—42.
- Kellough, J. E., Pitts, D. W. (2005) Who contributes to Public Administration Review?: Examining the characteristics of authors who submit manuscripts to the journal, *Public Administration Review*, no. 65, pp. 3—7.
- Kudriashova, E. V. (2006) Spetsifika prepodavaniia pravovykh distsiplin studentam — finansistam i ekonomistam na primere kursov “Finansovoe pravo” i “Biudzhethnoe pravo” [The specifics of teaching legal disciplines to students-financiers and economists on the example of courses “financial law” and “budget law”], *Pravo i obrazovanie*, no. 1, pp. 98—105.
- Matiushina, Iu. (2007) Gendernyi podkhod k upravleniiu personalom vyssheĭ shkoly [Gender approach to personnel management in higher education], *Kadrovik. Kadrovyy menedzhment*, no. 1, pp. 70—74.
- Miller, K. J., McTavish, D. (2011) Women in UK Public Administration scholarship, *Public Administration*, vol. 89, no. 2, pp. 681—697.
- Osipova, N. M. (2017) Dokumenty pervoi russkoi zhenshchiny-ekonomista Marii Nikolaevny Vernadskoi v arkhive Rossiiskoi akademii nauk [Documents of the first Russian woman economist Maria Nikolaevna Vernadskaya in the archives of the Russian Academy of Sciences], in: *Rossiiskie zhenshchiny-uchënye: nasledie: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Stoletiiu Velikoi russkoi revoliutsii: zhenskie litsa rossiiskoi nauki — nasledie”*, Moscow: Nauka, pp. 8—10.
- Pavlov, E. Ia., Rakitskaia, I. A., Shashkova, A. V. (2017) Emergence and activity of legal entities in the pre-revolutionary period: (Comparative analysis), *Bylye gody*, no. 4, pp. 1333—1344.
- Povetkina, N. A. (2015) Biudzhethnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: perspektivy razvitiia [Budget legislation of the Russian Federation: development prospects], *Finansovoe pravo*, no. 9, pp. 3—5.
- Pushkareva, N. L. (1997) Pervye rossiiskie zhenshchiny-uchënye [The first Russian women scientists], in: *Zhenshchiny v otechestvennoi nauke i obrazovanii*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 2—5.
- Rybtsova, L. L. (2001) Obshchestvenno-politicheskaia aktivnost' zhenshchin [Social and political activity of women], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 78—80.
- Tiutina, Iu. V. (2008) Protseĭs razvitiia otrasli finansovogo prava [Financial law branch development process], *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, no. 1, pp. 48—52.
- Volkova, E. Iu. (2017) Chto dala zhenshchinam revoliutsiia 1917 goda v Rossii? [What did the 1917 revolution in Russia give women?], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 275—277.

Статья поступила 15.12.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Поветкина Наталья Алексеевна — доктор юридических наук, доцент, заведующая отделом финансового, налогового и бюджетного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, pna127@mail.ru (Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Financial, Tax and Budgetary Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Кудряшова Екатерина Валерьевна — доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, ev_kudryashova@inbox.ru (Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Financial, Tax and Budgetary Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Леднева Юлия Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, ulivik@yandex.ru (Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Financial, Tax and Budgetary Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Веремеева Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, veremeeva.olga@mail.ru (Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Financial, Tax and Budgetary Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 82—98
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.7

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 82—98
ББК 60.542.21
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ, ВЫЗВАННОЙ ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

Ю. Ю. Чилипенюк, О. С. Гапонова, Н. С. Гапонова, Л. С. Данилова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород, Россия, uchilipenok@hse.ru

Представлены результаты исследования, посвященного восприятию женщинами условий вынужденной домашней самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19. Основной гипотезой исследования явилось предположение о том, что ситуация самоизоляции затронула ключевые стороны жизненного уклада российских женщин и их семей и влияние это имело преимущественно негативный характер. Результаты исследования продемонстрировали противоречивость и неоднозначность восприятия женщинами сложившейся ситуации: с одной стороны — общие тревожные настроения, опасения за будущее семьи и экономики страны в целом, жалобы на материальные трудности, трудности в новых условиях работы и быта, осложнения в семейных отношениях, с другой — терпимость российских женщин в отношении временных сложностей, нового формата удаленной работы, ответственное отношение к соблюдению режима самоизоляции. Но, несмотря на некоторую долю оптимизма в ответах респонденток, более половины опрошенных в целом демонстрируют негативные и пессимистические настроения.

Ключевые слова: жизненный уклад, социальная изоляция, самоизоляция, коронавирусная инфекция, пандемия, семья, система ценностей.

TRANSFORMATION OF RUSSIAN WOMEN LIFESTYLE IN THE CONTEXT OF SELF-ISOLATION CAUSED BY THE COVID-19 PANDEMIC

Yu. Yu. Chilipenok, O. S. Gaponova, N. S. Gaponova, L. S. Danilova

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, uchilipenok@hse.ru

The article presents the results of the research on the women’s perception of the conditions of mandatory self-isolation caused by the COVID-19 pandemic. The respondents’ feedback showed changes in various areas of their lives that occurred during the period of self-isolation. The main hypothesis of the research was the assumption that the situation of self-isolation caused by COVID-19 has affected various aspects of Russian women lifestyle

and their families: distribution of temporal and material resources; labor activity; relations with husbands (partners) and children; habits related to nutrition, healthy lifestyle, personal care, etc.; perception of the external situation as a whole. It is also assumed that this impact was mainly negative. The collection of the empirical data was based on the method of questionnaire and was carried out in Moscow and Moscow region, St. Petersburg and Leningrad region, Nizhny Novgorod and Nizhny Novgorod region — the three most complex regions of Russia in terms of the number of registered coronavirus cases (according to 17.04.2020). Due to a certain specificity of the methods used, the sample of the study cut off the bulk of women without higher education, working in spheres that do not require high qualifications, and, thus, identified a specific stratum of modern Russian society for the study — working women with average and above average income. For the most part, such women demonstrate responsible behavior, abiding the regime of self-isolation. One way to alleviate the impact of this regime is to relocate with the children to smaller cities or villages, usually to their parents' places. One of the most significant consequences of the imposed restrictions is the active spread of a fairly new high-tech format of labor interaction — telework. The coronavirus situation has been a kind of a boost for the development of new telework practices and the increase in the number of people working from home. However, the opinions of women regarding whether they would like to switch to the online format of work activity completely were divided. In the context of mandatory self-isolation, families mainly use two strategies to stabilize the financial situation: increasing income, practiced by the wealthier families; and reducing expenses — by poorer families. Against all expectations, the distribution of time has shifted towards passive pastime in front of the TV or on the phone, checking social media, taking a daytime nap, rather than self-development, personal care and sport activities at home. Women have developed or worsened bad habits, and the number of sports and healthy lifestyle adepts has slightly decreased. Thus, self-isolation has not been a motivator of active pastime for women. On the contrary, it has led to the spread of a passive lifestyle, laziness and apathy. The assumption that self-isolation would have a detrimental effect on the moral and psychological climate and relations inside families was only partially confirmed. Some negative trends were pointed out, but due to the specifics of the Russian mentality and inculcated family values, they did not show such a rapid and drastic decline as in foreign countries. In general, to summarize the foregoing, it should be noted that the appeared difficulties in the interaction with the external environment, concerns about the future of the Russian economy, deterioration of the financial situation, fear for the future of the family, general anxiety, uncertainty, complex moral state and failed plans — all that collectively results in negative and pessimistic moods of more than a half of Russian women in the conditions of self-isolation, and as families continue to stay in these conditions, it is most likely that such sentiments will have a tendency to grow, which will require further study of these trends and their consequences for the major Russian cities as well as for the periphery, where they will have their own specific features.

Key words: lifestyle, social isolation, self-isolation, coronavirus infection, pandemic, family, system of values.

Введение

Процесс взаимодействия человека с внешним миром, с другими членами общества, с ближайшим окружением оказывает ключевое влияние на его жизнь, во многом обуславливая жизненный уклад. Однако в силу определенных причин может сложиться ситуация, следствием которой станет изоляция человека от широкого социального окружения, будут прерваны непосредственные контакты с отдельными членами семьи, друзьями и другими референтными для личности

группами. Чаще всего такие ситуации индивидуальны (например, тюремное заключение или долгосрочная дальняя командировка). Но, как показала современная действительность, внезапно может возникнуть необходимость существенно ограничить или совсем прекратить многие социальные контакты для подавляющего большинства населения. Такой причиной стала угроза распространения по всему миру в 2020 г. вируса COVID-19.

Пытаясь остановить набирающую силы пандемию, правительства разных стран, в том числе и России, принимают различные меры государственного регулирования для контроля за эпидемиологической ситуацией, сопряженные с ограничением социальных контактов граждан: введение карантинных мероприятий, режима самоизоляции, режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Люди, оказавшиеся в силу обстоятельств в подобной, абсолютно новой для себя, ситуации, вынуждены существенным образом перестроить свою привычную жизнь, изменив сложившийся годами ежедневный уклад.

В социологической литературе и смежных областях научного знания сложно найти определение термина «самоизоляция», так как само по себе это явление достаточно новое. На различных сайтах информационных агентств найдем практически единственное следующее определение — «комплекс ограничительных мер для населения, которые вводит правительство на определенный срок для борьбы с распространением опасного заболевания»¹.

В Новейшем социологическом словаре [Новейший социологический словарь, 2010: 829] дано такое определение термина «социальная изоляция» — «социальное явление, при котором происходит отторжение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимоотношений». Наиболее близкой к изучаемой нами ситуации является такая разновидность социальной изоляции, как изоляция физическая, когда не имеющий возможности (желания) личной встречи индивид свободно общается через технические средства связи — телефон, почту, Интернет. По критерию инициатора изоляции в данном случае имеет место быть, с одной стороны, добровольная изоляция, которая, как правило, происходит под действием двух факторов: 1) по собственному желанию или убеждению, 2) из-за влияния субъективных факторов; а с другой стороны, изоляция в некоторой степени принудительная, так как она активно пропагандируется и контролируется государством и, в отдельных случаях, предусматривает наказания за ее нарушение.

Если тема индивидуальной принудительной изоляции (например, одиночного тюремного заключения [Лапшин, 2007; Човдырова, 2000; Scharff, 2009]) или добровольной социальной изоляции девиантной личности [Ishikawa, 2006; Тео et al., 2015; Кляйненберг, 2014] достаточно изучена как в отечественной, так и в зарубежной, чаще всего психологической, литературе, то явлению так называемой групповой изоляции посвящено значительно меньше работ. Многие вопросы, относящиеся к компетенции социальной психологии, рассматривались на фоне психофизиологических или медико-биологических разработок проблемы [Хрящева, 2000; Широкова, 1983; Волков и др., 1976].

¹ Российское агентство международной информации «РИА новости». URL: <https://ria.ru/20200408/1569764617.html> (дата обращения: 09.04.2020).

В социологической и психологической литературе советского периода можно встретить описания совместной деятельности и психологического взаимодействия групп людей, работающих вахтовым методом (например, полярников [Баженова, 1974; Борискин, 1973; Бундзен, 1972], сотрудников высокогорных гидрометеостанций [Бизюк, 1979], космонавтов [Горбов, 1964], экипажей морских судов [Вересоцкий, Парохин, 1986; Богатина, Gladkova, 1973; Еремеева, 1986]); популярная и достаточно изученная тема — групповая изоляция в воспитательных и исправительных колониях, иных местах лишения свободы [Маслов, 1970; Cochran, Mears, 2013].

В 60-х гг. прошлого века в лабораторных условиях осуществлялись эксперименты, посвященные изучению взаимного сосуществования в замкнутом пространстве малых групп [Горбов, 1966; Горбов, 1964; Горбов, Мясников, Яздовский, 1963]. В ходе исследований были выявлены особенности динамики групповых процессов, характерные для условий длительной изоляции, такие как неустойчивость и нестабильность отношений, увеличение конфликтности, обострение потребности в уединении, повышение роли неформального общения [Новиков, 1981; Китаев-Смык, 1977; Дикая, Шкопоров, Аллахвердова, 1985; Поляков, 1986; Гришина, 1980].

Современная ситуация самоизоляции имеет свои существенные особенности. Она происходит: а) добровольно-принудительно; б) в пределах собственного дома (квартиры); в) как правило, в семейном окружении; г) с использованием широких возможностей сети Интернет. Каков характер влияния этих особенностей на самочувствие людей и их жизненный уклад в условиях массовой самоизоляции — тема совершенно новая и неизученная.

Применительно к семье будем опираться на следующее определение жизненного уклада: «Это набор действий и ценностей, которые выстраивают жизнь домохозяйств в целостную систему. В систему, которая направлена на сохранение здоровья членов семьи и их позитивный настрой» [Ивановская, 2010]. В этом смысле можно предположить, что именно на женщину ложатся основные трудности адаптации семейного жизненного уклада к современной ситуации домашней самоизоляции.

Выдвижение гипотезы

Основной гипотезой исследования явилось предположение о том, что ситуация самоизоляции, вызванная COVID-19, коснулась различных сторон жизненного уклада российских женщин и их семей: распределения временных и материальных ресурсов; трудовой деятельности; отношений с мужем (партнером) и детьми; привычек, связанных с питанием, здоровым образом жизни, уходом за собой и др.; восприятия внешней ситуации в целом. Также предполагается, что влияние это носит преимущественно негативный характер.

Методология и организация исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анкетирования. Анкета содержала 69 вопросов. Количество обработанных анкет — 384. Анкетирование было проведено с 18 по 28 апреля 2020 г. (в период действия в России режима самоизоляции). В выборку попали три самых сложных (многочисленных)

с точки зрения количества зарегистрированных больных коронавирусом региона: 1) Москва и Московская область; 2) Санкт-Петербург и Ленинградская область; 3) Нижегородская область (по данным на 17 апреля 2020 г.)². Количество респонденток в них распределилось примерно поровну.

Каналы, по которым распространялась анкета, включали как личные коммуникационные сети авторов исследования, так и медийные средства, обычно недоступные или же невостребованные в малообеспеченных слоях населения и непопулярные у работающих женщин низкой квалификации. Использовались сети Telegram, Facebook, Viber, WhatsApp и др.

В результате такой фильтрации выборка исследования отсекала основной массив женщин без высшего образования, работающих в сферах, не требующих высокой квалификации, и, таким образом, определила для изучения специфическую страту современного российского общества — работающих женщин с достатком средним и выше среднего. Это, в свою очередь, обусловило актуальность работы, так как полученные результаты оказались в некоторой степени отличными от среднероссийских показателей, приведенных в трудах других авторов, давших более усредненный срез как по образовательному уровню респондентов, так и по финансовому положению их семей.

Результаты исследования

В ситуации самоизоляции большинство респонденток — 73 % — оказались в городах-миллионниках. Это на 10 % меньше, чем до самоизоляции. Изменилось распределение и в части того, с кем женщины оказались в период самоизоляции: с мужем (партнером) — 55 % (до самоизоляции — 59 %), с детьми — 44 % (как и до нее), с родителями — 32 % (до нее — 27 %), в одиночестве — 8 %. Эти данные дают возможность предположить, что в самоизоляцию часть респонденток отправились в менее крупные населенные пункты, очевидно, к своим родителям, взяв с собой детей и оставив супругов (партнеров) в большом городе. Мотивами такого переезда являются следующие: в больших городах заразиться коронавирусом гораздо проще; детям лучше быть «на природе»; нужно помочь родителям; жизнь в «деревне» дешевле и др. В целом в ситуации продолжительной самоизоляции наличие загородной недвижимости существенным образом смягчает этот режим, что подтверждается и резко возросшим спросом на аренду загородных домов и покупку дачных участков.

Что касается соблюдения режима самоизоляции, то большая часть опрошенных относятся к ситуации ответственно и выходят из дома в городе только за продуктами, в аптеку или погулять с животными (71 %).

Работа

В результате введения в стране режима самоизоляции более половины опрошенных женщин — 52 % — были переведены на удаленную работу, при этом часть из них иногда посещают рабочее место. До этого 15 % респонденток уже имели опыт удаленной работы, что объясняется интеллектуальным характером их трудовой деятельности, подразумевающим наличие такого формата работы в том или ином объеме. Пока сложно объективно оценить последствия такого

² Карта распространения коронавируса COVID-19 в России. URL: <https://ncov.blog/countries/ru/> (дата обращения: 17.04.2020).

внезапного и массового перехода на удаленную работу, но очевидно, что ситуация с коронавирусом способствовала распространению нового формата трудового взаимодействия и в будущем он будет только развиваться.

При этом вопрос о том, нравится ли респонденткам работать удаленно, вызвал максимальное количество сложностей с ответом: 18 % не смогли определиться, так же как и с ответом на вопрос о желании в дальнейшем продолжить работать в удаленном режиме. По-видимому, некоторой части женщин понравилась удаленная работа в виде краткосрочного опыта, но в дальнейшем они предпочли бы вернуться к привычному формату трудовой деятельности.

Те, кто уже успел поработать удаленно, смогли идентифицировать основные сложности, с которыми они столкнулись (рис. 1), и оценить преимущества удаленной работы (рис. 2).

Рис. 1. Сложности удаленной работы, отмеченные респондентками, %

Рис. 2. Преимущества удаленной работы, отмеченные респондентками, %

Стоит отметить, что распространение удаленной работы способно в недалеком будущем привести к возникновению совершенно иной, отличной от классической, модификации социально-трудовых отношений, без привычных форматов взаимодействия. Государству предстоит выработать соответствующую регулирующую и правовую базу.

Распределение времени

Более половины опрошенных женщин отметили, что свободного времени в период самоизоляции у них стало больше, у четверти — меньше. Среди наиболее часто называемых причин увеличения количества свободного времени названы: отсутствие необходимости ходить на работу/учебу, тратить время на сборы и дорогу, возможность параллельно выполнять рабочие и домашние дела.

Изучение количественного выражения изменения распределения времени не вызвало удивления в части очевидного существенного сокращения количества времени, которое раньше отводилось прогулкам, посещениям спортзала и встречам с родственниками, друзьями и знакомыми. Однако дальнейший анализ опроверг некоторые наши предположения. Мы не увидели, что женщины стали значительно больше времени тратить на обучение детей или приготовление еды, они определенно не стали тратить больше времени на учебу или саморазвитие, на ведение домашних дел, подсобного хозяйства, ремонт и обустройство жилья, они стали менее продолжительное время заниматься спортом и уходом за собой. Но при этом они стали дольше «сидеть» в социальных сетях, смотреть телевизор и спать днем. Отсюда можно предположить, что самоизоляция не явилась для многих женщин мотиватором активной деятельности, наоборот, она привела к распространению пассивного образа жизни, лени и апатии. Необходимо отметить, что такая картина отличается от ситуации у среднестатистических российских женщин, которые, напротив, оказались более нагружены бытовыми и семейными проблемами. Это объясняется их худшим, относительно респондентов, представленных в данном исследовании, финансовым положением, преимущественно физическим характером труда и большим количеством детей в семьях.

Материальное положение и структура затрат

На период заполнения анкеты материальное положение у половины опрошенных женщин, по их мнению, не изменилось, а у 40 % — стало хуже. Часть респонденток затруднились ответить на вопрос, вероятнее всего, вследствие ощущения «надвигающегося» ухудшения финансового состояния. Однако есть и такие, чье материальное положение, по их словам, стало лучше. Это либо работники IT-сферы (что вполне объяснимо), либо те, кто стал просто меньше тратить денег (на уход за собой, например), что опять же отличает их от среднестатистических женщин, которые и до пандемии не пользовались услугами косметологов на регулярной основе.

Ухудшение материального положения для многих женщин может являться серьезным поводом принять меры для того, чтобы стабилизировать уровень финансов. Однако среди опрошенных, чье финансовое положение стало хуже, дополнительные меры приняли лишь 40 %. Интересно отметить, что 40 % женщин

(или членов их семей) из числа тех, кто принял дополнительные меры, нашли дополнительные способы заработка, а еще около 40 % — перестали выплачивать кредиты и оплачивать услуги ЖКХ, около 20 % — обратились в банки за пересмотром условий кредитования. Доля обратившихся за государственной помощью (в виде социальных выплат или постановки на биржу труда) оказалась крайне незначительной. Любопытно, что те семьи, в которых в докризисной ситуации денег хватало, предприняли попытки найти дополнительные способы заработка, а те семьи, которые жили «от зарплаты до зарплаты», такие возможности не использовали и сократили расходы путем приостановления выплат по кредитам и услугам ЖКХ.

Анализ изменений в структуре затрат показал, что вполне ожидаемо в условиях самоизоляции довольно значительное количество семей — 61 % — стали тратить больше денег на продукты питания. Около 60 % опрошенных снизили расходы на проезд, покупку одежды и обуви, 56 % — на услуги косметолога. У 18 % опрошенных возросли расходы на онлайн-шопинг и доставку (у 10 % — упали), у 14 % — на табак и алкоголь (у 8 % — упали). Примечательно, что 13 % стали больше тратить денег на лечение, а 15 % — напротив, меньше. Платные образовательные услуги и услуги в сфере культуры и досуга не оказались популярны у опрошенных в период самоизоляции: доля респонденток, увеличивших затраты в этих областях, крайне незначительна. В целом 51 % опрошенных женщин стали тратить меньше времени и денег на досуговые и культурные мероприятия. Очевидно, что женщины оказались не готовы воспринимать сферу культуры в онлайн-формате. Посещение театра, кинотеатра или другой площадки для них предпочтительнее в живом режиме, даже в условиях самоизоляции. Кроме того, большое количество площадок (музеи, театры и т. д.) на период самоизоляции сделали свои услуги в онлайн-режиме бесплатными. Здесь же следует отметить, что в российских семьях со скромным достатком, каких немало, такая статья расходов, как платные образовательные и медицинские услуги, как и услуги в сфере культуры и досуга, традиционно не предусмотрена вовсе.

Возвращаясь к структуре затрат, отметим еще, что анализ самой популярной статьи расходов в период самоизоляции — продуктов питания показал, что доля респонденток среди тех, чье материальное положение ухудшилось, включивших продукты питания в раздел увеличившихся затрат, составляет 70 %, в то время как среди женщин, чье материальное положение осталось на прежнем уровне, об увеличении затрат на продукты питания упоминается в 50 % случаев. Увеличились траты на фрукты и овощи — 42 %, мясо и мясные продукты — 34 %, чай и кофе — 26 %, крупы — 19 %, алкогольную продукцию — 16 %. Большинство респондентов — 61 % — не покупали продукты впрок, однако около 37 % опрошенных запаслись некоторыми товарами. Среди тех, кто делал запасы, 41 % закупили впрок крупы и мясные консервы. При этом россияне стали чаще пользоваться доставкой товаров через Интернет, что подтвердили 18 % респонденток и подтверждает статистика крупных ритейлеров³.

³ Торговля в онлайн-режиме: как изменились покупательские предпочтения в период пандемии. URL: <https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/news/20200504--1103.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Здоровый образ жизни и вредные привычки

В условиях режима самоизоляции 43 % опрошенных женщин (до самоизоляции — 55 %, что существенно отличает показатели этой группы от среднестатистических российских показателей)⁴ продолжили заниматься спортом и соблюдать здоровый образ жизни, а 40 % (до самоизоляции — 33 %) спортом не занимаются и здорового образа жизни не придерживаются. Отмечены следующие сложности: соблазн нарушать режим правильного питания, постоянно находясь дома; невозможность заставить себя заниматься спортом; отсутствие дома необходимого спортивного оборудования или места для занятий; переключение внимания на членов семьи и др.

Наряду с этим у 14 % респонденток возникло пристрастие к алкоголю (или более ярко себя проявило), 7 % — стали больше курить. Наиболее серьезно проявили себя и вредные привычки, связанные с недостаточно развитыми навыками самоорганизации в условиях самоизоляции: 37 % женщин отметили неумеренный просмотр контента в Интернете, 36 % — пассивный лежачий образ жизни, 28 % — переедание, 24 % — стали проводить чересчур много времени в социальных сетях, а около 18 % — слишком много смотреть телепередач.

Примечательно, что среди ответов тех, в чьей семье вредные привычки во время самоизоляции стали причиной участвовавших конфликтов, а таких 17 %, практически не встречается единственной усугубившейся вредной привычки. Как правило, женщины отмечают сразу несколько: переедание — 63 %, пассивный образ жизни — 53 %, неумеренный просмотр контента в Интернете — 53 %, пристрастие к алкоголю — 42 %.

Таким образом, еще раз подтверждается вывод о том, что самоизоляция неблагоприятно сказывается как на здоровье и психике самой женщины, так и на морально-психологическом климате в семье. Здесь открывается большое поле деятельности для профессиональных психологов.

Уход за собой и саморазвитие

До самоизоляции женщины выделенной нами группы наиболее часто пользовались такими традиционными услугами салонов красоты, как стрижка и окрашивание волос — 36 %, ногтевой сервис — 30 % и эпиляция — 12 %. В связи с закрытием салонов красоты на период самоизоляции отдельные группы респонденток самостоятельно стали делать некоторые из указанных процедур: маникюр и педикюр — 28 %, эпиляцию — 17 %, окрашивание волос — 13 %. Таким образом, топ самых популярных процедур не изменился, но поменял свой порядок приоритетности. При этом 25 % опрошенных совсем отказались от выполнения каких-либо косметических процедур на дому. Важно, что 92 % опрошенных женщин не посещают «подпольно» салоны красоты и не обслуживаются на дому.

Среди бьюти-привычек, утративших в условиях домашней самоизоляции актуальность, были отмечены нанесение декоративного макияжа — 23 %, использование парфюма — 18 %, укладка волос — 15 %.

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 31.07.2020).

До периода самоизоляции большинство опрошенных женщин увлекались такими традиционными направлениями саморазвития, как кулинария, культура и искусство, красота и здоровье, чуть реже — дизайн и мода. Вообще, распределение интересов по всем направлениям оказалось достаточно равномерным, не нашлось ни сфер, лидирующих с большим отрывом, ни аутсайдеров. Во время режима самоизоляции был зафиксирован общий спад интереса к этим направлениям, однако мы можем наблюдать всплеск увлеченности другими, менее традиционными хобби: психология и педагогика, политика, практики фэн-шуй и нетрадиционная медицина, изучение онлайн платформ и цифровой обработки сигналов. Новые интересы, вероятно, связаны с теми вопросами, которые возникают у женщин обозначенной группы в период самоизоляции и требуют от них дополнительных знаний в новых условиях.

Морально-психологический климат и отношения с партнером и детьми

Среди наиболее частых негативных тенденций изменения морально-психологического климата в семье респондентками были названы раздражение от отсутствия личного пространства, общая тревожность, психологическая напряженность и эмоциональный дискомфорт. Менее распространенными, ностораживающими тенденциями оказались ухудшение отношений, частые ссоры, ругань с использованием нецензурной лексики. Среди позитивных изменений женщины отметили, что члены их семей стали больше заботиться друг о друге, семья стала дружнее и сплоченнее, появились совместный досуг и общие дела.

В топе трех наиболее популярных проблемных зон в отношениях непосредственно с партнером оказались сложности постоянного пребывания друг у друга на виду, проблемы в сексуальной сфере, трудности с проведением совместного досуга. Также партнеры критикуют внешность женщины, проявляют грубость, скандалят. При этом некоторые респондентки заявили, что после выхода из режима самоизоляции больше не смогут сосуществовать с партнером, а у некоторых проявилась критическая разница в мировоззрении. Неудивительно, что поисковик Google в марте 2020 г. отметил самый большой объем запросов о помощи в борьбе с бытовым насилием за последние 5 лет⁵.

При всем этом некоторый оптимизм внушают те факты, что часть опрошенных женщин основной проблемой назвали то, что в условиях самоизоляции они оказались отдельно от партнера и страдают от разлуки. Среди позитивных сдвигов в партнерских взаимоотношениях было отмечено, что партнер взял на себя часть обязанностей по дому и они с удовольствием стали проводить время вместе. У трети респонденток с мужем (партнером) «все хорошо, как и всегда».

Хочется предположить, что российский менталитет и прививаемые в российском обществе семейные ценности все же окажут положительное влияние на выживаемость семей в период самоизоляции, несмотря на негативный опыт зарубежных стран, где после отмены режима самоизоляции резко увеличилось

⁵ Побочный эффект карантина и самоизоляции: участились случаи семейного насилия, избиений, убийств. URL: https://www.newsru.com/russia/02apr2020/karantin_violence.html (дата обращения: 02.04.2020).

количество разводов [Ясеницкая и др., 2020]. В этом контексте также следует отметить, что с большой долей вероятности незначительные проценты случаев семейного насилия и конфликтов, выявленные в рамках настоящего исследования, объясняются спецификой выборки.

Среди наиболее часто упоминаемых проблем, обострившихся в условиях самоизоляции с несовершеннолетними детьми, женщины отметили возрастание трудности организации их досуга, усугубление их компьютерной зависимости, лень ребенка, невыполнение им своих обязанностей по дому. Также в отдельных ответах были акцентированы сложности организации школьного обучения ребенка в режиме онлайн, материальные трудности, вплоть до того, что нечем кормить детей. Среди положительных сдвигов, хотя упоминаемых гораздо реже, отмечено то, что ребенок стал больше читать, стал более открытым, с ним налажился контакт.

Наиболее проблематичной оказалась зона, связанная с удаленным обучением детей: не устраивает качество предлагаемого учебным заведением онлайн-сервиса и других приложений — 28 %, не хватает компьютеров и других технических средств — 24 %, функция обучения ребенка полностью легла на женщину — 18 %, невозможно заставить ребенка заниматься дома — 13 %.

Оценка текущей ситуации

Именно после введения Правительством режима самоизоляции треть опрошенных женщин — 29 % — впервые обратили серьезное внимание на ситуацию с коронавирусом. Коронавирус реальной угрозой считают 68 % респонденток. Причем 50 % не согласны с утверждением о том, что «коронавирус не страшнее гриппа, а ситуацию слишком раздули», 57 % считают, что остановить распространение коронавируса невозможно — так или иначе, им переболеет большая часть населения. При этом 44 % опрошенных женщин верят, что инфекция обойдет их семьи стороной, так как все меры приняты, а 38 % очень опасаются, что кто-нибудь из членов их семей может заболеть. 18 % не придают этой угрозе значения, что в целом соответствует данным опроса ВЦИОМ⁶. 52 % опрошенных винят в распространении эпидемии туристов, вернувшихся из-за границы.

Мнения о мерах, принимаемых Правительством в этой ситуации, разделились: 38 % опрошенных женщин оценивают эти меры как вполне адекватные; 37 % находят их недостаточными; 48 % не доверяют официальным СМИ и считают, что от нас скрывают реальные цифры заболевших. Большинство респонденток — 92 % — убеждены, что ситуация с коронавирусом сильно подорвет российскую экономику. При этом 14 % считают, что эта ситуация будет дополнительным стимулом для развития российской экономики в будущем.

Более трети женщин — 38 % — ответили, что в период самоизоляции в их жизни произошли существенные изменения, еще 15 % охарактеризовали их как кардинальные. Основные затруднения во взаимодействии с внешним миром в условиях самоизоляции вызвали следующие аспекты: необходимость получать

⁶ Сорок процентов россиян сочли низкой опасность заразиться коронавирусом. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/04/2020/5ea57d749a79471261c6b17d?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top5 (дата обращения: 27.04.2020).

пропуск или разрешение на выход из дома, ограниченные возможности обратиться в медучреждение за помощью, ограниченный или дистанционный режим работы различных учреждений, сложность с перемещением из одного населенного пункта в другой из-за введенных ограничений. При этом 43 % респонденток надеются вернуться к прежней жизни, 15 % настроены более пессимистично.

Отмечая положительные стороны влияния режима самоизоляции на их семьи, треть респонденток отметили, что счастливы проводить больше времени с семьей; остальные рады отдохнуть и выспаться, довольны режимом удаленной работы, нашли время на ремонт и домашние дела, занялись саморазвитием и творчеством. 37 % респондентов не нашли никаких плюсов в режиме самоизоляции для своей семьи.

Что касается отрицательных последствий, то самая большая группа ответов — 26 % — содержала различной степени опасения о будущем финансовом положении семьи и об экономике в целом. Люди жалуются на отсутствие работы и соответственно дохода, долги растут, будущее неопределенно. 21 % тяжело переносят самоизоляцию с моральной точки зрения: женщины сетуют на усталость, тяжелый морально-психологический климат в семье, апатию и отсутствие желания что-либо делать. Часть респонденток пожаловались на рухнувшие планы: отменились свадьба, отпуск, стажировки за границей.

Заключение

В условиях пандемии COVID-19 подверглись определенной трансформации различные стороны жизненного уклада российских женщин. Сама ситуация такой массовой домашней самоизоляции уникальна и не изучена, тем более неисследованной остается проблема изменения жизненного уклада образованных женщин из семей среднего и высокого достатка. Такие женщины чаще работают в сферах, где возможна удаленная работа; меньше зависимы от патриархального семейного уклада; менее ограничены в финансах и стеснены в жилплощади, что создает возможность маневра и переезда в безопасную зону; в их семьях традиционно меньше детей, что отсекает часть проблем с дистанционным обучением; у них априори больше времени для себя, чем у среднестатистической россиянки. Все это в совокупности нашло свое отражение в оригинальных результатах авторского исследования.

Женщины в большей своей части демонстрируют ответственное поведение, соблюдая режим самоизоляции. Одним из способов смягчения такого режима является переезд с детьми в менее крупные населенные пункты, как правило, к родителям.

Одно из наиболее значимых последствий введенных ограничений — активное распространение достаточно нового высокотехнологичного формата трудового взаимодействия, т. е. удаленной работы. Ситуация с коронавирусом явилась своего рода детонатором для развития новых практик удаленной работы и роста числа работающих в таком формате. Хотя мнения женщин по поводу того, хотелось ли бы им полностью перейти к онлайн-формату трудовой деятельности, разделились.

В ситуации вынужденной самоизоляции семьи используют в основном две стратегии стабилизации финансовой ситуации: увеличение доходов, практикуемое

более состоятельными семьями (например, работников IT-сферы), и сокращение расходов более бедными семьями.

Содержание распределения времени, вопреки ожиданиям, сместилось в сторону пассивного времяпрепровождения у телевизора или в социальных сетях, дневного сна, а не саморазвития, ухода за собой и занятий физкультурой. У женщин появились или обострились вредные привычки, а количество адептов спорта и здорового образа жизни несколько уменьшилось. Таким образом, самоизоляция не стала для женщин мотиватором активной деятельности, наоборот, она привела к распространению пассивного образа жизни, лени и апатии. Что же касается базовых бьюти-привычек респонденток, то состав их несколько упростился, но все же от большинства из них женщины не отказались, хотя и вынуждены теперь поддерживать их собственными силами.

Предположение о том, что самоизоляция окажет пагубное влияние на морально-психологический климат и партнерские отношения в семьях, подтвердилось лишь частично. Были отмечены некоторые негативные тенденции, но, в силу специфики российского менталитета и прививаемых семейных ценностей, они не получили такого быстрого и кризисного течения, как в зарубежных странах.

В целом, подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что проявившиеся сложности взаимодействия с внешней средой, опасения по поводу будущего российской экономики, ухудшение материального положения, боязнь за будущее семьи, общее настроение тревожности, неопределенность, сложное моральное состояние и рухнувшие планы — все это в совокупности обуславливает негативные и пессимистические настроения более половины опрошенных женщин в условиях самоизоляции. Существует большая вероятность того, что по мере продолжения пребывания семей в режиме самоизоляции такие настроения будут иметь тенденцию к росту. Потребуется дальнейшее изучение этих тенденций и их последствий как в крупных российских городах, так и на периферии, где они будут иметь свою специфику.

Библиографический список

- Баженова А. Ф.* Циркадные ритмы у человека в процессе адаптации к условиям Крайнего Севера // *Адаптация и проблемы общей патологии*. Новосибирск: 1974. С. 48—50.
- Бизюк А. П.* Исследование психологической адаптации лиц, работающих на полярных и высокогорных гидрометеостанциях (в связи с задачами психогигиены и психопрофилактики): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ленинград, 1979. 24 с.
- Богатина Н. Ф., Гладкова Т. А.* О некоторых результатах социально-психологического обследования моряков Новороссийского пароходства // *Вопросы гигиены и дезинфекционного дела на водном транспорте*. Баку, 1973. С. 136—137.
- Борискин В. В.* Жизнь человека в Арктике и Антарктике. Ленинград: Медицина, 1973. 237 с.
- Бундзен П. В.* Основные аспекты психофизиологических исследований в Антарктиде // *Антарктика*. М., 1972. Вып. 2. С. 201—211.
- Вересоцкий Э. С., Парохин В. Н.* Труд и отдых плавсостава. Человеческий фактор в экипаже. М.: Транспорт, 1986. 215 с.

- Волков И. П., Хрящева Н. Ю., Шалыто А. Ю. Особенности групповых процессов в условиях относительной социальной изоляции // Вестник Ленинградского государственного университета. 1976. № 15. С. 136—138.
- Горбов Ф. Д. Индивидуум и группа в экспериментальной групповой психологии // Проблемы инженерной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. Вып. 1. С. 41—42.
- Горбов Ф. Д. Индивидуальное в групповом и групповое в индивидуальном в экспериментальном и клиническом аспектах // Тезисы XVIII Международного конгресса по психологии. М., 1966. С. 380.
- Горбов Ф. Д., Мясников В. И., Яздовский В. И. О состоянии напряжения и утомления в условиях изоляции от внешних раздражений // Журнал высшей нервной деятельности. 1963. Т. 13, № 4. С. 585—592.
- Гришина Н. В. Опыт использования теста Томаса для изучения индивидуальных особенностей лиц, склонных к конфликтным проявлениям в межличностном общении // Личность в системе коллективных отношений. М., 1980. С. 65—66.
- Дикая Л. Г., Шкопоров Н. Б., Аллахвердова О. В. К вопросу о психологических механизмах регуляции внутригруппового поведения в особых условиях // Социальная психология и общественная практика. М.: Наука, 1985. С. 50—60.
- Еремеева А. И. Личностные факторы совместной деятельности морского экипажа // Актуальные проблемы социальной психологии. Кострома, 1986. Ч. 1. С. 45—46.
- Ивановская Н. Что такое жизненный уклад и семейные ритуалы? 2010. URL: <http://anthro-design.ru/stati/chto-takoe-zhiznennyiy-uklad-i-semeynyie-ritualyi.html> (дата обращения: 05.05.2020).
- Китаев-Смык Л. А. Вероятностное прогнозирование и индивидуальные особенности реагирования человека в экстремальных условиях // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977. С. 189—225.
- Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.
- Лапшин В. Е. К вопросу о влиянии уголовного наказания на личностное ядро осужденного // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 4. С. 44—46.
- Маслов И. А. Влияние фактора изоляции на психическое состояние // Проблемы сенсорной изоляции. М.: 1970. С. 39—40.
- Новейший социологический словарь. Минск: Книжный дом, 2010. 1310 с.
- Новиков М. А. Психофизиологические и эгопсихологические аспекты межличностного взаимодействия в автономных условиях // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 178—217.
- Поляков В. П. Особенности общения в автономных коллективах // Актуальные проблемы социальной психологии. Кострома, 1986. Ч. 1. С. 75—76.
- Хрящева Н. Ю. Психические состояния при изоляции // Психические состояния. СПб.: Питер, 2000. С. 407—413.
- Човдырова Г. С. Личность в условиях социальной изоляции: проблемы адаптации и повышение стрессовой устойчивости. М.: Права человека, 2000. 287 с.
- Широкова И. К. Взаимное восприятие и совместимость людей в условиях изоляции // Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1983. С. 157—166.
- Ясеницкая А., Френкель Д., Сугуева Ю., Бородихин А. Изоляция с агрессором. Что происходит с жертвами домашнего насилия во время карантина. 2020. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fzona.media%2Farticle%2F2020%2F04%2F10%2Fquarantineviolence> (дата обращения: 10.04.2020).

- Cochran J. C., Mears D. P. Social isolation and inmate behavior: a conceptual framework for theorizing prison visitation and guiding and assessing research // *Journal of Criminal Justice*. 2013. № 4. P. 252—261.
- Ishikawa R. Confusion of the concepts of «hikikomori» and «NEETs»: seen from the perspective of people who regard themselves as «hikikomori» // *Journal of Educational Sociology*. 2006. № 79. P. 25—46.
- Scharff P. S. Solitary Confinement History, Practice, and Human Rights Standards. 2009. URL: <https://www.researchgate.net/publication/324248577> (дата обращения: 10.04.2020).
- Teo A. R., Fetters M. D., Stufflebam K., Tateno M., Balhara Y., Choi T. Y. et al. Identification of the hikikomori syndrome of social withdrawal: psychosocial features and treatment preferences in four countries // *Journal of Social Psychiatry*. 2015. № 61. P. 64—72.

References

- Bazhenova, A. F. (1974) Tsirkadnye ritmy u cheloveka v protsesse adaptatsii k usloviyam Kraïnego Severa [Circadian rhythms in humans in the process of adaptation to the conditions of the Far North], in: *Adaptatsiia i problemy obshchei patologii*, Novosibirsk, pp. 48—50.
- Biziuk, A. P. (1979) *Issledovanie psikhologicheskoi adaptatsii lits, rabotaiushchikh na poliarnykh i vysokogornykh gidrometeorostantsiakh (v svyazi s zadachami psikhogigieny i psikhoprofilaktiki)*: Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Research of psychological adaptation of persons working at polar and high-altitude hydrometeorological stations (in connection with the tasks of psychohygiene and psychoprophylaxis): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Leningrad.
- Bogatina, N. F., Gladkova, T. A. (1973) O nekotorykh rezul'tatakh sotsial'no-psikhologicheskogo obsledovaniia moriakov Novorossiiskogo parokhodstva [About some results of social and psychological examination of seamen of the Novorossiysk shipping company], *Voprosy gigieny i dezinfeksionnogo dela na vodnom transporte*, Baku, pp. 136—137.
- Boriskin, V. V. (1973) *Zhizn' cheloveka v Arktike i Antarktike* [Human life in the Arctic and Antarctic], Leningrad: Meditsina.
- Bundzen, P. V. (1972) Osnovnye aspekty psikhofiziologicheskikh issledovaniï v Antarktide [Main aspects of psychophysiological research in Antarctic Continent], *Antarktika*, no. 2, pp. 201—211.
- Chovdyrova, G. S. (2000) *Lichnost' v usloviakh sotsial'noi izoliatsii: Problemy adaptatsii i povyshenie stressovoi ustoïchivosti* [Personality in conditions of social isolation: Problems of adaptation and increasing stress resistance], Moscow: Prava cheloveka.
- Cochran, J. C., Mears, D. P. (2013) Social isolation and inmate behavior: A conceptual framework for theorizing prison visitation and guiding and assessing research, *Journal of Criminal Justice*, no. 4, pp. 252—261.
- Dikaia, L. G., Shkoporov, N. B., Allakhverdova, O. V. (1985) K voprosu o psikhologicheskikh mekhanizмах reguliatsii vnutrigruppovogo povedeniia v osobykh usloviakh [To the question of psychological mechanisms of regulation of intra-group behavior in special conditions], in: *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvennaia praktika*, Moscow: Nauka, pp. 50—60.
- Eremeeva, A. I. (1986) Lichnostnye faktory sovместnoi deiatel'nosti morskogo ÷kipazha [Personal factors of joint activity of the sea crew], in: *Aktual'nye problemy sotsial'noi psikhologii*, pt. 1, Kostroma, pp. 45—46.
- Gorbov, F. D. (1964) Individuum i gruppya v ÷ksperimental'noi gruppovoi psikhologii [The individual and the group in the experimental group psychology], *Problemy*

- inzhenernoi psikhologii*, Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 1, pp. 41—42.
- Gorbov, F. D. (1966) Individual'noe v gruppovom i gruppovoe v individual'nom v eksperimental'nom i klinicheskom aspektakh [Individual in group and group in individual in experimental and clinical aspects], in: *Tezisy XVIII Mezhdunarodnogo kongressa po psikhologii*, Moscow, p. 380.
- Gorbov, F. D., Miasnikov, V. I., Iazdovskii, V. I. (1963) O sostoianii napriazheniia i utomleniia v usloviakh izoliatsii ot vnesnikh razdrazhenii [On the state of stress and fatigue under conditions of isolation from external irritations], *Zhurnal vysshei nervnoi deiatel'nosti*, vol. 13, no. 4, pp. 585—592.
- Grishina, N. V. (1980) Opyt ispol'zovaniia testa Tomasa dlia izucheniia individual'nykh osobennostei lits, sklonnykh k konfliktnym proiavleniiam v mezhlchnostnom obshchenii [Experience of using the Thomas test to study the individual characteristics of individuals who are prone to conflict manifestations in interpersonal communication], *Lichnost' v sisteme kollektivnykh otosheniï*, Moscow, pp. 65—66.
- Ishikawa, R. (2006) Confusion of the concepts of “Hikikomori” and “NEETs”: Seen from the perspective of people who regard themselves as “Hikikomori”, *Journal of Educational Sociology*, no. 79, pp. 25—46.
- Khriashcheva, N. Iu. (2000) Psikhicheskie sostoianiia pri izoliatsii [Mental states in isolation], in: *Psikhicheskie sostoianiia*, St. Petersburg: Piter, pp. 407—413.
- Kitaev-Smyk, L. A. (1977) Veroiatnostnoe prognozirovanie i individual'nye osobennosti reagirovaniia cheloveka v ekstremal'nykh usloviakh [Probabilistic forecasting and individual characteristics of human response in extreme conditions], in: *Veroiatnostnoe prognozirovanie v deiatel'nosti cheloveka*, Moscow: Nauka, pp. 189—225.
- Kliaïnenberg, E. (2014) *Zhizn' solo. Novaia sotsial'naia real'nost'* [Life solo. New social reality], Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Lapshin, V. E. (2007) K voprosu o vliianii ugolovnogo nakazaniia na lichnostnoe iadro osuzhdennogo [To the question of the impact of criminal punishment on the personal core of the convicted person], *Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, no. 4, pp. 44—46.
- Maslov, I. A. (1970) Vliianie faktora izoliatsii na psikhicheskoe sostoianie [Influence of the isolation factor on the mental state], in: *Problemy sensornoi izoliatsii*, Moscow, pp. 39—40.
- Novikov, M. A. (1981) Psikhofiziologicheskie i ègopsikhologicheskie aspekty mezhlchnostnogo vzaimodeistviia v avtonomnykh usloviakh [Psychophysiological and egopsychological aspects of interpersonal interaction in autonomous conditions], in: *Problema obshcheniia v psikhologii*, Moscow: Nauka, pp. 178—217.
- Poliakov, V. P. (1986) Osobennosti obshcheniia v avtonomnykh kollektivakh [Features of communication in autonomous teams], in: *Aktual'nye problemy sotsial'noi psikhologii*, pt. 1, Kostroma, pp. 75—76.
- Shirokova, I. K. (1983) Vzaimnoe vospriiatie i sovmestimost' liudei v usloviakh izoliatsii [Mutual perception and compatibility of people in isolation], in: *Voprosy psikhologii mezhlchnostnogo poznaniia i obshcheniia*, Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo universiteta, pp. 157—166.
- Teo, A. R., Fetters, M. D., Stufflebam, K., Tateno, M., Balhara, Y., Choi, T. Y. et al. (2015) Identification of the Hikikomori syndrome of social withdrawal: psychosocial features and treatment preferences in four countries, *Journal of Social Psychiatry*, no. 61, pp. 64—72.
- Veresotskii, E. S., Parokhin, V. N. (1986) *Trud i otdykh plavsostava. Chelovecheskii faktor v ekipazhe* [Work and rest of the crew. The human factor in the crew], Moscow: Transport.

Volkov, I. P., Khriashcheva, N. Iu., Shalyto, A. Iu. (1976) Osobennosti gruppovykh protsessov v usloviakh otноситel'noї sotsial'noї izoliatsii [Features of group processes in conditions of relative social isolation], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 15, pp. 136—138.

Статья поступила 17.06.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Чилипенок Юлия Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, uchilipenok@hse.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Данилова Любовь Сергеевна — старший преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, ldanilova@hse.ru (Senior Lecturer at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Гапонова Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, osgaponova@hse.ru (Cand. Sc. (Economy), Associate Professor at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Гапонова Надежда Сергеевна — преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, ngaponova@hse.ru (Lecturer at the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 99—108
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.8

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 99—108
ББК 60.524
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.8

ЭКСПАНСИЯ В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЖЕНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ, СВЯЗАННЫХ С ФЕМИНИЗМОМ И ГЕНДЕРНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Т. К. Ростовская^{a, b}, А. М. Егорычев^{a, c}, С. Б. Гуляев^a

^a Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru

^b Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва, Россия

^c Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Представлен историко-философский анализ важного и интересного социального явления, квалифицируемого как экспансия в визуальном искусстве женских художественных инициатив, связанных с процессом феминизации. Данное явление рассматривается с позиции естественной эволюции мирового сообщества, идущего по пути утверждения гендерного равенства и усиления роли женщины в социальном развитии общества. В социально-историческом ракурсе представлены исторические этапы развития женских художественных инициатив, указаны и обобщены факторы и условия, определяющие приобщение женщины к участию в создании культурных (художественных) образцов, отвечающих духу своего времени.

Ключевые слова: экспансия, феминизм, визуальное искусство, гендерные исследования, художественные инициативы.

**EXPANSION OF WOMEN'S ART INITIATIVES IN VISUAL ARTS
RELATED TO FEMINISM AND GENDER STUDIES**

T. K. Rostovskaya^{a, b}, A. M. Egorychev^{a, c}, S. B. Gulyaev^a

^a Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

^b Moscow State University of Technology "STANKIN", Moscow, Russian Federation

^c Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

The article presents a historical and philosophical analysis of an important and interesting social phenomenon characterized as the expansion of women's artistic initiatives in the visual arts related to the process of feminization. This phenomenon was considered from the point of view of the natural evolution of the world community, which is moving towards finding and approving gender equality and strengthening the role of women in the social development of society. The historical stages of development of women's artistic initiatives in the socio-historical perspective are considered and briefly presented. The factors and conditions that determine women's participation in the creation of cultural (artistic) samples that meet the spirit of their time are identified and generalized. Based on the conducted research, the authors present the results of their research.

Key words: expansion, feminism, visual art, gender studies, artistic initiatives.

Женщина — это не только вагон удовольствий, но и три, а то и четыре тонны проблем.

Генри Форд

Понятие о картине — это не какая-нибудь пифагорова теорема. Оно постоянно изменяется и в каждую эпоху определяется различно...

Петр Кончаловский

Живопись — это поэзия, которую видят, а поэзия — это живопись, которую слышат.

Леонардо да Винчи

Стремление женщины как представительницы национальных культур всего мирового сообщества к проявлению социальной активности в различных сферах жизни (быт, коммуникация, искусство, производство, наука, образование и др.) наблюдалось во все исторические эпохи. Женщину всегда влекло гендерное равенство и реализация потенциала своих возможностей. Одним из важнейших направлений выражения ее социальной активности и утверждения гендерного равенства для исследователя является проблема экспансии в визуальном искусстве женских художественных инициатив, связанных с процессом феминизации.

Мотивом к написанию этой статьи послужил фильм известного американского режиссера и мультипликатора Т. Бертон «Большие глаза» (2014 г.) — история американской художницы Маргарет Кин. Работы М. Кин были известны

под именем ее супруга, убедившего жену, что полотна, созданные мужчинами, имеют большую коммерческую ценность. Эта реальная история, происходившая в цветущей Америке 1950-х, действительно была обусловлена ситуацией в мире искусства.

Насколько женщины-художницы представлены в живописном искусстве, показало исследование, проведенное в США. В «глобальном зачете» всех художников, с произведениями которых можно ознакомиться в рамках современных резонансных выставок и вернисажей, женщины сейчас составляют только 12 %. Заявленная тема представляет теоретический и практический интерес, связанный с изучением роли художниц в истории визуального искусства мирового сообщества. Данная статья — это попытка разобраться, почему мы так мало знаем (говорим) о художницах и почему их работы до сих пор ценятся гораздо меньше и в денежном эквиваленте стоят значительно дешевле произведений, созданных мужчинами.

Возможность женщины стать художником

Область прекрасного и нематериального сегодня представляется нам вполне естественной средой обитания для женщин, однако на протяжении веков в искусстве им была отведена роль музы, верной жены или покровительницы художника. Женщины находились «рядом» с искусством, в то время как создание шедевров было полной прерогативой мужчин. Не существует женщин, сравнимых по признанию с Микеланджело или да Винчи [Haight, 2017].

Мировая художественная культура сохранила мало упоминаний о женщинах-художницах. Имена знаменитой меценатки маркизы Изабеллы д'Эсте и музы Боттичелли Симонетты Веспуччи вписаны в историю искусства Возрождения, но многие ли вспомнят первую художницу итальянского Ренессанса Софонисбу Ангисолу (ок. 1532—1623?). Это может быть исторической случайностью, намеренной дискриминацией или логичным результатом многовекового доминирования мужчин в обществе.

Из-за исторически сложившейся роли хранительниц домашнего очага большинство женщин не могли уделять достаточного времени развитию своих способностей. Женщинам практически не разрешалось посещать занятия по изображению обнаженной натуры: считалось, что они могли оказать ненадлежащее воздействие на их сознание. Наконец, ряд теоретиков придерживались мнения, что женщины в принципе не могут быть гениями из-за своей слабости и излишней эмоциональности (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, А. Шопенгауэр). Художницами в основном становились состоятельные женщины, имевшие свободное время, которых обучали отцы или дяди. Одна из самых известных женщин в классической живописи — художница итальянского барокко и последовательница Караваджо Артемизия Джентилески (1593—1653). Она была дочерью художника Горацио Джентилески. Попав в детстве в мастерскую отца, она быстро продемонстрировала свое превосходство над братьями и впоследствии стала первой женщиной, принятой во Флорентийскую академию художеств. Ее современница и соотечественница Феде Галиция (1578—1630) также обучилась навыкам живописи у отца — художника-миниатюриста. Она прославилась выразительными портретами и мастерски исполненными натюрмортами.

Русские женщины и искусство: влияние жизненных традиций

Последствия монгольского ига и влияние православия привели к сокращению прав и свобод женщин в России, что повлекло за собой снижение их социального статуса в обществе. В результате женщины были вынуждены вести затворническую жизнь, ограниченную исключительно пределами семейного очага. Женщина должна была исполнять свои главные функции — жены, матери и работницы по дому и хозяйству. Необходимо отметить, что данные традиции вполне исторически обоснованы: они позволили русскому государству за несколько веков значительно нарастить человеческий потенциал. Это выступало важным фактором развития страны.

Период расцвета крепостничества (1649—1861 гг.) явился для женщин России самым неперспективным с позиции их причастности к сфере искусства (живописи). Тем не менее сказать о том, что русское государство игнорировало просвещение и культуру, нельзя. В 1757 г. в Санкт-Петербурге было основано высшее учебное заведение в области изобразительного искусства — Императорская Академия художеств. Среди ее студентов в первые десятилетия женщин не было. В 1800 г. Академию возглавил А. С. Строганов¹. При нем в качестве вольноприходящих слушателей на занятия впервые стали допускать крепостных и женщин.

К 50-м гг. XIX в. женщины в Российской империи, кроме звания художника, получают право на преподавание живописи в средних учебных заведениях наравне с мужчинами. С 1890-х гг. женщины становятся полноправными студентами Императорской Академии художеств. Всего Академия выпустила 18 классных художниц [Женщины-живописцы... , 2019]. Для сравнения необходимо отметить: с момента основания в 1768 г. в Королевскую академию искусств Великобритании на протяжении 160 лет не приняли ни одну женщину (при том, что в числе основателей были две художницы — Анжелика Кауфман и Мэри Мозер).

Имена профессиональных художниц — выпускниц Императорской Академии художеств, за исключением немногих (А. П. Остроумова-Лебедева, М. Д. Иванова-Раевская, С. В. Сухова-Кобылина), к сожалению, малоизвестны. В перечне художниц второй половины XIX в. встречаются имена замужних женщин, что свидетельствует, во-первых, о достаточном уровне социальных свобод, предоставленных в Российской империи этого периода женщинам самых разных сословий; во-вторых, о стремлении русских женщин как к определенной свободе и независимости, так и к самовыражению в разных сферах культуры.

Период с 1892 по 1900 г. был переломным в истории женского художественного образования в Российской империи. Женщинам разрешили посещать Академию с полными правами наравне с мужчинами [Юбилейный справочник... , 1914].

¹ Строганов Александр Сергеевич (1733—1811) — русский государственный деятель из рода Строгановых: сенатор, обер-камергер, действительный тайный советник 1-го класса, с 1800 г. президент Императорской Академии художеств. Крупнейший землевладелец и уральский горнозаводчик, коллекционер и благотворитель. С 1784 г. петербургский губернский предводитель дворянства. Был крупной фигурой русского Просвещения: участвовал в работе комиссии по составлению нового уложения, отстаивал создание школ для крестьян.

С наступлением XX в. женщины стали активно искать свое место в общественной жизни. Русские творческие женщины имели возможность поступать в высшие учебные заведения, принимать участие в художественной жизни наравне с мужчинами: выставлять свои работы, входить в состав различных творческих объединений и жюри. Ни о чем подобном западная художница того времени не могла даже помыслить.

Н. Шарандак, исследовательница женского изобразительного искусства, по этому поводу пишет: «К началу XX столетия формируется “тип” профессиональной русской художницы. Характерными его чертами являются ощущение самоценности своей личности, высочайшая степень самоосознания и наряду с этим отождествление себя с ролевой моделью художника-мужчины, что влечет за собой дистанцирование себя от традиционного образа художницы» [Шарандак, 1997: 16].

Данный исторический период характеризуется влиянием авангарда на изобразительное искусство. Возглавлявшая авангардную школу Александра Экстер (1882—1949) увлекла новыми идеями многих российских художников, например Александра Тышлера, Павла Челищева, Анатолия Петрицкого. Следует также подчеркнуть самобытность и масштабность творчества Натальи Гончаровой (1881—1962), которая писала эскизы костюмов и декорации для театра. С 1911 г. начинается ее увлечение примитивистским искусством. Исследователь отмечает: «Гончарову интересовали... архаические истоки примитива. Художницу можно было бы назвать примитивистской в том особом значении слова, которое отличает серьезный, даже сумрачный примитив от примитива фольклорного, в своей первооснове — праздничного. На смену этому приходили интонации патетической суровости, настоящая “дикость” или даже “истовость” примитивного мироощущения» [Поспелов, 1990: 75]. Это отличало ее работы от произведений близких ей художников (М. Ларионов, П. Кончаловский, И. Машков).

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. советская женщина стала восприниматься и рассматриваться прежде всего как полезный и важный продукт и общественный ресурс для строительства социализма. Образ женщины активно разрабатывается и представляется как в пропагандистских изданиях, так и в произведениях советского искусства (живопись, скульптура, плакатное искусство и пр.).

Авангард, характеризующийся стремлением порвать с академизмом в любых его проявлениях, предоставил женщинам высказываться подобно тому, как советский строй дал им право голосовать. Среди художников-авангардистов Наталья Гончарова, Любовь Попова и Александра Экстер считаются наравне с Михаилом Ларионовым и Владимиром Татлиным.

В 70-х гг. прошлого столетия в связи с появлением на Западе течения радикального феминизма наступил следующий этап покорения женщинами художественного мира. Присоединившись к общей волне протестных настроений, художницы-феминистки вместе с активистами движений за свободную любовь, за права национальных меньшинств и против войны во Вьетнаме требовали пересмотра всей картины мира.

Арт-феминизм возник в конце 1960-х — начале 1970-х гг. и принес одно из самых значительных преобразований в изобразительное искусство второй половины двадцатого столетия [International Encyclopedia... , 2000]. В этот период

появилось множество работ, в которых художницы отошли от традиции изображать женщин исключительно как сексуальный объект. Они стали задумываться о том, что отличает их от коллег-мужчин, и активно заявлять о праве выражать в искусстве свое особое, женское, видение мира.

Со временем все больше женщин стали поступать в художественные академии. Для значительной части художниц цель состояла не в том, чтобы писать как мастера-мужчины, а в том, чтобы научиться их техникам и использовать их для борьбы с традиционными представлениями о женщинах-художницах [Hilde, Korgsmeyer, 1993]. Движение за равенство распространилось и на эту культурную область. Художницы Запада для демонстрации неравенства использовали свои произведения искусства, участвовали в протестах, организовывали сообщества и составляли реестры произведений, созданных женщинами [Hochberger, 2018].

Пришло время женщин, которые берут на себя стратегическую инициативу в искусстве. Эта экспансия женского начала стала утверждаться в мировом сообществе.

Борьба за равноправие гендерных позиций в искусстве была также направлена против доминирования художников-мужчин в музейных коллекциях. В 1977 г. в Бруклинском музее прошла выставка «Художницы: 1550—1950», посвященная исключительно женскому творчеству. На выставке были представлены 83 работы художниц из 12 стран. Кураторами выступили две женщины, одной из которых была Линда Нохлин. Масштаб выставки впервые наглядно продемонстрировал число художниц, оставивших след в истории искусства.

Массовый интерес к феминизму у художниц стал следствием цензуры и глобального сокращения безопасных социальных и политических тем. Большинство из них начали работать над собственными проектами, им удалось наладить сотрудничество с галереями, приспособить под выставки независимые пространства или открыть квартирные галереи. Эти выставки были построены как продуманное социально ориентированное высказывание. Часть художниц стали совместно снимать мастерские и начали включаться в систему актуального искусства, поглощающего любые альтернативные направления.

К этим тенденциям присоединилась и Швейцария. Гендер в искусстве тоже стал здесь весомой темой общественных дебатов. В итоге журналисты швейцарской международной платформы SWI swissinfo.ch и общественного франкоязычного национального телеканала RTS решили взять инициативу в свои руки и провести собственное расследование. Они обратились в 125 швейцарских художественных музеев за информацией о том, какие художники выставлялись в их залах в период с 2008 по 2018 г. Ответы пришли примерно из 60 % музейных учреждений, т. е. результаты были получены по 80 музеям (всего их в Швейцарии насчитывается около 1 тыс.). По итогам оценки полученных данных был сделан вывод, что 26 % персональных выставок посвящены женщинам-художницам. Таким образом, в рамках групповых выставок и экспозиций гендерное соотношение не менялось, только слегка сдвигаясь в пользу женщин.

В России XX в. произошли значительные изменения в возможностях женщин получить художественное образование, пожалуй, лучшее в мире в академическом смысле. Казалось бы, равновесие, наконец, достигнуто. Художницы

добились своего права учиться искусству наравне с мужчинами, выражать в любой художественной форме любые волнующие их вопросы, изображать обнаженную натуру и открыто демонстрировать публике свое тело, получать престижные художественные награды и устраивать ретроспективные выставки в крупнейших музеях мира. Однако результаты многих исследований доказывают, что силы мужчин и женщин в мире искусства по-прежнему не равны. Женщины не смогли войти в «первые номера» художников мирового уровня. Кроме того, признание получили в основном художницы, работающие в Америке. Например, антология «Мощь феминистского искусства», изданная в 1994 г. Н. Броуд и М. Д. Гаррард, посвящена почти исключительно американским художницам [Broude, Garrard, 1996].

Показательно, что в списке ста самых дорогих работ, когда-либо проданных на аукционе, составленном одним из главных аналитических ресурсов арт-рынка ArtNet, по-прежнему нет ни одной работы, созданной художницей. Самой дорогой картиной за авторством женщины стала работа Джорджии О'Кифф (1887—1986) «Дурман (Белый цветок № 1)» (1932 г.), проданная на аукционе Sotheby's в 2014 г. за 44,4 млн долл. Для сравнения: самая дорогая работа — «Спаситель мира» (около 1499 г.), приписываемая Леонардо да Винчи, была продана на аукционе за 450,3 млн долл. [Pogrebin, 2019].

Справедливость рыночной оценки искусства можно ставить под сомнение, но факты остаются фактами: например, в Лондонской национальной галерее из коллекции в 2300 работ лишь 11 созданы женщинами, а среди художников, которых представляет «Tate», 83 % — мужчины. Впрочем, есть основания верить, что ситуация изменится.

В топ-10 аукционных продаж русских женщин-художниц в первой половине 2018 г. вошла Наталья Гончарова с картиной «Цветы», проданной в 2008 г. за 10 890 964 долл.

Проблема заключается не в степени талантливости «женского» и «мужского» искусства, а в том, что второе было институализировано намного раньше и это не в последнюю очередь влияет на его эквивалентную стоимость.

Несомненно, что в контексте современного опыта многие идеи радикального феминизма 1970-х гг. кажутся утопичными. Тогда «художницы(ки), критики и историки, бывшие частью феминистского движения, верили, что, как и само женское движение, искусство женщин-феминисток инициирует нечто абсолютно новое, историю Номер Два западной культуры, всегда бывшей дополнительной по отношению к основной, маскулинной истории, историю, которой предстоит теперь стать историей Номер Один». «Цель феминизма, как тогда провозглашалось, заключается в изменении самой природы искусства», — пишут критики Н. Броуд и М. Д. Гаррард [Broude, Garrard, 1996: 206], привнесении в нее новой перспективы, которую дает женский взгляд.

Считалось, что в итоге возникнет «культура Номер Три», основанная на гендерном балансе, в которой женская и мужская точки зрения будут представлены в равной степени.

Результаты престижнейшей международной выставки, Венецианской биеннале 1999 г., свидетельствуют о значимых успехах женщин в области визуального искусства: из 103 художников в ней участвовали 25 женщин, т. е. 24 % от общего числа, тогда как прежде — не более 10—20 % художниц. Среди 90 кураторов

и комиссаров выставки было 30 женщин, т. е. не менее 33 %. С учетом этого соотношения цифр тем более впечатляет тот факт, что среди всех художников, получивших премии, 50 % составили женщины².

Н. Броуд и М. Д. Гаррард утверждают, что феминистское искусство и арт-критика помогли инициировать течение постмодернизма в Америке: «Мы обязаны феминизму базисными основаниями постмодернизма: пониманием, что гендер конструируется с помощью социальных, а не природных механизмов; высокой оценкой искусства, которое нельзя отнести к разряду “high art”, например ремесел, видеoarта, перформанса; отрицанием культа “гения”, характерного для истории западного искусства; осознанием, что за видимостью “универсализма” лежат партикулярные мнения и интересы» [ibid.: 205].

В современной России только в конце 1990-х возникло подобие феминистического искусства, что было вызвано, вероятнее всего, изменившимися социально-экономическими условиями, в контексте которых женщины начали утрачивать те права и социальные гарантии, которые, казалось бы, принадлежали им по праву. С развитием «дикого» капитализма в России (начало 1991 г.) появляются и предпосылки для восприятия феминистского дискурса, а следовательно, и для репрезентации его средствами изобразительного искусства.

В наше время отношение к дискриминации женщин в художественной среде никак не изменилось. Общепринятая риторика осталась на уровне 1990-х, когда выставки, затрагивающие вопросы феминизма, называли женскими или гендерными. Экспрессионизм, эмоциональность, чувственность — характерные черты женской картины. Тем не менее процессы, связанные с женским проявлением феминизма в искусстве, набирают обороты. Так, в Волгоградском музее изобразительных искусств им. И. И. Машкова 6—8 марта 2020 г. прошел первый фестиваль, посвященный современному женскому искусству — ФЕМАРТ. Как указывают организаторы фестиваля, его целью стало не только развенчивание мифов о гендерных стереотипах, но и предоставление молодым художницам возможности заявить о себе и высказать собственную точку зрения на то, что происходит в современном искусстве. Программа мероприятий позволила всем желающим поближе познакомиться с художественными техниками разных стран и эпох, а сопровождающие их лекции и мастер-классы предлагали краткие экскурсии в историю феминизма западного мира и современной России, в частности³.

Тщательный историко-философский анализ многих составляющих проблемы экспансии в визуальном искусстве женских художественных инициатив, связанных с проявлением феминизма и гендерными исследованиями, позволяет сделать следующие умозаключения.

Во-первых, это историческое явление необходимо воспринимать и рассматривать как естественный процесс развития человеческой цивилизации и культуры, обусловленный нормализацией гендерных отношений в мировом

² Венецианская биеннале пронизана китайским духом // Коммерсантъ. 1999. 17 июня (№ 102). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/220120> (дата обращения: 04.07.2020).

³ Феминизм и современное женское искусство в России. 2000. URL: https://zen.yandex.ru/media/useless_mouth/feminizm-i-sovremennoe-jenskoe-iskusstvo-v-rossii-5e68bbcafe55811da93c26c9 (дата обращения: 04.07.2020).

сообществе, стремлением к его устойчивому развитию. «Женская природа» выступает богатейшим ресурсом для выработки и трансляции в обществе смыслов и ценностей, которые не просто обогащают человеческую культуру, но и позволяют по-новому взглянуть на сущность человеческого бытия и дальнейшее развитие.

Во-вторых, процесс исторического рождения и утверждения феминистской мысли, реализуемой в самых разных женских художественных инициативах, оказывает значимое влияние на осмысление роли женщины в развитии всех сфер человеческого сообщества (семья, образование, культура, политика и пр.), на понимание необходимости полноценного участия женщины в формировании аксиологических основ бытийного мира человека.

В-третьих, необходимо признать, что сегодня в мировом сообществе нет «единой женской перспективы» и не все женское искусство непременно является чисто феминистским. Современный постфеминизм существует в формах, значительно отличающихся от предшествующих, что можно рассматривать как позитивный момент, демонстрирующий глубинное осмысление границ «женской природы» и создание таких норм ее реализации в обществе, которые не разрушают природного начала.

Можно утверждать, что весь этот комплекс идей и представлений об экспансии в визуальном искусстве женских художественных инициатив, связанных с процессом феминизации, лежит в основе современного искусства и арт-критики.

Библиографический список

- Женщины-живописцы Императорской Академии художеств // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 24 апреля.
- Поспелов Г. «Бубновый валет»: примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. М.: Сов. художник, 1990. 272 с.
- Шарандак Н. «Я — художник»: самоидентификация художницы дореволюционного и советского времени // Преображение. 1997. № 5. С. 16—24.
- Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914 / сост. С. Н. Кондаков. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. Т. 1. 541 с.
- Broude N., Garrard M. D. Introduction feminism and art in the twentieth century // The Power of Feminist Art: the American Movements of the 1970s, History and Impact. New York: Harry N. Abrams, 1996. P. 198—216.
- Haight E. Challenge accepted: can you name five women artists? // National Museum of Women in the Arts. 2017. 27 February. URL: <https://nmwa.org/blog/challenge-accepted-can-you-name-five-women-artists/> (дата обращения: 04.09.2019).
- Hilde H., Korsmeyer C. Aesthetics in Feminist Perspective. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 212 p.
- Hochberger C. The other art history: the non-western women of feminist art // Artspace. 2018. URL: https://www.artspace.com/magazine/art_101/the_big_idea/the-other-art-history-the-non-western-women-of-feminist-art-55280 (дата обращения: 17.03.2019).
- International Encyclopedia of Women: Global Women's Issues and Knowledge / ed. by Ch. Kramarae, D. Spender. New York: Routledge, 2000. 2280 p.
- Pogrebin R. Leonardo da Vinci painting sells for \$ 450.3 million, shattering auction highs // The New York Times. 2017. 15 November. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/15/arts/design/leonardo-da-vinci-salvator-mundi-christies-auction.html> (дата обращения: 16.11.2019).

References

- Broude, N., Garrard, M. D. (1996) Introduction feminism and art in the twentieth century, in: *The Power of Feminist Art: The American Movements of the 1970s, History and Impact*, New York: Harry N. Abrams, pp. 198—216.
- Hilde, H., Kormeyer, C. (1993) *Aesthetics in Feminist Perspective*, Bloomington: Indiana University Press.
- Iubileinyi spravochnik Imperatorskoï Akademii khudozhestv, 1764—1914* (1914) [Jubilee directory of the Imperial Academy of Arts, 1764—1914], vol. 1, St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg.
- Kramarae, Ch., Spender, D. (eds) (2000) *International Encyclopedia of Women: Global Women's Issues and Knowledge*, New York: Routledge.
- Pospelov, G. (1990) *"Bubnovyi valet": Primitiv i gorodskoï fol'klor v moskovskoï zhivopisi 1910-kh godov* [Jack of diamonds: Primitive and urban folklore in Moscow painting of the 1910s], Moscow: Sovetskiï khudozhnik.
- Sharandak, N. (1997) "Ja — khudozhnik": samoidentifikatsiia khudozhnitsy dorevoliutsionnogo i sovetского времени ["I'm an artist": self-identification of pre-revolutionary and Soviet artists], *Preobrazhenie*, no. 5, pp. 16—24.
- Zhenshchiny-zhivopistsy Imperatorskoï Akademii khudozhestv (2019) [Women painters of the Imperial Academy of Arts], *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 24 apreliia.

Статья поступила: 05.08.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры социологии, политологии и нормативно-правового регулирования промышленного развития, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Sociology, Political Science and Legal Regulation of Industrial Development, Moscow State University of Technology "STANKIN", Moscow, Russian Federation).

Егорычев Александр Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, chelovekcap@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Social Pedagogy and Work with Youth Organizations, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Гуляев Святослав Борисович — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, sviatoslav2004@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Researcher Fellow, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 109—125
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.9

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 109—125
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.9

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 1890—1917 гг.: ВОПРОСЫ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ

И. М. Пушкарева^a, Н. Л. Пушкарева^b

^a Институт российской истории, Российская академия наук, г. Москва, Россия

^b Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Изложена история изучения «женского фермента» в массовом российском рабочем движении и сделан вывод об отсутствии так называемой пролетарской ветви в отечественном женском движении конца XIX — начала XX в. Женская тема в истории массовых действий российских рабочих (отраженная в трудах современников и историков с начала 1890-х гг. и до новейшего времени, конца 2010-х гг.) предстала как изучение активизма отдельных женщин-революционерок, лидеров, агитаторов от различных социалистических партий, как исследование социального статуса и облика представительниц наемного труда (но не их самосознания, их массовой протестной активности). Выявлены дискуссионные вопросы истории участия пролетарок во всероссийском женском движении, проанализированы причины невозможности создания единой всероссийской женской организации в начале XX в. и намечены перспективные тренды исследовательского анализа истории женщин, принадлежавших к социальной страте лиц наемного труда.

Ключевые слова: гендерная история, женское движение, рабочие, массовый протест, историография, Россия начала XX в.

© Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л., 2020

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР ИЭА РАН и при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (XVIII—XXI вв.)».

WOMEN IN THE RUSSIAN LABOR MOVEMENT 1890—1917:
QUESTIONS AND HISTORIOGRAPHIC GENERALIZATIONSI. M. Pushkareva^a, N. L. Pushkareva^b^a Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation^b N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

The article describes the history of the study of the “female enzyme” in the mass Russian labor movement. It concludes that there was no so-called proletarian branch in the women’s movement in Russia of the late XIXth — early XXth c. The female theme in the history of the mass actions of Russian workers (reflected in the writings of contemporaries and historians from the beginning of the 1890s to the latest period, the end of the 2010s) appeared as a study of the activism of individual revolutionaries, leaders, agitators from various socialist parties, as the study of the social status and social image of female representatives of fabric workers (but not their identity, their mass protest activity). The article reveals the debatable issues of the proletarians participation history in the All-Russian women’s movement, analyzes the reasons for the impossibility of creating a unified All-Russian women’s organization at the beginning of the XX c. and outlines promising trends in research analysis in the area of women’s history, history of women’s workers.

Key words: gender history, women’s movement, workers, mass protest, historiography, Russia at the beginning of the XX c.

Февральские события 1917 г. в Петрограде — яркий пример участия пролетарок в изменении государственного строя России. 23 февраля 1917 г. (8 марта по новому стилю) именно женщины оказались застрельщицами недовольства; почвой для него в очередях у фабричных лавок стали перебои с поставками муки в пекарни Выборгской стороны, зимние задержки товарных поездов. Собрания и митинги на фабрично-заводских предприятиях продолжились забастовками и демонстрациями, заставившими пасть монархию [Бурджалов, 1967]. В советской историографии протесты рабочих подавались сплетенными с деятельностью социалистов, что нашло отражение и в том, как в этих протестных акциях были представлены работницы. Однако, сколь ни много было публикаций по истории «женского участия» в российских революциях, степень подготовки тружениц петроградских предприятий к стачкам и демонстрациям так и осталась неясной. Насколько работницы, пролетарки были восприимчивы к призывам революционных агитаторов начала XX в. — вопрос все еще дискуссионный.

В нашей историографии уже подведены итоги изучения женского *либерального* движения в России, оценен вклад его лидеров-женщин из образованных, состоятельных слоев [Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л., 2017: 96]. Но, как и 15 лет назад, когда нами анализировались успехи изучения российского рабочего движения зарубежными историками [Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М., 2004: 65], не решена поставленная тогда еще задача *сделать видимыми* женщин в рядах российского *рабочего* движения [Роуз, 1996: 228]. Насколько возможно сегодня ликвидировать эту лакуну, сделав видимыми не отдельных героинь, но именно массу пролетарок в их освободительной борьбе против

угнетения и деспотизма? Речь пойдет о политической ангажированности почти миллиона (около 900 тыс. к 1914 г.) представительниц наемного труда из 2,5 млн рабочих России в конце XIX — начале XX в. [Беликов, 1914: 58; Рашин, 1958: 141].

В разных регионах России доля участия женщин-работниц в промышленном производстве на рубеже XIX—XX вв. колебалась: от 4—6 % на Дальнем Востоке [Галлямова, 1998: 3], до 24 % в Среднем Поволжье [Шукина, 1984: 5], а в текстильном крае доходила до 45—55 % (Владимир, Ярославль) [Чугунов, 1999: 4]. Зарплата работниц составляла 2/3 мужской при почти равной с мужчинами нагрузке (12—14-часовой рабочий день). Об этом писали современники врачи-гигиенисты [Янжул, 1884; Дементьев, 1899], представительницы либерального российского женского движения, озабоченные плохим здоровьем работниц [Покровская, 1913], частотой унижения женщин на фабриках, сексуальных домогательств. Н. К. Крупская, связанная со столичными социал-демократами, в 1890-х гг. описала жизнь работниц в казармах при фабрике Торнтон: «Громадное здание с бесчисленными комнатами, с недоходившими до верха перегородками в коридор, страшный шум, стены зелены от сырости, по две семьи в небольшой комнате, тут же сушится белье, воздух спертый, плохо горят лампочки...» [Саблина, 1926: 10].

Число работниц быстро росло. Только в Петербурге удельный вес их в текстильной промышленности в 1890 г. составил 43,9 %, в 1900 г. — 55,6 %. Большинство бывших крестьянок попадали в город иным, нежели их мужья-отходники, путем: они трудились на фабриках за заработок-прибавку, «довесок» к нищенской зарплате мужа. Далекое не все жены могли жить с мужьями в городе из-за высокой стоимости жилья; отнюдь не все мужчины-рабочие могли содержать в городе семьи. Жили наездами, хотя, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., состоявших в браке работниц в столице было 35,2 %. Муж с женой могли жить в городе, а дети — в деревне, и таких семей в столице в 1900—1902 гг. было 15 % [История рабочих Ленинграда, 1972: 181—184]. Неудивительно, что в конце XIX в. эмансипация городских работниц шла медленно — при том, что по той же переписи 1897 г. 40 % работниц столицы числились грамотными. Среди грамотных больше всего было полиграфисток; среди текстильщиц грамотность была ниже — 20,7 %, но оставалась высокой у молодежи — до 45,5 % [там же: 185]. На них и рассчитывали те немногие женщины-агитаторы, которые сначала входили в организации, предшествовавшие политическим партиям, а затем в союзы и комитеты этих партий, принимая участие в их нелегальной деятельности.

Борьба представительниц социал-демократии за работниц

К концу XIX в. социально-культурное развитие городов, как и индустриальный порядок в целом, не только втянуло значительное число женщин в производство, открыв для них возможности получения личного заработка, но и инициировало разрыв со старыми патриархатными установками. Новые социокультурные условия создали почву для рождения просвещенных, активных женских личностей, могущих проявить себя в разрешенных властью общественных ассоциациях. Немало способствовало тому растущее число вечерних школ с участием работниц. Такого рода городские просветительные общества

становились полем социализации бывших крестьянок, а некоторые учителя в них (вроде Н. К. Крупской и ее подруг по гимназии) обращали особое внимание на посещавших занятия грамотных фабричных тружениц. Неслучайно в профессиональной стачке текстильщиков Петербурга 1896 г. в числе распространителей листовок были работницы, связанные с Н. К. Крупской через пенсионную кассу, где она работала переписчицей и имела нелегальную явку, набирая женщин-агитаторов для фабрик [Манбекова, 1984].

Н. К. Крупской принадлежал и первый в России печатный труд о роли женщин в рабочем движении. Написанная ею в ссылке в 1899 г. брошюра «Женщина-работница», изданная в 1901 г., опередила переводы на русский язык книг западных социалистов [Браун, 1902; Бебель, 1918]. Ни В. И. Ленин (недолго до этого ставший мужем Н. К. Крупской), ни его соратники по партии не интересовались этими проблемами. Брошюра была рассчитана на рядовую труженицу, предлагала ей *равняться на сестер на Западе, где они участвуют в народных собраниях, организуются, основывают свои женские газеты*. Не то в России: *устраивают мужчины стачку, хозяин готов уступить, но вот женщины берутся за исполнение мужской работы — и стачка проиграна*. В брошюре перечислялись забастовки с активным участием женщин: на табачной фабрике «Лаферм» в Петербурге (1895 г.), на гильзовых фабриках в Брест-Литовске и Белостоке (1897 г.), чулочниц в Вильне [Саблина, 1926]. Автор призывала работниц к участию *в рабочем деле, к отстаиванию лучших условий труда, приближения революции как светлого будущего для детей* [там же]. Переводная книга немецкой социалистки Л. Браун также предлагала в то время работницам идти *«рука об руку»* с рабочими, но создавая свои, женские ассоциации [Браун, 1902: 17].

Меж тем российские социал-демократы не спешили выделять «женский вопрос» в самостоятельное социально-значимое направление политической агитации и не собирались помогать женщинам выработать некое гендерное самосознание (в отличие, скажем, от Германии, где в то время печатались мемуары тружениц, вроде книги А. Попп «Юность женщины-работницы» [Рорр, 1909]). В России же работницы, сталкиваясь с обыденностью насилия, видели его исходящим не просто от мужчин, но от администрации фабрик, обретая тем самым скорее социальное, нежели гендерное самосознание. Особенно легко в этом убедиться, анализируя работы А. М. Коллонтай начала XX в. В них красной нитью проходит обеспокоенность успехами женского либерального движения («равноправок»), ростом их влияния на работниц двух столиц, деятельностью организаций «Российское женское взаимоблагодарительное общество», «Союз равноправности». Особую тревогу вызвал у нее выход в свет журнала «Женский вестник» в 1904 г., а также информация об участии работниц в организованном «равноправками» первом женском политическом митинге в Петербурге [Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М., 2020]. В 1907 г. А. М. Коллонтай попыталась собрать тружениц столицы в первое женское пролетарское объединение — «Общество взаимопомощи работниц» [Полищук, 2013:10].

В те же годы в России в народных библиотеках появились переводные издания западных соратниц большевичек по революционной борьбе [Цеткин, 1905]. Попытка «соединить женщин... призвав под (одни. — И. П., Н. П.) знамена

и женщину буржуазии, и работницу» способна лишь «затемнить в сознании противоположность их интересов», полагали противницы «равноправок» [Тюрберт, 1907: 6]. «Моя работа преследует цель отмежевания социал-демократии от буржуазного феминизма, — признавалась А. М. Коллонтай. — Нет и не может быть с ним ни общего пути, ни общей цели» [Коллонтай, 1989: 46]. В декабре 1908 г. она попыталась созданием рабочей группы протвоставить ее интересы программе Первого Всероссийского женского съезда, нацеленного на создание Всероссийской женской организации. Газета «Социал-демократ» отметила «отчаянное сопротивление» группы влиянию на работниц лидеров женских либеральных союзов [Рабочая группа..., 1909: 79]. Призывая фабричных тружениц не поддерживать проект общероссийской женской организации, А. М. Коллонтай убеждала, что у работниц не может быть ничего общего с «буржуазками», что их вопрос — «это вопрос куска хлеба», а «равноправкам» не дано «вычерпать чайной ложкой благотворительности море страданий и нищеты» [Коллонтай, 1910: 4, 235]. А. М. Коллонтай мечтала о «светлом храме труда и братской солидарности», «горячей защите интересов *меньшого брата*», в то время как «равноправки», обращаясь к работницам, артикулировали тему именно женского единства, *сестринства* [Кальманович, 1908: 15; Покровская, 1911: 78].

Женское пролетарское движение в России не складывалось. Хотя с ростом рабочего протеста росло и число участниц в стачках, особенно на текстильных производствах и особенно в 1905 г. В мае — июне 1905 г. в Совете рабочих депутатов Иваново-Вознесенска оказались 23 женщины (из 151 человека) [Рабочий класс..., 1981: 128].

В 1913 г. тема женского участия в российском протестном движении ожилилась в связи с общедемократическим подъемом. Либеральные печатные издания наполнились статьями об условиях труда работниц, о важности страхования по беременности и родам [Сольская, 1913; Покровская, 1913; Львова, 1914]. В марте 1913 г., под влиянием Международной конференции социалисток в Копенгагене, политически ангажированные социал-демократами работницы отметили День солидарности трудящихся женщин. В начале 1914 г. Н. К. Крупская, Л. Н. Сталь, П. Ф. Куделли, К. Н. Самойлова инициировали выпуск еженедельника «Работница» (приложение к «Рабочей газете») и флаера «Наш листок работницы». Среди фабричных тружениц они оказались востребованнее журнала «Женский вестник» [Покровская, 1913]. Но на «втягивание работниц в борьбу, которую ведет за свои права рабочий класс» история отпустила лишь 7 номеров, из коих 3 были конфискованы: с началом войны легальная большевистская печать попала под запрет и возродилась лишь в мае 1917 г. [Лейберов, 1985, 177].

История и политика в теме женского пролетарского движения

С начала 1920-х гг. тема женского движения в историографии стала превращаться в историю «завоевания женских масс» большевиками. Все началось с переиздания труда А. Бебеля [Бebelь, 1918] и было продолжено создательницами «истории женского пролетарского движения» — участницами революционных событий [Самойлова, 1919; Коллонтай, 1917, 1920]. Они представляли женское участие в революции с позиций тех агитаторов, которые пытались вести работу среди женщин и сами были подчинены идее «борьбы за царство

социализма». Их насыщенные личными переживаниями мемуары не утратили научной значимости и сегодня, как и оценка условий труда пролетарок, их сломленного здоровья [Рязанова, 1923; Балобанов, 1925], революционной активности и наказаний за нее [Геллер, 1924; Костюрина, 1926]. Участницы стачек двадцатилетней давности вспоминали: «Женщины сами организуют “фабричные бунты”, но едва спала волна острой стачечной борьбы, как они опять живут врассыпную, не осознавая необходимость постоянного товарищеского общения» [Миловидова, 1929: 364] (см. также: [Дмитриева, 1930]).

В советской историографии конца 1920-х гг. прочное место заняло словосочетание «женское рабочее движение под руководством большевиков». Революционер-большевик В. В. Рябиков писал: «Мы тогда (речь о 1906 г. — *И. П., Н. П.*) категорически высказались против отдельной организации женщин, считая ее излишней и даже вредной» [Рябиков, 1925: 36]. В те же годы закрепилось негативное отношение к «равноправкам», ведь те настаивали на важности женского движения как самоорганизации в интересах женщин. Почти на 40 лет о женском либеральном движении в стране напрочь «забыли».

До середины 1950-х гг. тема женского рабочего движения исчезла из числа приоритетных, возникая в немногих диссертациях: о роли Н. К. Крупской в деятельности РСДРП в 1903—1907 гг. [Михалутина, 1949], тяжелом положении текстильщиц в начале XX в. [Левинсон-Нечаева, 1953], однако о том, что никаких иных требований, кроме экономических, текстильщицы выдвинуть не могли, осмеливались в то время говорить лишь историки-эмигранты [Vernadsky, 1954: 261]. Работниц видели только в составе организаций революционеров. Комитет советских женщин (создан в 1941 г., в 1945 г. вошел в Международную демократическую федерацию женщин) пропагандировал за рубежом историю успехов пролетарского женского движения в России, направляемого большевиками.

Ценность работ 1950—1960-х гг. — в интенсивном сборе фактического материала о женщинах-работницах [Барулина, 1957; Яцимирская, 1958; Сердитова, 1959], выявлении новых воспоминаний [Любимова, 1958; Женщины в революции, 1959], что продолжилось и в 1960—1980-е гг. — годы публикаций массы биографий революционерок [Позмогова, 1963; Летопись... , 1969: 66, 95—98; Без них мы не победили бы, 1975]. И если зарубежные историки не находили подтверждения росту сознательности российских работниц в последние два десятилетия перед революцией, настаивая на том, что эти женщины участвовали в протестах лишь с экономическими лозунгами [Keer, 1963; Narcave, 1964; Wolkin, 1963], то главной задачей исследователей в СССР было доказательство пробуждения политической сознательности работниц, их идейной готовности следовать за большевиками. К 1970-м гг. словосочетание «партия большевиков — организатор пролетарского женского движения в России» прорвалось на страницы квалификационных работ [Орлова, 1970], став устойчивым.

Можно сказать, женское пролетарское движение советская историография искала — и нашла! Речь шла не о массах пролетарок, а об отдельных «звездах», активистках, их имена и биографии были и так известны и вплоть до периода перестройки постоянно муссировались: Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд,

А. М. Коллонтай, чуть реже О. А. Варенцова, Л. М. Рейснер, П. Ф. Куделли — создательница «Общества женской взаимопомощи» (1912 г.) [Подлящук, 1963; Большевиков, 1964; Крамов, 1968; Иткина, 1970; История рабочих Ленинграда, 1972: 398]. Вместо скрупулезных подсчетов по организациям разной идейной направленности, историю женского вопроса 1900—1917 гг. пытались представить через имена нескольких известных революционерок, путем разбора их работ, написанных много позже «Великого Октября» [Решетова, 1973]. При этом честное признание А. М. Коллонтай осталось будто незамеченным: «Мы не умели их [работниц] использовать, разбудить их самостоятельность и классовое сознание. Планомерной работы партия тогда среди них не вела, изданий для них не было. Партийные товарищи относились к моим словам равнодушно. Сила была на стороне равноправов — общественное мнение было с ними, а делали его не рабочие, а интеллигенция» [Коллонтай, 1974: 101—104]. В известной в 1970-х гг. «дискуссии о гегемонии» рабочего класса *женская тема* не была затронута; история КПСС и рабочего движения изучалась сама по себе, а женская «помощь» товарищам-мужчинам в их борьбе — сама по себе [Российский пролетариат... , 1970]. Но споры вокруг гегемонии были полезны: Ю. И. Кирьянов ввел в научное поле концепт «социальный облик российского рабочего» — сознательность, политические взгляды, психология, мораль, организованность, бытовой уклад [там же: 15—16]. О гендерных различиях в этом облике никто не задумался. Как оказалось, тема эта не выделялась и в работах классиков марксизма [К. Маркс... , 1971].

Самостоятельных пролетарских организаций, созданных «женщинами для женщин», историкам найти все не удавалось — ни советским [Гришина, 1978], ни западным [Stites, 1978: 293]. Но тема поисков массового участия работниц в освободительном движении оставалась в центре научного внимания [Edmondson, 1984; Glickman, 1986] — вплоть до коллапса СССР, до дискуссии на исходе 1980-х гг. о «конце рабочей истории» [Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М., 2004: 69].

Продолжение поисков «пролетарской ветви» в российском женском движении

Труды О. А. Хасбулатовой 1990-х гг. фактически открыли историографии тему женской составляющей в истории *массовых* протестных движений в России начала XX в. без шор прежних идеологических установок [Хасбулатова, 1994]. Германская исследовательница Б. Физеллер, назвав свою книгу «Женщины на пути к русской социал-демократии» [Fieseler, 1995], и не пыталась признать существование «пролетарской ветви» в российском женском движении, но хотела разобраться в том, что же побуждало работниц прислушиваться к агитации большевиков, не смущаясь их радикализмом. Она затронула тему «обслуживающих форм работы» как типично женских: оборудование и наладка подпольных типографий, доставка нелегальной литературы, оружия, помощь в организации и содержании явок. Как и американка Б. Клементс (выявившая более 540 активисток в разных городах России [Clements, 1997]), она скорее создавала некий коллективный портрет большевички, нежели анализировала участие женщин в массовых рабочих протестах 1900—1917 гг. Именно западные

историки способствовали переориентации изучения рабочей истории на анализ процессов перехода от пассивности к гражданской инициативе и личной ответственности, к историко-антропологическому и социопсихологическому аспектам темы, от изучения классового — к массовому сознанию. Анализируя женский радикализм, Б. Энгел (США) показала, что множество участниц радикальных кружков отказывались от «женской жизни» и такая жертвенность — отсутствие нормальных семей, радостей материнства — была причиной провала женской революционной пропаганды среди женщин [Энгел, 1999]. Пренебрежение к ценностям частной жизни позднее стало характерной чертой большевистской политики после революции, отсюда и отрицание научности самой темы частного, бытового, эмоционального (неслучайно лозунг «Женское — это политическое» так и не зазвучал в российском дискурсе).

Значимость «самоотверженной одержимости», нараставшей «по мере того как рос революционный накал», замечали и российские ученые, но в центре их повествования были отдельные революционерки, работавшие с массами женщин, и пропаганда идеалов организаций, к которым те принадлежали [Хасбулатова, Гафизова, 2003]. Сложность реконструкции механизма политизации женской части рабочего класса попытались тогда раскрыть те из историков, что изучали историю легальных союзов, профессиональных прежде всего [Петайкина, 2009]. Многие из них вынуждены были прекратить существование из-за отсутствия членских взносов со стороны работниц [Дробченко, 2009: 111]. Это отчасти объясняло ограниченность форм активности женщин в легальных и нелегальных организациях [Кондакова, 2002; Дробченко, 2009], поведение «рабочей группы» на Первом Всероссийском женском съезде в 1908 г. [Тверецкая, 2000] и сложности интеграции российских женских рабочих организаций в международное женское социалистическое движение [Гафизова, 2000]. Резкие выводы о том, что в начале XX в. работницы в массе своей «были религиозны, никаких революционных учений не понимали и боялись всяких перемен» [Котлова, Добрынина, 2005], отвечали духу времени, заставлявшему больше изучать господствующие классы, нежели вникать в чаяния многомиллионной массы лиц наемного труда.

Будем честны: в последние двадцать лет интерес к проблеме участия женщин-работниц в истории протестных движений в России заметно угас. Он возобновляется порой вместе с запросом на изучение рабочей истории и истории революций. К 90-летию начала Первой мировой войны были обнаружены новые факты участия работниц в 1914—1916 гг. в голодных бунтах Петрограда, Москвы [Кирьянов, 2005: 21—25], но работницы как акторы исторического процесса в фундаментальных трудах по истории войны и революции 1917 г. по сей день остаются невидимыми. По состоянию источниковой базы можно сделать вывод о том, что участие российских работниц в освободительном движении на рубеже XIX—XX вв. было скорее стихийным и не сложилось в какую бы то ни было «пролетарскую ветвь» женского движения. Существование небольших групп работниц разной идейной ориентации было непродолжительным, носило случайный, временный характер. Понятно, что это ничуть не умаляет значимости «женского фермента» (К. Маркс) в освободительном движении России и ставит задачу новых поисков, нацеленных на воссоздание

социокультурного облика, аксиосферы представительниц наемного труда накануне и в годы Великой русской революции 1917 г. [Постников, Фельдман, 2009]. Нужно продолжить изучение сложных процессов превращения тысяч крестьянок в фабричных работниц и ремесленниц [Вахромеева, 2009], исследовать пробуждение гражданской активности участниц больничных касс на фабриках, взаимосвязь социальной политики (расходы по защите женского здоровья, в связи с инвалидностью и т. п.) и тех задач, которые могли ставить и решать женские организации, считающие себя защитницами интересов лиц наемного труда [Северцева, 2017]. Необъяснимо в этом контексте неожиданное ограничение доступа историков к личным делам революционерок «в соответствии» с Федеральным законом № 125-ФЗ от 22.10.2004 г. [Максименков, 2017].

Как царская статистика «не замечала» работниц [Лунц, 1909], так пытаются их «не заметить» и современное историописание, составляя коллективные труды о массовом рабочем движении [Рабочее движение... , 1992—2008]. Насколько существенной для формирования женской армии наемного труда, все более теснившей мужскую, оказалась Первая мировая война и в какой мере сказывались события на ее фронтах на растущей готовности тружениц предприятий поддерживать не либеральные женские союзы с их борьбой за права личности, а бунтарские и анархические настроения массового протеста? Случайно ли российские работницы никогда (ни в начале XX в., ни позже) не репрезентировались в качестве самостоятельно действовавших акторов рабочих бунтов или стачек, всегда только как «подруги по классу»?

Эвристически ценным может быть мемуарно-автобиографический аспект изучения эгодокументов, составленных женщинами других социальных слоев (не работниц, а образованных сословий). Волновала ли их судьба «сестер», обеспечивавших их безбедное и сытое существование?

Любопытен и визуальный аспект женской рабочей истории: какими рисовались работницы на открытках, на страницах дореволюционных журналов, в произведениях живописи? Есть основания предполагать, что изображение женщин, трудившихся на предприятиях, было несовместимо с женственностью... Швея могла быть изображена надомницей, но никогда — в шумном цеху... Каков был костюм типичной работницы предприятия и насколько она хотела от него отказаться, надевая одежду женщин среднего класса, камуфлируя свою профессиональную идентичность?..

Ждет своего исследователя и фотография. Снимков российских работниц куда меньше, чем снимков крестьянок. Но они есть. И различия между визуальными рядами, диктуемыми изобразительным искусством и фотографией, в отношении наших героинь также еще не изучены.

Библиографический список

- Балобанов М.* Женский и детский труд. М.: Экон. жизнь, 1925. 92 с.
Барулина А. Т. Работа петроградской и московской парторганизаций среди женщин-работниц // В борьбе за победу Октября. М.: Госполитиздат, 1957. С. 184—208.
Бибель А. Женщина и социализм. Пг.: Луч, 1918. 180 с.

- Без них мы не победили бы: воспоминания женщин — участниц Октябрьской революции. М.: Политиздат, 1975. 447 с.
- Беликов Б. Д.* Женщина в промышленной инспекции. Тверь: Типолитография М. В. Блинова, 1914. 63 с.
- Большевиков П. К.* Ольга Афанасьевна Варенцова. М.: Политиздат, 1964. 64 с.
- Браун Л.* Женский вопрос. М.: Изд. Д. П. Ефимова, 1902. 433 с.
- Бройдо Е. Л.* Женщина-работница. Пг.: Рабочая б-ка, 1917. 16 с.
- Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 414 с.
- Вахромеева О. Б.* Женщины в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX—XX вв. СПб.: Знаменитые универсанты, 2009. 249 с.
- Галлямова Л. И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 1998. 45 с.
- Гафизова Н. Б.* Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000. 24 с.
- Геллер С. Л.* Из мест весьма отдаленных // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 188—211.
- Гришина З. В.* Женские организации в России (1905 г. — 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 25 с.
- Дементьев Е. М.* Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1899. 77 с.
- Дмитриева В. И.* Так было: (путь моей жизни). Л.: Мол. гвардия, 1930. 414 с.
- Дробченко В. А.* Женское движение в Томской губернии в 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 110—113.
- Женщины в революции: воспоминания. М.: Госполитиздат, 1959. 472 с.
- Иткина А. М.* Революционер, трибун, дипломат. М.: Политиздат, 1970. 128 с.
- История рабочих Ленинграда, 1703—1917. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 555 с.
- К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе / сост. В. Л. Бильшай. М.: Политиздат, 1971. 225 с.
- Кальманович А. А.* Женское движение и отношение партий к нему. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. 15 с.
- Кириянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). М.: ИРИ РАН, 2005. 217 с.
- Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. СПб.: Тип. Ц. Крайза, 1910. 431 с.
- Коллонтай А.* Работницы и Учредительное собрание. Пг.: Прибой, 1917. 36 с.
- Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков: Всеукр. изд-во, 1920. 32 с.
- Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы: воспоминания. М.: Сов. Россия, 1974. 416 с.
- Коллонтай А. М.* Революция — великая мятежница: избранные письма 1901—1952 гг. М.: Сов. Россия, 1989. 608 с.
- Кондакова О. Н.* Женщины-революционерки в 70—80-е гг. XIX века и их пребывание в сибирской ссылке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 27 с.
- Костюрина М.* Молодые годы // Каторга и ссылка. 1926. № 24. С. 180—195.
- Котлова Т. Б., Добрынина А. М.* Женщины в политических партиях России в начале XX века // Интеллигенция и мир. 2005. № 1—2. С. 111—119.
- Крамов И. Н.* Утренний ветер: повесть о Л. М. Рейснер. М.: Дет. лит., 1968. 210 с.
- Левинсон-Нечаева М. Н.* Положение и быт рабочих текстильной промышленности Московской губернии в начале XX в. // Историко-бытовые экспедиции 1949—1953 гг. М.: Наука, 1953. Вып. 23. С. 155—171.
- Лейберов А. И.* Начало «Работницы» // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 174—177.

- Летопись революционных событий в Самарской губернии 1902—1917 гг. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1969. 623 с.
- Львова Е. Русская работница. СПб.: Накануне, 1914.
- Луниц М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: сборник статей. М.: Печ. дело, 1909. 384 с.
- Любимова С. В первые годы. М.: Госполитиздат, 1958. 79 с.
- Максименков Л. Гостайна века // Огонек. 2017. № 5449. С. 18—20.
- Манбекова С. У. Формирование марксистского мировоззрения и начало революционной деятельности Н. К. Крупской: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 28 с.
- Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. М.: Госиздат, 1929. 507 с.
- Михалутина Д. К. Н. К. Крупская в период образования РСДРП и первой русской революции (1890—1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. 27 с.
- Орлова Н. Партия большевиков — организатор пролетарского женского движения в России (1907—1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 29 с.
- Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях: 1900—1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009. 246 с.
- Подляцук П. И. Товарищ Инесса: документальная повесть об И. Арманд. М.: Политиздат, 1963. 288 с.
- Позмогова Л. П. Ольга Генкина. Горький: Горьк. кн. изд-во, 1963. 115 с.
- Покровская М. И. Как пишется история // Женский вестник. 1911. № 3. С. 77—78.
- Покровская М. И. Фабрично-заводская работница // Женский вестник. 1913. № 7—8. С. 154—155.
- Полицук Е. Н. Женское движение в России: потребность времени или анархия // Вестник Рязанского государственного университета. 2013. № 4. С. 1—20.
- Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.
- Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914—1917 гг.: некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии // Российская история. 2017. № 5. С. 73—96.
- Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // Социальная история, 2001—2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 47—69.
- Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Становление женского политического движения в России (1891—1914 гг.) // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 114—128.
- Рабочая группа на женском съезде и социал-демократия // Социал-демократ. 1909. № 4. С. 78—80.
- Рабочее движение в России, 1895 — февраль 1917 г.: хроника. М., 1992—2008. Вып. 1—10: 1895—1904 гг.
- Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. / отв. ред. В. И. Бовыкин. М.: Наука, 1981, 432 с.
- Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М.: Соцэкгиз, 1958. 623 с.
- Решетова С. Х. Женский вопрос в первой русской революции: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1973. 243 с.
- Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония / отв. ред. Л. М. Иванов. М.: Наука, 1970. 362 с.
- Роуз С. О. Пол и рабочая история // Конец рабочей истории? / ред. М. ван дер Линден. М.: Улисс, 1996. С. 213—242.
- Рябиков В. Симбирские большевики, 1903—1906 гг. // 1905 год в Симбирске. Ульяновск: Истпартотдел губкома РКП(б), 1925. 136 с.

- Рязанова А.* Женский труд. М.: Моск. рабочий, 1923. 316 с.
- Саблина (Крупская Н. К.).* Женщина-работница. М.; Л.: Госиздат, 1926. 24 с. Отпечатано по изд. 1901 г. (СПб.).
- Самойлова К. Н.* Работницы в российской революции. Пг.: Петрогр. Совет рабочих и красноарм. депутатов, 1919. 32 с.
- Северцева О. В.* Досуг в повседневной жизни работниц Санкт-Петербурга в начале XX в. // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов. СПб., 2017. № 8. С. 46—51.
- Сердитова С. Н.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903—1916 гг.). М.: Госполитиздат, 1959. 135 с.
- Сольская О.* Работница и страхование. СПб.: [б. и.], 1913. 16 с.
- Тверецкая Н. Д.* Деятельность социал-демократов на всероссийских легальных съездах 1908—1911 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 29 с.
- Тюрберт С. А.* Два направления в социализме и женском движении // Союз женщин. 1907. № 5. С. 5—7.
- Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Цеткин К.* Женский вопрос и социализм: пер. с нем. Одесса: М. С. Козман, 1905. 35 с.
- Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья, конец XIX в. — 1913 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 1999. 23 с.
- Шукина Н. П.* Рабочий класс Среднего Поволжья в 1907—1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1984. 249 с.
- Энгел Б. А.* Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Посиделки, 1996—1998: дайджест. СПб.: Петербург. центр генер. проблем, 1999. С. 9—11.
- Янжул И. И.* Женщины-матери на фабриках: в 2 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1884. Т. 1. 421 с.
- Яцимирская Е.* Работницы на I Всероссийском женском съезде // Нева. 1958. № 12. С. 180—183.
- Clements B. E.* Bolshevik Women. New York; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1997. 338 p.
- Edmondson L.* Feminism in Russia, 1900—1917. Stanford: Princeton UP, 1984. 197 p.
- Fieseler B.* Frauen auf dem Weg in die russische Socialdemokratie, 1890—1917: Eine Kollektive Biografie. Stuttgart: FSV (Franz Steiner Verlag), 1995. 329 S.
- Glickman R. L.* Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880—1914. Berkeley: University of California Press, 1986. 323 p.
- Harcave S.* First Blood. The Russian Revolution of 1905. New-York; London: Macmillan, 1964. 515 p.
- Keep J. K.* The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford: Clarendon, 1963. 334 p.
- Popp A.* Die Jugendgeschichte einer Arbeiterin. Munich: Ernst Reinhardt, 1909. 212 S.
- Stites R.* The Womens Liberations Movement in Russia: Feminism, Nigilism and Bolshevism, 1860—1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. 464 p.
- Vernadsky G.* A History of Russia. New Haven: Yale University Press, 1954. 531 p.
- Wolkin J.* The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. London: Praeger, 1963. 320 p.

References

- Balobanov, M. (1925) *Zhenskiĭ i detskiĭ trud* [Women's and child labor], Moscow: Ekonomicheskaiia zhizn'.
- Barulina, A. T. (1957) Rabota petrogradskoi i moskovskoi partorganizatsii sredi zhenshchin-rabotnits [Work of the Petrograd and Moscow party organizations among women workers], in: *V bor'be za pobedu Oktiabria*, Moscow: Gospolitizdat, pp. 184—208.
- Bebel', A. (1918) *Zhenshchina i sotsializm* [Women and socialism], Petrograd: Luch.
- Belikov, B. D. (1914) *Zhenshchina v promyshlennoi inspektsii* [Woman in industrial inspection], Tver': Tipolitografiia M. V. Blinova.
- Bez nikh my ne pobedili by: Vospominaniia zhenshchin — uchastnits Oktiabr'skoi revoliutsii* (1975) [We would not have won without them: Memoirs of women who participated in the October revolution], Moscow: Politizdat.
- Bol'shevnikov, P. K. (1964) *Ol'ga Afanas'evna Varentsova* [Olga Afanas'evna Varentsova], Moscow: Politizdat.
- Bovykin, V. I. (ed.) (1981) *Rabochii klass v pervoi rossiiskoi revoliutsii 1905—1907 gg.* [Working class in the first Russian revolution 1905—1907], Moscow: Nauka.
- Braun, L. (1902) *Zhenskiĭ vopros* [Women's issue], Moscow: Izdanie D. P. Efimova.
- Broïdo, E. L. (1917) *Zhenshchina-rabotnitsa* [Female worker], Petrograd: Rabochaia biblioteka.
- Burdzhalov, È. N. (1967) *Vtoraia russkaia revoliutsiia. Vosstanie v Petrograde* [The second Russian revolution. The uprising in Petrograd], Moscow: Nauka.
- Chugunov, E. A. (1999) *Polozhenie i kul'turnyi uroven' promyshlennykh rabochikh Verkhnego Povolzh'ia, konets XIX v. — 1913 g.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Status and cultural level of industrial workers of the Upper Volga region, the late XIX c. — 1913: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Kostroma.
- Clements, B. E. (1997) *Bolshevik Women*, New York; Cambridge (UK): Cambridge University Press.
- Dement'ev, E. M. (1899) *Vrachebnaia pomoshch' fabrichnym rabochim* [Medical care for factory workers], St. Petersburg: Tipografiia V. F. Kirshbauma.
- Dmitrieva, V. I. (1930) *Tak bylo: (Put' moei zhizni)* [So it was: (The way of my life)], Leningrad: Molodaia gvardiia.
- Drobchenko, V. A. (2009) Zhenskoe dvizhenie v Tomskoi gubernii v 1917 g. [Women's movement in Tomsk province in 1917], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 318, pp. 110—113.
- Edmondson, L. (1984) *Feminism in Russia, 1900—1917*, Stanford: Princeton UP.
- Engel, B. A. (1999) Russkie zhenshchiny i revoliutsionnoe nasledie: otkaz ot lichnoi zhizni [Russian women and the revolutionary legacy: the rejection of personal life], in: *Posidelki, 1996—1998: Daidzhest*, St. Petersburg: Peterburgskii tsentr gendernykh problem, pp. 9—11.
- Fieseler, B. (1995) *Frauen auf dem Weg in die russische Socialdemokratie, 1890—1917: Eine Kollektive Biografie*, Stuttgart: FSV (Franz Steiner Verlag).
- Gafizova, N. B. (2000) *Istoricheskiĭ opyt vzaimodeistviia rossiiskogo i mezhdunarodnogo zhenskikh dvizhenii v kontse XIX — nachale XX v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Historical experience of interaction between Russian and international women's movements in Russia in the late of XIX — beginning XX c.: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Ivanovo.
- Galliamova, L. I. (1998) *Dal'nevostochnye rabochie Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Far Eastern workers of Russia in the second half of the XIX — beginning XX c.], Vladivostok: Dal'nauka.

- Geller, S. L. (1924) Iz mest ves'ma otdalennykh [From very remote places], *Katorga i ssylka*, no. 4, pp. 188—211.
- Glickman, R. L. (1986) *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880—1914*, Berkeley: University of California Press.
- Grishina, Z. V. (1978) *Zhenskie organizatsii v Rossii (1905 g. — 1917 g.)*: Dis. ... kand. ist. nauk [Women's organizations in Russia (1905—1917): Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Harcave, S. (1964) *First Blood. The Russian Revolution of 1905*, New-York; London: Macmillan.
- Ianzhul, I. I. (1884) *Zhenshchiny-materi na fabrikakh* [The women-mothers in the factories], vol. 1, Moscow: Tipografiia A. I. Mamontova.
- Iatsimirskaia, E. (1958) *Rabotnitsy na I Vserossiiskom zhenskom s'ezde* [Female workers at the I All-Russian women's congress], *Neva*, no. 12, pp. 180—183.
- Istoriia rabochikh Leningrada, 1703—1917* (1972) [The history of the Leningrad workers], Leningrad: Nauka.
- Itkina, A. M. (1970) *Revoliutsioner, tribun, diplomat* [Revolutionary, stands, diplomat], Moscow: Politizdat.
- K. Marks, F. Engel's, V. I. Lenin o zhenskom voprose* (1971) [K. Marx, F. Engels, V. I. Lenin about the women's issue], Moscow: Politizdat.
- Kal'manovich, A. A. (1908) *Zhenskoe dvizhenie i otnoshenie partii k nemu* [Women's movement and the attitude of party to it], St. Petersburg: Tipografiia B. M. Vol'fa.
- Keep, J. K. (1963) *The Rise of Social Democracy in Russia*, Oxford: Clarendon.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917)* [Experience and traditions of the women's movement in Russia (1860—1917)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Women's movement in Russia (the late XIX — the beginning XX c.)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kir'ianov, Iu. I. (2007) *Sotsial'no-politicheskiĭ protest rabochikh Rossii v gody Pervoĭ mirovoi voĭny (iiul' 1914 — fevral' 1917 gg.)* [Social and political protest of Russian workers during the First World War (July 1914 — February 1917)], Moscow: Institut russkoĭ istorii Rossiiskoi akademii nauk.
- Kollontaĭ, A. M. (1910) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [Social foundations of the women's issue], St. Petersburg: Tipografiia Ts. Kraĭza.
- Kollontaĭ, A. M. (1917) *Rabotnitsy i Uchreditel'noe sobranie* [Female employees and the Constituent Assembly], Petrograd: Priboĭ.
- Kollontaĭ, A. M. (1920) *K istorii dvizheniia rabotnits v Rossii* [On the history of the workers' movement in Russia], Khar'kov: Vseukrainskoe izdatel'stvo.
- Kollontaĭ, A. M. (1974) *Iz moeĭ zhizni i raboty: Vospominaniia* [From my life and work: Memories], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Kollontaĭ, A. M. (1989) *Revoliutsiia — velikaia miatezhnitsa: Izbrannye pis'ma 1901—1952 gg.* [The revolution is a great rebel: Selected letters 1901—1952], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Kondakova, O. N. (2002) *Zhenshchiny-revoliutsionerki v 70—80-e gg. XIX veka i ikh prebyvanie v sibirskoi ssylke: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Women revolutionaries in the 70s — 80s of the XIX century and their stay in Siberian exile: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kostiurina, M. (1926) Molodye gody [Younger years], *Katorga i ssylka*, no. 24, pp. 180—195.
- Kotlova, T. B., Dobrynina, A. M. (2005) *Zhenshchiny v politicheskikh partiakh Rossii v nachale XX veka* [Women in political parties in Russia at the beginning of the XX century], *Intelligentsiia i mir*, no. 1—2, pp. 111—119.

- Kramov, I. N. (1968) *Utrennii veter: Povest' o L. M. Reisner* [Morning wind: The story of L. M. Reisner], Moscow: Detskaia literatura.
- Leiberov, A. I. (1985) Nachalo "Rabotnitsy" [The beginning of the journal "Woman Worker"], *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 174—177.
- Letopis' revoliutsionnykh sobytii v Samarskoï gubernii 1902—1917 gg.* (1969) [Chronicle of revolutionary events in the Samara province 1902—1917], Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Levinson-Nechaeva, M. N. (1953) Polozhenie i byt rabochikh tekstil'noi promyshlennosti Moskovskoi gubernii v nachale XX v. [The situation and life of textile workers in the Moscow province at the beginning of the XX c.], in: *Istoriko-bytovye ekspeditsii 1949—1953 gg.*, no. 23, Moscow: Nauka, pp. 155—171.
- Liubimova, S. (1958) *V pervye gody* [In early years], Moscow: Gospolitizdat.
- Lunts, M. G. (1958) *Iz istorii fabrichnogo zakonodatel'stva, fabrichnoi inspeksii i rabocheho dvizheniia v Rossii* [From the history of factory legislation, factory inspection, and the labor movement in Russia], Moscow: Pechatnoe delo.
- L'vova, E. (1914) *Russkaia rabotnitsa* [Russian female worker], St. Petersburg: Nakanune.
- Maksimov, L. (2017) Gostaina veka [State secret of the century], *Ogon'ek*, no. 5449, pp. 18—20.
- Manbekova, S. U. (1984) *Formirovanie marksistskogo mirozozreniia i nachalo revoliutsionnoi deiatel'nosti N. K. Krupskoi*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Formation of the Marxist worldview and the beginning of the revolutionary activity of N. K. Krupskaya: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Mikhalutina, D. K. (1949) *N. K. Krupskaiia v period obrazovaniia RSDRP i pervoi russkoi revoliutsii (1890—1907 gg.)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Krupskaya during the formation of the RSDRP and the first Russian revolution (1890—1907): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Milovidova, E. (1929) *Zhenskiĭ vopros i zhenskoe dvizhenie* [Women's issue and women's movement], Moscow: Gosizdat.
- Orlova, N. (1970) *Partiia bol'shevikov — organizator proletarskogo zhenskogo dvizheniia v Rossii (1907—1914)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Bolshevik party — organizer of the proletarian women's movement in Russia (1907—1914): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Petaikina, M. V. (2009) *Stanovlenie zhenskikh sotsial'nykh i politicheskikh dvizhenii v Saratovskoi, Samarskoï i Simbirskoi guberniiakh: 1900—1907 gg.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Formation of women's social and political movements in the Saratov, Samara and Simbirsk provinces: 1900—1907: Diss. (Cand. Sc.)], Ul'ianovsk.
- Podliashchuk, P. I. (1963) *Tovarishch Inessa: Dokumental'naia povest' ob I. Armand* [Comrade Inessa: Documentary story about I. Armand], Moscow: Politizdat.
- Pokrovskaiia, M. I. (1911) Kak pishetsia istoriia [How history is written], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 3, pp. 77—78.
- Pokrovskaiia, M. I. (1913) Fabrichno-zavodskaiia rabotnitsa [Factory woman worker], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 7—8, pp. 154—155.
- Polishchuk, E. N. (2013) Zhenskoe dvizhenie v Rossii: potrebnost' vremeni ili anarkhiia [Women's movement in Russia: the need of time or anarchy], *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 1—20.
- Popp, A. (1909) *Die Jugendgeschichte einer Arbeiterein*, Munich: Ernst Reinhardt.
- Postnikov, S. P., Fel'dman, M. A. (2009) *Sotsiokul'turnyi, oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900—1941 gg.* [Socio-cultural image of industrial workers in Russia in 1900—1941], Moscow: ROSSPĖN.
- Pozmogova, L. P. (1963) *Ol'ga Genkina* [Olga Genkina], Gor'kiĭ: Gor'kovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

- Pushkareva, I. M., Pushkareva, N. L. (2017) Zhenskoe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskoĭ zhizni Rossii 1914—1917 gg.: nekotorye itogi izucheniia problemy v otechestvennoĭ istoriografii [Women's movement in the socio-political life of Russia 1914—1917: some results of studying the problem in Russian historiography], *Rossiiskaia istoriia*, no. 5, pp. 73—96.
- Pushkareva, N. L., Pushkareva, I. M. (2004) “Novaia rabochaia istoriia” v zarubezhnoĭ istoriografii [“New working history” in foreign historiography], in: *Sotsial'naia istoriia, 2001—2002*, Moscow, pp. 47—69.
- Pushkareva, N. L., Pushkareva, I. M. (2020) Stanovlenie zhenskogo politicheskogo dvizheniia v Rossii (1891—1914 gg.) [Formation of the women's political movement in Russia (1891—1914)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 114—128.
- Rabochaia grupa na zhenskom s'ezde i sotsial-demokratiia (1909) [Working group at the women's congress and social democracy], *Sotsial-demokrat*, no. 4, pp. 78—80.
- Rabochee dvizhenie v Rossii, 1895 — fevral' 1917 g.*: Khronika (1992—2008) [The labor movement in Russia, 1895 — February 1917: Chronicle], no. 1—10: 1895—1904 gg., Moscow.
- Rashin, A. G. (1958) *Formirovanie rabochego klassa Rossii* [Formation of the Russian working class], Moscow: Sotsĕgziz.
- Reshetova, S. X. (1973) *Zhenskiĭ vopros v pervoi russkoĭ revoliutsii*: Dis. ... kand. ist. nauk [Women's question in the first Russian revolution: Diss. (Cand. Sc.)], Kazan'.
- Riabikov, V. (1925) Simbirskie bol'sheviki, 1903—1906 gg. [Simbirsk Bolsheviks, 1903—1906 gg.], in: *1905 god v Simbirske*, Ul'ianovsk: Ispartotdel gubkoma RKP(b).
- Riazanova, A. (1923) *Zhenskiĭ trud* [Female labor], Moscow: Moskovskiĭ rabochiĭ.
- Rossiiskiĭ proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniia* (1970) [The Russian proletariat: the appearance, struggle, hegemony], Moscow: Nauka.
- Rouz, S. O. (1996) Pol i rabochaia istoriia [Gender and work history], *Konets rabocheĭ istorii?*, Moscow: Uliss, pp. 213—242.
- Sablina (Krupskaia N. K.) (1926) *Zhenshchina-rabotnitsa* [Female worker], Moscow: Gosizdat.
- Samoĭlova, K. N. (1919) *Rabotnitsy v rossiiskoĭ revoliutsii* [Female workers in the Russian revolution], Petrograd: Petrogradskiĭ Sovet rabochikh i krasnoarmeĭskikh deputatov.
- Serditova, S. N. (1959) *Bol'sheviki v bor'be za zhenskie proletarskie massy (1903—1916 gg.)* [The Bolsheviks in the struggle for the proletarian masses of women (1903—1916)], Moscow: Gospolitizdat.
- Severtseva, O. V. (2017) Dosug v povsednevnoĭ zhizni rabotnits Sankt-Peterburga v nachale XX v. [Leisure in the daily life of St. Petersburg female workers in the early XX c.], *Stolitsa i provintsi: vzaimootnosheniia tsentra i regionov*, no. 8, pp. 46—51.
- Shchukina, N. P. (1984) *Rabochiĭ klass Srednego Povolzh'ia v 1907—1914 gg.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Working class of the Middle Volga region in 1907—1914: Diss. (Cand. Sc.)], Kuĭbyshev.
- Sol'skaia, O. (1913) *Rabotnitsa i strakhovanie* [Female worker and insurance], St. Petersburg.
- Stites, R. (1978) *The Womens Liberations Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930*, Princeton: Princeton University Press.
- Tiurbert, S. A. (1907) Dva napravleniia v sotsializme i zhenskom dvizhenii [Two trends in socialism and the women's movement], *Soiuz zhenshchin*, no. 5, pp. 5—7.
- Tsetkin, K. (1905) *Zhenskiĭ vopros i sotsializm* [Women's issues and socialism], Odessa: M. S. Kozman.
- Tveretskaia, N. D. (2000) *Deiatel'nost' sotsial-demokratov na vserossiiskikh legal'nykh s'ezdakh 1908—1911 gg.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Activities of the social-democrats at the All-Russian legal congresses of 1908—1911: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.

-
- Vakhromeeva, O. B. (2009) *Zhenshchiny v sisteme trudovykh resursov v Rossii na rubezhe XIX—XX vv.* [Women in the labor force system in Russia at the turn of the XIX—XX cc.], St. Petersburg: Znamenitnye universanty.
- Vernadsky, G. (1954) *A History of Russia*, New Haven: Yale University Press.
- Wolkin, J. (1963) *The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia*, London: Praeger.
- Zhenshchiny v revoliutsii: vospominaniia* (1959) [Women in the revolution: memories], Moscow: Gospolitizdat.

Статья поступила 12.06.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Ирина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 126—136
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.10

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 126—136
ББК 63.3(2)6-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.10

MUSLIM WOMEN UNDER SOVIET RULE
IN CENTRAL ASIA (TURKISTAN):
SOVIET GENDER PRACTICE

Y. Omarbayev^a, T. Khazretali^b,
E. Zulpikharova^b, Zh. Kumganbayev^c

^a Institute “Public consent” under the President of Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, omabayev1987@gmail.com

^b Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University,
Turkistan, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

After the October revolution of 1917, the lifestyle of Muslim women in Central Asia changed dramatically. This was due to the gender policy of the Bolsheviks. This study analyzes the Soviet Central Asia from a historical perspective to understand the impact of the Soviet regime on Muslim women’s lifestyles. It specifically focuses on the underlying reasons of laws and policies put into effect by the Soviet officials in the name of emancipating Muslim women in Central Asia. The main argument of the study is that even though the Soviet officials had a genuine intention for the emancipation of Central Asian women from the patriarchal structure both in the public and private spheres of life, the policies and their implementations were shaped in accordance with the basic motive of the regime to survive. In the first years of the Soviet regime, mostly ideological intentions shaped the women’s emancipation project.

Key words: Central Asia, Muslim women, Soviet Union, women’s emancipation, Soviet gender policies, Muslim tradition, marriage.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ТУРКЕСТАН): СОВЕТСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПРАКТИКА

Ы. Омарбаев^a, Т. Хазретали^b,
Э. Зултыхарова^b, Ж. Кумганбаев^c

^a Республиканское государственное учреждение “Қоғамдық келісім”
при Президенте Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан, omarbayev1987@gmail.com

^b Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави,
г. Туркестан, Казахстан

^c Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

После Октябрьской революции 1917 г. положение мусульманских женщин в Средней Азии резко изменилось. Это было связано с гендерной политикой большевиков. В статье с исторической точки зрения анализируется влияние советского режима на трансформацию образа жизни мусульманских женщин Центральной Азии. Особое внимание уделяется основным причинам введения советскими официальными органами новых законов и осуществления политики эмансипации женщин. Главный вывод исследования состоит в том, что важнейшим мотивом реализации данной политики являлась борьба за выживание режима, хотя советские чиновники действительно стремились к освобождению среднеазиатских женщин как в общественной, так и в частной сфере жизни. В первые годы советской власти проект эмансипации женщин формировался главным образом на основе идеологии правящей партии.

Ключевые слова: Центральная Азия, мусульманские женщины, Советский Союз, эмансипация женщин, советская гендерная политика, мусульманская традиция, брак.

Introduction

After the Bolshevik Revolution of 1917, USSR (Union of Soviet Socialist Republics) was founded claiming to establish the first Communist regime in the world. The new Union tried to solve the economic, political and social problems to establish strong and indestructible socialist regime in the long run. Many legal regulations and propaganda tools were used for this purpose. In Central Asia, as elsewhere in the Union, Soviet regime tried to achieve a union economy, establish a state, which is atheist, egalitarian and secular, and to create a Soviet people sharing the same values regardless of their linguistic, cultural and traditional differences. In addition to these, the Soviet Union tried to change, destroy, or solve the issues related to the traditional life style of Central Asian people.

“Women’s emancipation” was one of the items on the Soviet agenda. Emancipation, throughout this article, refers the liberation of women from enslavement to men and from traditional boundaries and stereotypes with the help of entering

into the workforce and elimination of religious customs with reference to Soviet definition. It seems that the Bolsheviks approach to “women’s emancipation” focused on the economic and political spheres. They strongly believed that they needed women to create a Communist society and to make it last. Women were assumed to be the mothers of future Communist generations, and the Soviet Union encouraged political and economic participation of women all over the Union regardless of different characteristics of different regions. Both within the family and in social, economic and political life, women were supported to become a modern Soviet woman fulfilling their responsibilities and expected to make decisions based on her own free will. However, under the Soviet regime, what a woman should or should not do were defined within strict boundaries, according to the needs of time / the regime. Therefore, while Soviet Union tried to improve situation of women in the society, the regime also put them under heavy responsibilities and roles that women could not manage all the time. It seems to be there is a contradiction here in the Soviet vision, between seeing them as mothers (of the Soviet generation), fulfilling their responsibilities and free will. Maybe Soviet regime just wanted to switch women’s loyalty and subservience from the family etc. to the new state, but not liberate them.

The literature on Soviet policies regarding women often revolve around the question of whether “women’s emancipation” was achieved or not. More specifically, the motivations behind this Soviet project are analyzed. Was it ideologically or pragmatically driven? How vital woman emancipation was women’s emancipation for the survival of the Soviet regime? How was it used to justify the Soviet policies? These are among the main questions discussed in the literature. Within this broad topic, the position of Muslim women of Central Asia make-up an interesting case. This paper will specifically focus on Soviet policies regarding women in Central Asian Republics for a few reasons. The paper consists of three parts. In the first part, we discuss the importance of this study, and the questions in mind regarding the subject. In the second part, after briefly discussing the pre-Soviet era, we focus on the position of Muslim women in Central Asia under Soviet regime in terms of legal, socio-cultural, economic and political spheres. And, in the last part, we evaluate the Soviet era policies regarding Muslim women.

In this paper, how being a Muslim and having strong cultural traditions affected the woman issue in Central Asia will be examined. The research question in mind is that; was gender equality achieved under Soviet Union in Central Asia? Answering the questions of was the equality before law enough to create gender equality in the society? and did participation of work result in emancipation of women? To answer these research questions, Muslim women under Soviet regime are analyzed. Legal, political, economic, and social regulations put into effect by Soviet Union are examined.

The reason making Central Asian region important to study, and not any other Muslim country, is that people in this region experienced foreign domination in their lands and were forced to accept certain gender-based policies put into effect by foreign policy makers. These policies were from the above, and sometimes ignored the necessities and values of the people living in that region. Moreover, the atheist ideology of the Soviet regime saw religion (Islam) as a major threat. This is yet another reason that makes Central Asia unique in terms of the gender issue.

In the literature, on the one side, there are studies related to Soviet women and focusing on the ideological motivations of Soviet authorities on gender issue [Abashin, 2015: 94]. On the other side, there are studies on Central Asian women. These studies mainly focus on the pre-Soviet period Central Asian women who were characterized with bride price, child marriage, and isolation from the outside world via veil, polygamy, violence and male domination. After the arrival of Soviets to the region, feudal culture of the region was confronted with the Soviet ideology. Emancipation of women was the vital part of Soviet policies, because religious customs and traditions caused Central Asian women to be perceived as slaves by the new regime.

Although there are many studies focusing on the Central Asian history and the transition period of these countries analyzing social, economic and cultural policies, very few scholars in Russia, Kazakhstan and Uzbekistan have studied the subject of women in Central Asia; and these works mainly focused on the gender issue within a comparative perspective [Sydykova, 2014; Abashin, 2015].

Therefore, this study aims at contributing to this literature by focusing on the life of women in the region, and how and why this changed or was changed during the Soviet era in a historical perspective.

Gender policy of the Bolsheviks in Central Asia

The situation of Muslim women changed in the Soviet era because women were the visible side of the Communist revolution. Leaders of Communist Party believed that emancipation of women was the first step for the emancipation of all.

Many scholars suggest that gender policies were not all about achieving gender equality, but about solving the current demographic, economic and ideological problems that the Soviet Union faced [Lubin, 1981: 186].

From the beginning of their rule, we believe that Soviet leaders tried hard to liberate women in all the regions of the country. The ideal was to equalize woman with man in the economic, social and political spheres. To do so, Soviet leaders provided moral and material support for helping women in their role as mothers and wives. However, the aims of Soviet Union are regarding women's emancipation different conditions and different ways in different regions of the Union. Lubin indicates that while Soviet policies regarding the female emancipation was a legal matter, in Central Asia, it was not about the social and economic norms, but a matter of religious and traditional society [ibid.: 182].

Especially in the rural areas of Soviet Union, women had no public role and enjoyed only a few rights. They had no right to divorce, for example. Under Islamic law, they had formal rights in theory, but in practice, it was difficult to enjoy these rights, if not impossible. The very first duty of the woman was childbearing, i. e. having a large number of sons for the well-being of the family. Health care provided to women was primitive. It was expected of women to work and give birth at the same time. These circumstances led to infant mortality rate being rather high in Central Asia. In addition, physical punishment to women was common. It was claimed by Massell that, "a husband catching a runaway wife might bite off her nose, and the branding of genitals in cases of female infidelity was also discovered" [Kennedy-Pipe, 2004: 94].

Massell points out that Central Asian women were perceived by society, and by themselves as “the lowest of the low”, “the most oppressed of the oppressed”, “the most enslaved of the enslaved” [Massell, 2010: 93]. Therefore, he made five assumptions regarding Central Asia and Central Asian women. Firstly, every society has antagonisms that would be put an end to by communism. Secondly, in Central Asia, two main reasons stood out for the lack of social struggle; the process of struggle could be masked by the notion of solidarity, and if the parties failed to behave in an expected manner, the problem could be solved by the strong kinship relations before it caused fragmentation. Therefore, there was a need for a different approach towards Central Asia. Thirdly, Muslim traditions were a unique target for revolutionary purposes, and women could be the main respondents of these purposes. Fourthly, women needed to be free from the chains of tradition, so that they could actively take part in the revolution. Lastly, female resentment and discontent would make women the revolutionary force in Central Asia.

Soviet Union had to eliminate all above-mentioned mentality of women’s subordination to achieve its purposes. For Soviet leaders, it was not possible to build a Socialist state without liberating women. So, they tried to change the subordinate status of women by recruiting them into Soviet collective farms, factories and schools. It was their way to fight against the backwardness of Muslim women in Central Asia. Soviet authorities believed that, by eradicating the customs and traditions, they could finally transform the Central Asian women. The final goal was to make Central Asian women active Soviet citizens. To achieve this end, negative elements in women’s life in Central Asia were overemphasized. That intention of freeing women from all peculiarities they were born with does not necessarily guarantee desired results. As Keller claims, the Soviet policies for the emancipation of women in Uzbekistan had two components: freeing women from Muslim social and religious structures and placing them into the workforce. However, these emancipation attempts resulted in undesired outcomes when women were faced with the problem of creating balance between obeying the rules of the government, remaining loyal to their families, communities, customs and, embracing their own opportunities to fulfill their desires. Therefore, women became the victims of the policies that were supposed to help improve their status in society [Keller, 1998: 20].

Soviet officials saw the Islam as the main cause of women’s backwardness in Central Asia because they had to find such a component in the society to justify their policies as an atheist and Communist state. By this way, they have the chance to present themselves as the “saviors”. So, they did not take what was written in the Koran or Sunna as a guide, their primary goal was to recruit women as the defenders of the new regime. There is quite a literature on whether Islam provided women more opportunities and enhance the position of women in the society, or it eradicated the women’s status. However, this study does not focus on that issue; rather it underlines the latter view as the point of view of the Soviet Union .

Legal framework. In order to change the traditional way of life in Central Asia, the Soviet regime, made changes in the legal codes. Initial steps toward female emancipation were rather promising. In 1918, the first Family Code made women equal to men under the law. The code allowed women to choose their surname when they got married; gave illegitimate children the same legal rights as legitimate ones and eased

the divorce process. Polygamy (polygyny), child marriage and bride wealth (kalym) were banned. This Code tried to achieve equality between husbands and wives, and to secularize marriage [Sydykova, 2014: 76].

In 1919, a Registry of Births, Marriage and Death was established in Turkistan [Omarbayev, 2017: 6]. In 1920, Islamic law (sharia law), and Islamic court system were replaced with secular law and courts. The regime set an age limit of 18 for males, and 16 for girls to get married. The Code of 1920 put an end to the religious sanction of marriage. The equality between man and woman was guaranteed. Equal pay for equal work was legalized [Edgar, 2003: 138].

New laws, also, concerned with the personal safety of women. Mistreatment and insulting of women were banned and forcing women to wear a veil became illegal [Turaeva, 2017: 61]. In 1920, abortion was legalized. Women's Bureau of Communist Party (Zhenotdel) was established in 1919 [CSA RU, fond R-27, opis' 1, delo 6, 28]. A circular was issued in 1926 to enhance female access to divorce via secular courts and it forbade the religious courts to hear divorce cases. In 1927, the commissariat issued a general call to form a "united front in the offensive against survivals of the old way of life for the liberation of women" no doubt in connection with the launching of the unveiling campaigns" [ibid., fond R-18, opis' 1, delo 19, 55].

"The Decree in Defense of Mother and Child" in 1936 was a historical turning point. Family as the foundation of society was emphasized. Under this decree, abortion was illegalized, homosexuality was declared as a crime, divorce became difficult to obtain and rights of illegitimate children were revised [Tatybekova, 1975: 13].

Protective labor legislation indicated that women should not work if it prevented their role as child bearers, and gave some special rights to pregnant women in the 1920s [Liubimova, 1925: 41]. It was assumed that financial support was needed for women to raise their children. This support was the key element of pro-natalist (the belief that a woman's worth is tied to conceiving and bearing children, and motherhood is a primary social role of women) campaign for large families. In addition, visual material was used to emphasize the importance of motherhood and mothers.

Central Asian Republics passed laws identifying and outlawing "crimes of custom" (byt or bytovye prestupleniia meaning social, everyday life) in the 1920s [Vishnevskii, 1992: 85]. In the 1930s, the Communist Party declared that emancipation of women was achieved. However, in the post-war years, it was stated, "the post-war years saw a steady increase in the absolute number of abortions, an indication of the state's failure to reach women through pro-natalist and anti-abortion propaganda" [Ponomarev, 2010: 69]. In 1941, a decree on taxing bachelors, single and childless citizens of the USSR tried to encourage birth. After World War II, the Soviet Union put pro-natalist Family Law into effect. This law increased financial support for pregnant women, mothers with many children, single mothers, and preserved motherhood. Honorary title of Mother Heroine (awarded to those with ten children or more) was introduced. This law aimed to increase population. "Motherhood Medal", Khrushchev's proposal consisted of two documents; the informational note (spravka) "on measures for increasing the population of the USSR" and the draft ukaz "on measures to increase governmental support for women in childbirth and mothers

with many children, and reinforcement of the protection of motherhood and childhood” [CSA RK, fond 35, opis’ 1, delo 46, 17, 18].

The emancipation of women was imposed from above by the Soviet government, for affecting revolutionary changes, while not being concerned about economic, social and demographic issues. After a certain time period, Soviet policy makers believed that women question in the Union was solved, and gender equality was achieved regardless of different starting points, nationalities and traditions of the various regions [Lubin, 1981: 182—183]. However, the major problem was the reluctance of local party officials to implement the laws they deemed to be against their way of life and religion [Tartakovskaia, 1997: 41]. So, regime’s influence remained weak in Central Asia, and the new laws remained unenforced in the longrun.

Socio-cultural arena. In Central Asia, daughters were expected to protect family honor, have roles in the public domain, to be modest, and to obey their parents and husbands. Sons were perceived more valuable as they were productive laborers as well as the ones bringing wives and children into the family. They were expected to take care of their parents in their old age. However, daughters would leave their families once married [Ponomarev, 2010: 56]. Women were to raise a child as a source of status and respect. Muslim women were bound by the Sharia (law based on the holy book of Muslims, the Qur’an) which was perceived as the protector of women and guarantor of their moral and spiritual superiority as mothers, wives, and daughters. The nomadic and settled populations in the region had different interpretations of the law.

Women in nomadic areas enjoyed more autonomy both in public and private spheres, as compared to women in settled areas [Abashin, 2015: 229]. The division of labor and tasks that women were handling gave them more freedom in rural areas, as compared to urban areas. Especially in the urban areas of Central Asia, women were not allowed to walk in the streets without male escort, when they did, they were expected to keep silent and segregated. A Turkmen saying clearly shows this view: “The world is a man’s house, while the house is a woman’s world” [Turaeva, 2019: 65].

Soviet leaders attempted to eliminate these views, customs and practices that oppressed women. They believed that this was the very first step of establishing socialism. Policy makers initiated some reforms eradicating the Islamic marriage and family practices. Child marriage, bride wealth and polygamy were outlawed to free women from the bondage of oppressive customs and to make them visible in schools, collective farms and public organizations [Engel, 1992: 314]. The regime interpreted that women in Central Asia were bound up with traditions due to illiteracy, ignorance, and superstition in cultural roles [Massell, 2010: 157]. However, as Abazov points out, traditions in Central Asia were products of long-term experiences. For example, the extended family structure provided a social safety net. Therefore, arranged marriages helped the survival of social stability [Abazov, 2007: 216]. The Soviet regime and Central Asian people did not view the traditional way of life in Central Asia from the same perspective. This was natural, but those different views made it difficult for the Soviet leaders to find a middle way and set a ground for their reforms. The daily life practices and customs of Muslim populations of Central Asia were unacceptable for the Soviet Union, and the destructive reforms initiated by the regime created resentment among the locals. Therefore, it was difficult to eliminate

all the customs that defines Central Asian people. It was even more difficult for them to see their customs as crimes [ibid.: 217].

The murders and harassment women faced with proved the inadequacy of legal sanctions to protect women. In 1938—1939, bride wealth and underage marriages cases of byt murders, sexual crimes and beatings of women increased [Ponomarev, 2010: 58]. Local police officers and prosecutors were not willing to punish these crimes, and this created the violence without any punishment. Men arrested for insulting unveiled women were sometimes released in as little as two hours [Abashin, 2015: 234]. Moreover, child marriage was another problematic issue. Between the years 1925—1935, almost half of the social crimes were about child marriage. It can be argued that Soviet policy makers failed to abolish the traditional practices. Attendances of mosques increased, fasting for Ramadan remained as widespread practices, and unveiled women turned to veil once again. With the relaxation of anti-religious campaign in 1930s, women's duties as Muslim women were re-emphasized [Keller, 1998: 31].

Therefore, in Central Asia, the laws were not enough to guarantee women's emancipation. Men and women internalized the customs. It was difficult to cut the tie between women and customs. Therefore, Soviet policy makers attempted to cut this tie by fighting over the most visible characteristic of women in Central Asia, the veil.

Family. Women were treated as second-class members of the family in Central Asia. They were treated as the source of honor for the family. They had to be silent and obey the rules that their families and traditions had set for them. The relationship between a father and a daughter was limited. Mostly, the father decided the man whom his daughter married, as Turkmen saying indicates, “just as a cow does not choose the water she drinks so does a woman not choose her husband”. In marriage, the woman was the object of the contract, not the subject [Massell, 2010: 121].

After the Bolshevik Revolution, complete transformation of societies was envisioned. Transforming family structure was the part of it. Breaking up old family structures and formation of new ones was the motto of Soviet policies especially in the first decade of regime [Aleksandrova, 1946: 76]. The Soviet Union, to achieve its end goal of transforming all society, tried to transform families in general, and mothers in particular. The distinct characteristics of the Soviet Union was the ideal of “the angel in the home”, and encouragement of women to work [Kelly, 2003: 115]. Turkmen men perceived this law as an assault to Turkmen family [Edgar, 2003: 144].

There is no doubt that men from other parts of the Central Asia also interpreted this law as Turkmen men. Consequences for women who dared to initiate divorce were dire, ending mostly murder by their husbands or women would often commit suicide since they had nobody to take care of them following their divorce. As one can observe, the policies towards emancipation of women in the region did not always result in the desired outcomes. These outcomes became more and more unpredictable when the regime modified its policies over time. The family was used as a unit of analysis according to the needs of the time and the policies of the leaders. For example, in 1934 Stalin emphasized the family as the basic unit of socialist society when preservation of the family structures was needed for his economic policies. This declaration aimed at preserving families, decreasing divorces and abortions, and giving rise to the birthrate [Kennedy-Pipe, 2004: 97]. S. N. Abashin claims that motherhood was promoted as a social duty as an explicit policy of Soviet Union.

Pronatalist and maternalist policies put some value to the large families, especially in rural Central Asia. Central Asian women were encouraged to give birth with the awards like Heroine Mother and Motherhood Glory (given to those with seven to nine children) [Abashin, 2015: 314].

The main failure of the Soviet Union regarding the family structure was that the regime ignored the customs and traditions that were the very basis of family formation in the region. Policies were shaped based on the ideology of the Soviet Union because at the end, the regime aimed at creating a society without any particularities like religion, tradition, and ethnicity. However, Central Asian people were not familiar with the regime and its ideals, so they should not have been expected to understand and internalize the reasons of reforms affecting family dynamics.

Conclusion

In the 1920s, the Soviet regime tried to be free women from the burdens of traditional way of life, and its symbolic expressions such as the veil. In the 1930s and 1940s, women were perceived as devoted workers on the way of creating socialism. Until the 1950s, there was not much discussion on the roles of the women. After the death of Stalin, the woman question returned to the public arena. In 1956, Khrushchev underlined the importance of women's active participation in politics. In the 1980s, especially in education, women's successes were impressive [Sydykova, 2014: 62].

Summarizing the results of the study, one can argue that gender equality under the law was established formally in Soviet Central Asia; however, its practice shows that gender equality needs much more effort than legislative actions. Although the Soviet regime tried to tackle the woman issue, the main problem for the achievement of desired results was the misguided communication between the Central Asian population and Soviet officials. Soviet leaders and officials presented the problems related to the woman question within their own ideological perspectives. In theory, what was assumed by the Soviet Union is understandable. While emphasizing the subordinate position of women, and the traditional and religious customs, the Soviet Union tried to use the resentments of women to turn them to independent individuals in all spheres of life. However, they failed to understand whether or not the problems they defined were the actual problems preventing women's status to be higher in the society.

One cannot claim that Soviet policies towards women were completely successful or not. What can be claimed is that the policies were pragmatic ones in accordance with the necessities of the time. From the Soviet Union point of view, creation of the defined Soviet person, regardless gender, was the real purpose. Therefore, rather than emphasizing differences, they tried to emphasize common things for all Soviet countries. What was missing in Central Asia was the total understanding of the regime. The people did not know about socialism, they did not know about the consequences of socialism, and the reason behind the reforms related to women. In addition, the regime did not know about Islam, the meaning of Islamic traditions, and it did not try to understand the basic meanings of these traditions for the people of Central Asia.

References

- Abashin, S. N. (2015) *Sovetskaia derevnia mezhdru kolonializmom i modernizatsieĭ* [The Soviet village between colonialism and modernization], Moscow: Novoe literatyrnoe obozrenie.
- Abazov, R. (2007) *Culture and Customs of the Central Asian Republics*, London: Greenwood Press.
- Aleksandrova, V. (1946) The Soviet family, *Russian Review*, vol. 5, no. 2, pp. 74—82.
- CSA RK (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, Almaty).
- CSA RU (Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, Tashkent).
- Edgar, A. L. (2003) Emancipation of the unveiled: Turkmen women under Soviet rule, 1924—1929, *Russian Review*, vol. 62, no. 1, pp. 132—149.
- Engel, B. A. (1992) Engendering Russia's history: women in post-emancipation Russia and the Soviet Union, *Slavic Review*, vol. 51, iss. 2, pp. 309—321.
- Keller, Sh. (1998) Trapped between state and society: women's liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926—1941, *Journal of Women's History*, no. 10, pp. 20—44.
- Kelly, K. (2003) Malen'kie grazhdane bol'shoĭ strany: internatsionalizm, deti i sovetskaia propaganda [Small citizens of a big country: internationalism, children and Soviet propaganda], *Novoe literatyrnoe obozrenie*, no. 3, pp. 114—128.
- Kennedy-Pipe, C. (2004) Whose security?: state-building and the emancipation of women in Central Asia, *International Relations*, vol. 18, iss. 1, pp. 91—107.
- Liubimova, S. (1925) *Kak zhivut i rabotaiut zhenshchiny Tsentral'noi Azii* [How Central Asian women live and work], Leningrad: Gosydarstvennoe izdatel'stvo.
- Lubin, N. (1981) Women in Soviet Central Asia: progress and contradictions, *Soviet Studies*, vol. 33, iss. 2, pp. 182—203.
- Massell, G. J. (2010) *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919—1929*, Princeton: Princeton University Press.
- Omarbayev, Y. K. (2017) Influence of passport documents on different spheres of activity life of Kazakhs pre Soviet period, *Norwegian Journal of Development of the International Science*, vol. 2, no. 4, pp. 67—72.
- Ponomarev, E. G. (2010) *Obrazovanie i vospitanie detei. Deti sovetskoĭ strany, 1917—1941: (Antropologicheskii aspekt)* [Education and upbringing of children. Children of the Soviet country, 1917—1941: (Anthropological aspect)], Stavropol: Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.
- Sydykova, A. A. (2014) *Polozhenie sovetskikh zhenshchin v Kazakhstane* [The situation of Soviet women in Kazakhstan], Almaty: Kazakhskii natsional'nyi universitet.
- Tartakovskaia, I. (1997) *Sotsiologiya gendera i sem'i* [Sociology of gender and family], Samara.
- Tatybekova, J. S. (1975) *Oktiabr' i zhenshchiny Kyrgyzstana* [October and women of Kyrgyzstan], Frunze: Kirgizstan.
- Turaeva, R. (2019) Women as change agents: gender in Post-Soviet Central Asia, in: Najafizadeh, M., Lindsey, L. (eds), *Women of Asia: Globalization, Development, and Gender Equity*, New York: Routledge, pp. 424—437.
- Vishnevskii, A. G. (1992) *Ėvoliutsiia sem'i i semeĭnoi politiki SSSR* [Evolution of the family and family policy of the USSR], Moscow: Nauka.

Информация об авторах / Information about the authors

Omarbayev Yrysbek — PhD, Chief Expert, Institute “Public consent” under the President of Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, omarbayev1987@gmail.com (PhD, главный эксперт, Республиканское государственное учреждение “Қоғамдық келісім” при Президенте Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан).

Khazretali Tursun — Dr. Sc. (History), Professor, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan (доктор исторических наук, профессор, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави, г. Туркестан, Казахстан).

Zulpikharova Elmira — Cand. Sc. (History), Assistant Professor, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan (кандидат исторических наук, доцент, Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави, г. Туркестан, Казахстан).

Kumganbayev Zhandos — PhD, Assistant Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan (PhD, доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
--------------------------	---

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике	5
---	---

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка	14
Милованова М. Ю. Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства (По материалам круглого стола, Государственная дума ФС РФ, 10 февраля 2020 г.)	27

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Женские организации в России и за рубежом: технологии продвижения гендерного равноправия	37
Кванина В. В., Громова Е. А., Спиридонова А. В. Государственная поддержка женского предпринимательства	52
Поветкина Н. А., Кудряшова Е. В., Леднева Ю. В., Веремеева О. В. Женщины в публичных финансах России и мира	66
Чилипенюк Ю. Ю., Гапонова О. С., Гапонова Н. С., Данилова Л. С. Трансформация жизненного уклада российских женщин в условиях самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19	82
Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Гуляев С. Б. Экспансия в визуальном искусстве женских художественных инициатив, связанных с феминизмом и гендерными исследованиями	99

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женщины в российском рабочем движении 1890—1917 гг.: вопросы и историографические обобщения	109
Омарбаев Ы., Хазретали Т., Зулпыхарова Э., Кумганбаев Ж. Мусульманские женщины при советской власти в Центральной Азии (Туркестан): советская гендерная практика	126
<i>Информация для авторов</i>	137

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

GENDER POLITOLOGY

Riabova T. B., Riabov O. V. “Not a boy, but a man”: on the gender-age stereotypes in politics	5
--	---

GENDER RESOURCES FOR SOCIAL DEVELOPMENT

Sillaste G. G. Transitivity of the family and its subjectivity in the process of forming a new gender order	14
Milovanova M. Yu. Women’s entrepreneurship in rural areas: sources of development, support for family entrepreneurship (Based on the materials of the round table discussion, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, February 10, 2020)	27

GENDER SOCIOLOGY

Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. Women’s organizations in Russia and abroad: technologies for the gender equality promoting	37
Kvanina V. V., Gromova E. A., Spiridonova A. V. The governmental support for female entrepreneurship	52
Povetkina N. A., Kudryashova E. V., Ledneva Yu. V., Veremeeva O. V. Women in public finance of Russia and the world	66
Chilipenok Yu. Yu., Gaponova O. S., Gaponova N. S., Danilova L. S. Transformation of Russian women lifestyle in the context of self-isolation caused by the COVID-19 pandemic	82
Rostovskaya T. K., Egorychev A. M., Gulyaev S. B. Expansion of women’s art initiatives in visual arts related to feminism and gender studies	99

GENDER HISTORY

Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. Women in the Russian labor movement 1890—1917: questions and historiographic generalizations	109
Omarbayev Y., Khazretali T., Zulpikharova E., Kumganbayev Zh. Muslim women under Soviet rule in Central Asia (Turkistan): Soviet gender practice	126
<i>Information for the authors</i>	137

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 — 2020

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.12.2020 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 143. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ